СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Монография

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «Новая наука»
2020

УДК 80
ББК 80
С56

Рекомендовано к публикации редакционной коллегией МЦНП «Новая наука»

Рецензенты:

Кулеш А. И.
доктор филологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет

Битокова С. Х.
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Коллектив авторов

Биль О.Н., Болгова Е.В., Гливенкова О.А., Гориславец Е.В., Курилова С.Н.,
Лосинская Е.В., Морозова О.Н., Пащенко М.В., Фадеева Л.Ю.

С56 СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ : [монография / Биль О. Н. и др.] ; Петрозаводск :
МЦНП «Новая наука», 2020. — 122 с. : ил. — Коллектив авторов.

ISBN 978-5-00174-035-3

В монографии рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями в области филологии, обозначается комплекс научной проблематики охватываемых сфер, предлагается новое видение ряда концептов.

Издание может быть полезно научным работникам, специалистам-практикам, преподавателям всех уровней образования, интересующимся проблемами развития современной филологии.

Авторы публикуемых материалов несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018К от 19.03.2018 г.

УДК 80
ББК 80

ISBN 978-5-00174-035-3

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2020
© МЦНП «Новая наука» (ИП Ивановская И.И.), оформление, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I.....	4
СТИЛЕВАЯ И ЖАНРОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕКСТОВ И СТРАТЕГИЯ ИХ ПЕРЕВОДА	4
<i>Лосинская Елена Владимировна, Гориславец Екатерина Викторовна, Пащенко Мария Викторовна, Фадеева Лариса Юрьевна</i>	
ГЛАВА II.....	34
СОПРЯЖЕНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МОНОЛОГЕ	34
<i>Гливенкова Ольга Анатольевна, Морозова Ольга Николаевна</i>	
ГЛАВА III	54
ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ЗООНИМОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗООНИМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «МЛЕКОПИТАЮЩИЕ КОПЫТНЫЕ, ДИКИЕ»).....	54
<i>Болгова Елена Викторовна</i>	
ГЛАВА IV.....	77
ЯКУТИЗМЫ В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ	77
<i>Курилова Самона Николаевна</i>	
ГЛАВА V	108
МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОСМИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВЕ К. БАЛЬМОНТА, В. БРЮСОВА, М. ВОЛОШИНА, Н. ГУМИЛЕВА	108
<i>Биль Ольга Николаевна</i>	

ГЛАВА I

УДК 81

СТИЛЕВАЯ И ЖАНРОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕКСТОВ И СТРАТЕГИЯ ИХ ПЕРЕВОДА

Лосинская Елена Владимировна

к.фил.н., доцент

Поволжский православный институт

Тольяттинская консерватория

Гориславец Екатерина Викторовна

к.фил.н., доцент

Пащенко Мария Викторовна

к.фил.н., доцент

Фадеева Лариса Юрьевна

к.фил.н., доцент

Поволжский православный институт

Аннотация: Настоящая монография представляет собой комплексное обобщение теоретических исследований, посвященных жанровой дифференциации текстов с последующей детализацией стратегий их перевода. Панхрония изучения лингвистики текста актуализирует релевантные свойства структурной композиции, функциональной и типологической вариативности текстов. Монография также включает системное исследование верификации эквивалентности перевода для обеспечения содержательной и прагматической полноты передачи текстов в мультилингвальном пространстве.

Ключевые слова: категории и структура текста, текст как языковая единица, типология и функциональная направленность текстов, интертекстуальность, эквивалентность перевода.

**STYLE AND GENRE DIFFERENTIATION OF TEXTS
AND THEIR TRANSLATION STRATEGY**

**Losinskaya Elena Vladimirovna
Gorislavets Ekaterina Viktorovna
Paschenko Maria Viktorovna
Fadeeva Larisa Yurievna**

Abstract: The present monograph is a comprehensive generalization of theoretical studies devoted to the genre differentiation of texts with subsequent specification of their translation strategies. The panchronicity of linguistic research of the text actualizes the relevant properties of the structural composition, functional and typological variability of texts. The monograph also includes a systematic study of translation equivalence verification to ensure the cognitive and pragmatic completeness of text transmission in the multilingual space.

Key words: categories and structure of text, text as a linguistic unit, typology and functional purpose of texts, intertextuality, translation equivalence.

Стремительное развитие науки и техники в настоящее время способствует созданию солидного корпуса научных текстов, включающего как различные научные публикации, например, монографии, статьи, тезисы выступлений на конференциях, так и научные тексты, представленные в форме учебников и книг. В результате наличия такого разнообразия научной информации собирается большое количество текстов, обладающих особым содержанием и специфическими внутренними структурными особенностями. Наряду с принятым в науке механизмом реализации категорий научного текста, в каждом тексте указанные категории могут проявляться по-своему и иметь собственную специфику и особенности.

Актуализируя историю возникновения и становления понятия «текст», становится очевидным, что первый опыт анализа текста относится к античным риторам. Они экспериментировали со способами эффективного структурирования выразительной речи. В средние века пристальное внимание к тексту проявляли философы, которые особо выделяли «уяснение содержания канонических сочинений и их интерпретацию, а также приложение содержания этих текстов к новым знаниям и новым жизненным ситуациям. На этой почве

развивается как анализ содержания канонических источников — герменевтика, так и анализ возникновения и жизни канонических текстов, исследующий подлинность и условия создания памятников, — экзегетика...» [1, с. 99].

По мере развития научного познания изучением текстов стали заниматься философы, литературоведы и филологи, при этом исследователи языка сконцентрировались в большей степени на отдельных единицах текста. Как показывают современные исследования, становлению лингвистики в качестве самостоятельной науки способствовал ряд как внутренних, так и внешних причин. К внутренним причинам относится неспособность приемлемого разъяснения отдельных фактов в языке при осуществлении только анализа предложений. К внешним причинам можно отнести изучение текста с литературоведческой, социологической и психологической позиций, а также исследования текста в качестве объекта теории перевода, корпусной лингвистики, методики преподавания различных языков и других предметов.

Таким образом, текст рассматривался, главным образом, как среда функционирования единиц языка, и только с середины XX в. стал расцениваться как особая речевая единица.

В результате сформировалось новое научное направление — лингвостилистика текста. Настоящая дисциплина аккумулирует ряд наук (риторика, стилистика, поэтика, семиотика, герменевтика, психолингвистика и др.).

Книга Харриса З. «Анализ дискурса» послужила отправным пунктом в возникновении лингвистики текста, так как для анализа структуры текста автор использует целый арсенал методических приемов, диахронически применявшихся для изучения сегментации, классификации и дистрибуции. Это, в свою очередь, определило значимость отдельного элемента в общей структуре, что впоследствии привело к рассмотрению языка в качестве связного текста. Более раннее представление базировалось на видении языка в виде совокупности бессвязных слов и предложений.

В начале XX в. в числе первых работ по изучению текста, представлявшего собой отдельную единицу, была работа И. Най «Сочинительные связи предложений (на примере текстов Ливия)» (1912). В ней американский исследователь определил два главных признака в структуре текста: незавершенность и повторяемость.

Российский мыслитель М.М. Бахтин был одним из первых, кто писал о необходимости рассмотрения лингвистики текста и создания

«металингвистики», представлявшей собой науку о тексте, которая занималась бы не только анализом предложений, но и изучением языка в его взаимосвязи с культурой. Академик В.В. Виноградов внес значительный вклад в исследование языка, обратив внимание на теорию языка художественной литературы. Кроме того, существенное развитие получила функциональная лингвистика, целью которой был прагматический анализ текстов. Немалый вклад в развитие лингвистики текста внесли результаты изучения семантического синтаксиса, связанного с рассмотрением содержательной стороны текста.

Подробное его изучение со всех сторон продолжается в XXI в. В качестве объекта исследований в лингвистике необходимо представлять текст и рассматривать его при проведении панхронического анализа как с учетом традиционных, так и современных концепций.

Лингвистика текста понимается отечественными учеными как «направление исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам» [38, с. 262]. По мнению В.А. Пищальниковой, «лингвистика текста — языковедческая дисциплина, занимающаяся анализом языковых закономерностей, которые выходят за рамки одного предложения, она имеет своей целью определить конститутивные признаки текста как единицы языка...» [26, с. 214].

Во всех определениях лингвистики текста присутствуют как объект исследования, включающий различные виды текста (письменные и речевые), которые могут быть представлены как фрагменты, так и цель, которая характеризует текст в качестве языковой единицы.

По мнению исследователей, текст может относиться к двусторонней языковой единице, которая способна вступать в парадигматические и синтагматические отношения при условии, что текст будет рассмотрен как единица другого иерархического уровня, следующего за синтаксическим, наряду с такими единицами, как фонема, морфема, лексема и др. [32].

Парадигматические отношения, представляя собой отношения «взаимной противопоставленности в системе языка между единицами одного уровня, так или иначе связанными по смыслу» [22, с. 29], могут быть обнаружены между сходными по теме или жанру текстами. Примером могут послужить трагедии, которые созданы разными драматургами, но имеют одинаковые принципы построения, обладая общим парадигмальным признаком — инвариантом.

Данный жанр относится к «драматическим произведениям», то есть к более крупной парадигме, где благодаря своему инварианту стоит в одном ряду с комедией и мелодрамой.

Среди инвариантных признаков текста выделяют текстему, которая представляет собой «специфическую абстрактную языковую единицу, которая реализуется в речи в форме текста» [25, с. 221]. Идею инвариантности структуры текста обосновывает в своих работах И.Р. Гальперин: «Текст представляет собой некое завершенное сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели одной из существующих в литературном языке форм сообщений (функционального стиля, его разновидности и жанров) и характеризуемое своими дистинктивными (отличительными) признаками» [12, с. 20].

Далее у него читаем: «Значительный вклад в теорию лингвистического анализа текста был внесен членами Пражского лингвистического кружка, чьи исследования наметили разные подходы к анализу текста. Однако в исследованиях текста представлены два подхода: построение формализованной грамматики текста и стремление соблюдать общую теорию текста» [12, с. 23].

Язык, являясь отражением объективной действительности, манифестирует свойственную этой действительности неупорядоченность и стремится систематизировать ее категориями.

В 60-е гг. XX в., когда лингвистическое направление только начало формироваться, многие работы относительно лингвистики текста носили исключительно формальный характер. Такое рассмотрение позже привело к сужению тематики и невозможности содержательной категоризации текста. Но обращение к смежным дисциплинам (психолингвистике, герменевтике, литературоведческому анализу и семиотике), изучающим текст с позиций своих отраслей, способствовало актуализации нового направления с учетом нового научного аппарата исследования.

Задачи изучения текста формулируются на основе представления текста как системы, имеющей два главных признака: целостность и связность. Текст определяется как сложное речевое единство, которое состоит не просто из последовательных предложений, а имеет коммуникативную целостность и смысловую завершенность, а также обладает логическими, семантическими и грамматическими связями. В результате формирования системной иерархии

текстов возникает типология текстов, главными критериями которой становятся коммуникативные параметры и лингвистические признаки, такие как сложное синтаксическое целое, абзац и др. Так, текстологический анализ категорий определяет специфику функционирования языковых единиц, приобретающих новые значения.

Верификация текста в качестве отдельной единицы способствовала появлению специальной науки, изучающей всю многогранность этого объекта, а именно лингвистики текста.

Прежде чем приступить к описанию текста в лингвистической науке, необходимо актуализировать понятие «текст».

Согласно словарю под редакцией В.Н. Ярцевой, текстом является «объединенная смысловой связью последовательность языковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность» [38, с. 505]. Подобное широкое понятие дается в словаре С.И. Ожегова, где сказано, что текст в лингвистике – это «внутренне организованная последовательность отрезков письменного произведения или записанной либо звучащей речи, относительно законченной по своему содержанию и строению» [24, с.780]. В свою очередь, известный советский лингвист И.Р. Гальперин в книге, являющейся основополагающей для изучения текстов в отечественной лингвистике «Текст как объект лингвистического исследования», определяет понятие «текст» следующим образом: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, логической, грамматической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [12, с. 18].

Вышеперечисленные определения констатируют наличие последовательности, связности и завершенности: текст репрезентирует объединенную смысловой связью внутренне организованную последовательность языковых единиц, характеризующуюся связностью и целостностью.

Многоаспектность и комплексность понятия «текст» провоцируют разнообразие подходов к его изучению. Так, в типологии текста тип текста актуализируется как понятие его структурно-семантической разновидности.

Иными словами, тип текста репрезентирует одну из форм его проявления, заданную определенными критериями.

Н.С. Валгина считает, что в основе типологии текста должны лежать главные признаки текста: информационные, функциональные, структурно-семантические и коммуникативные [5]. Данную точку зрения разделяет и австрийский лингвист В. Дресслер, утверждая, что текст не может быть достаточно определен только на синтаксическом или фонетическом плане, необходимо также принимать во внимание семантические или коммуникативные характеристики.

По мнению других лингвистов, тексты следует разделять с учетом их структурной основы, так называемых начальных структур, которые в виде последовательных «цепочек» (предложений, языковых средств) образуют текст. Так, Э. Верлих определяет такие типы текстов, как дескриптивные (описательные), информирующие о явлениях и изменениях в пространстве; нарративные (повествовательные), сообщающие о явлениях и изменениях во времени; объяснительные, дающие понятийное представление участников речевого процесса; аргументативные, представляющие концептуальное содержание высказывания говорящих, а также инструктивные, содержащие указания.

В этой связи выделяются следующие типы текстов: дескриптивные (описательные) – тексты о явлениях и изменениях в пространстве; нарративные (повествовательные) – тексты о явлениях и изменениях во времени; объяснительные – тексты о понятийных представлениях говорящего; аргументативные – тексты о концептуальном содержании высказывания говорящего; инструктивные, например, тексты законов.

Однако следует отметить, что основная трудность заключается в возможности включения текста в несколько групп в зависимости от выбора критерия. Большинство исследователей, занимающихся коммуникативной проблематикой текста, выделяет нехудожественные и художественные типы, где нехудожественные тексты характеризуются однозначностью понимания, а художественные – его отсутствием. К тому же текстовые формы могут варьироваться в зависимости от ситуации общения: разговорно-бытовая сфера включает устную форму, а сферы специального и официального общения – письменную форму.

Научную верификацию типологии текстов можно представить как функционально-стилевую, тематическую, типологию по структурным основам текста, а также типологию текстов по характеру представленной информации.

От рассмотрения типологий текста считаем рациональным перейти к рассмотрению его функций. Значение языковых единиц образуют не только форма и содержание, но и коммуникативная направленность, что является одним из основополагающих принципов лингвистической прагматики. В современной лингвистике текст представляет собой комплексную организованную единицу речевого общения, используя которую говорящий осуществляет конкретное речевое действие, направленное на достижение того или иного коммуникативного эффекта.

При определении функциональной направленности речевых актов исследователи используют термин «иллокуция». В ряде источников функция текста приравнивается к иллокуции текста [35]. Однако следует отметить, что, несмотря на то, что отдельные текстовые элементы способствуют реализации этой функции, раздельно друг от друга они ее не реализуют. Отсюда возникает зависимость: при снижении учета внутритекстовых элементов при определении функции текста более важными становятся экстратекстовые факторы, а именно адресат, отношение между коммуникантами, ситуация, общий уровень их знаний и др.

Американский философ Д.Р. Сёрль в основу классификации текстовых функций положил иллокутивные классы: репрезентативы, имеющие функцию представления определенного положения дел и представляющие собой предсказание, описание, утверждение или сообщение; директивы, к которым относятся просьбы, приказы, советы и распоряжения; комиссивы, то есть речевые акты, в которых участник коммуникации дает обещание вести себя определенным образом или предпринять какие-то действия в будущем (договоры, клятвы, гарантийные письма); экспрессивы, выражающие отношение говорящего к происходящему (извинение, соболезнование, благодарность, поздравление); декларативы, являющиеся речевыми актами, способствующими изменению в статусе и в положении того или иного предмета, о котором говорят [35].

Важным вопросом в изучении текста является его интертекстуальность. Интертекст представляет собой соотношение одного текста с другим, которое позволяет раскрыть мысль, заложенную автором. В диахронии

интертекстуальность регистрировалась в научных и художественных текстах. Однако её распространение приходится только на вторую половину XX в. Это обусловлено тем, что именно в это время культура и образование приобрели массовый характер, что, в свою очередь, привело к значительной семиотизации человеческой жизни. Меткое выражение С.Е. Леца «обо всем уже сказано, к счастью, не обо всем подумано» подразумевает, что для того, чтобы убедиться в новизне идеи, следует сопоставить ее с тем, что было известно раньше. В качестве подтверждения знакомства с культурным наследием можно считать использование существующих форм для высказывания новых умозаключений.

С точки зрения формальной структуры интертексты реализуются в виде цитаций, которые характерны научной коммуникации и представляющие формально маркированные фрагменты опубликованных ранее текстов для аргументации суждений автора, иллюстрации авторской мысли, перифраза; пересказ текстов других авторов, изложенных при помощи косвенной речи, а также фоновые ссылки на определенную теорию, представленную ранее [2].

По словам Е.В. Хлопковой, «интертекстуальность связана с совокупностью знаний и представлений национально-лингвокультурного сообщества: «прецедентные тексты как хранители общеизвестных когний представляют собой своеобразный «культурологический мост» памяти народа между прошлым и настоящим, «прохождение» по которому пробуждает в сознании читателя/слушателя процесс узнавания закодированного за прецедентным текстом смысла и может рассматриваться как компонент языковой игры, устанавливающей уровень языковой личности и ее компетенцию в процессе внутри- и межкультурной коммуникации» [36, с.76].

Таким образом, любой текст можно назвать интертекстом в связи с тем, что каждый текст сосредотачивает в себе другие тексты в различных формах, а именно тексты предшествующей и окружающей культуры. Каждый текст представляет собой сеть цитат, которые были написаны ранее: формул, обрывков ритмических структур, фрагментов фразеологизмов, культурных кодов и т.д. Но интертекстуальность не сводится к проблеме источников и их влияния, она является совокупностью анонимных формул без указания авторства и автоматических цитат без кавычек. По мнению исследователей, интертекст имеет три субстанции: время, человек и текст [34].

Понятие первой субстанции было предложено Н.А. Кузьминой в ее монографии «Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического

языка» [18]. По словам автора, условием существования интертекста является время, использование которого в качестве информационной реальности формирует временной фактор. Историческое время обладает особой важностью в процессе понимания интертекста. Среди общих свойств такого времени следует выделить одномерность, необратимость и асимметричность.

Как уже было отмечено, в качестве основы для нового текста выступают существующие ранее тексты. Он сохраняет свою референцию – представляет определенную имеющуюся уже и придуманную реальность. Но в текст произведение превращается тогда, когда оно принимается в общелитературный ряд.

В качестве субстанции интертекста выделено две функциональные разновидности текста: метатекст и прототекст. Метатекст актуализирует текст, основанный на уже существующем тексте, несущий не только референцию, но метареференцию текста, на котором базируется. Базовый текст называют прототекстом. По отношению друг к другу тексты могут быть метатекстами и прототекстами [34].

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что интертекстуальность – это объективная, но в то же время прагматически обусловленная особенность текстов. Она позволяет исследователям делать выводы на основе проделанной ранее работы, тем самым дополняя и расширяя ее.

Любой сложный объект обладает таким свойством, как структурность, которая показывает отношения между частями данного объекта. Если рассматривать научный текст, то его многоуровневая система обладает различными отношениями в одном определенном тексте. В соответствии с тем, как соотносятся единицы текста с его темой, содержанием или композиций, Н.А. Буре выделил тематическую, содержательную (смысловую) и композиционную (логико-композиционную) структуры [4].

В структуре содержания текста находят отражение смысловые связи, устанавливаемые между понятиями, предметами окружающего мира, явлениями, которые в виде языковых единиц разных уровней представлены в данном тексте. Но содержание текста не образуется из совокупности языковых (лексических, грамматических и лексико-грамматических) значений, так как является категорией психолингвистической. Являясь мыслительным образованием, содержание возникает в процессе осмысления текста.

Множество подходов к структурированию текста обуславливают затруднения в анализе и манифестации содержательных категорий текста. Тем не менее, выделяются два основных подхода к структурированию текста: предикативный и денотативный.

В основу предикативного подхода легло представление Н.И. Жинкина о тексте, который представлял его как иерархию разнопорядковых предикаций. Его идеи позже были развиты в работах таких исследователей, как Т.М. Дридзе, Л.П. Доблаева, И.А. Зимней и др. [13].

Главная предикативная связь, определяющая основу содержания текста, образует основу смысловой структуры текста. Кроме нее существуют дополнительные связи, способствующие раскрытию основной с различных позиций при помощи конкретизации, расширения, уточнения и обобщения.

По мнению И.А. Зимней, «схема смысловой структуры всего текста предполагает, что, во - первых, каждый более крупный уровень смыслового единства включает в себя совокупность элементов менее крупного уровня смыслообразования. Во-вторых, каждое смысловое образование рассматривается как высказывание. И, в-третьих, в качестве элементарной единицы текста (а также и его анализа) рассматривается предикативная связь, реализуемая в самостоятельном (простом) предложении (высказывании)» [13, с. 59].

Представляя собой единицу анализа, категория текста обладает такими особенностями, как целенаправленность и композитивность [13]. Каждая характеристика представляет собой отдельную смысловую линию текста, которая выражается определенной совокупностью языковых средств, образующих собой относительную внутритекстовую целостность. В результате взаимодействия друг с другом категории преобразуют текст в коммуникативную систему.

При этом языковые элементы выражают общую семантическую функцию, что является главной особенностью категории текста. Эта общность становится критерием определения категории текста в качестве особого феномена. В то же время категории имеют связь не только с одним или несколькими уровнями языка, они передают универсальный смысл.

В связи с тем, что исследователи берут за основу разные критерии выделения категорий, их классификации имеют существенные различия: облигаторные и факультативные, прагматические и функциональные, семантические и структурные, признаки, которые характеризуют

экстралингвистическую ситуацию порождения текста, и признаки, которые отличают текст как лингвистический объект. С другой стороны, некоторые явления в данных классификациях схожи, но обозначены различными терминами (например, модальность – авторизация – тональность – текстовая экспрессивность). Это свидетельствует о неразработанности данной области знания, с одной стороны, и о широком фронте исследований, которые ведутся в этом направлении, с другой.

Первыми в лингвистике текста были замечены и исследованы категории когерентности (целостности), когезии (связности), завершенности, отдельности, в совокупности образующие грамматику текста. Их в своих работах выделяют такие исследователи, как И.В. Арнольд, М.П. Брандес, И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, Е.И. Шендельс и др.

Рассмотрим подробно категории связности и целостности, представляющие собой конструктивные признаки текста, которые показывают содержательную и структурную часть.

Категория связности дает характеристику формально-структурной синтаксической организации текста, благодаря чему текст обладает логичностью, строгостью изложения и однозначно интерпретируется.

Н.С. Валгина определяет два вида связности: локальную и глобальную. Если локальная связность представляет собой связность линейных последовательностей, то под глобальной связностью понимается связность, которая обеспечивает единство текста как смыслового целого, так называемую внутреннюю целостность текста [5].

Проявление связности можно наблюдать через внешние структурные показатели, а также через формальную зависимость компонентов текста. Категория целостности служит для реализации общего замысла текста. Основной замысел влияет на текст на уровне предложения, а также способствует их объединению в цельный текст. Предложения текста единообразны с точки зрения передачи информации и выбранных грамматических форм.

Смысловое и структурное единство можно проследить на протяжении всего текста. Об этом Н.П. Пешкова пишет следующим образом: «Отсутствие целостности связано с невозможностью установить смысловые связи текста, то есть отношения между фрагментами информации, представленной в сообщении. При этом в сознании воспринимающего отображается не целостная

структура содержания иерархического характера, а лишь отдельные ее фрагменты, которые не соотносятся между собой и не вписываются в какие-либо структуры «старых» знаний, имеющих в сознании реципиента» [25, с. 107]. Такие сложности могут возникнуть или из-за отсутствия знаний у читателя, или из-за неудобной организации текста.

Текст является связным при условии, что в нем целостно применены фоновые знания. Благодаря тому, что связность обеспечивает лексико-грамматическое единство, интерпретация одних элементов текста зависит от других, что позволяет автору решить коммуникативную задачу.

Текстовая категория связности является крупномасштабной и многоаспектной, так как в ней взаимодействуют психологические, логические, а также формально-структурные показатели. И.Р. Гальперин выделяет такие виды связности: дистантную, ассоциативную (подтекстовую), композиционно-структурную, образную, стилистическую и ритмикообразующую. Все это обуславливает сложность разграничения одного вида когезии от другого. Например, роль дистантной когезии может выполнить образная когезия, а ассоциативную может представить стилистическая когезия [12].

Целостность (или цельность) текста ориентируется на содержание и смысл текста, она рассматривается с точки зрения психолингвистики и обусловлена законами восприятия текста, желанием читателя декодировать текст и представить его как единое целое.

Денотативное пространство и конкретная ситуация его восприятия обеспечивают целостность текста, что обуславливает ситуативность цельности текста. Цельность противоречива по двум причинам: во-первых, из-за парадокса организации самого текста, существующего в линейной непрерывности/дискретности, во-вторых, из-за характера его мыслительной обработки. Таким образом, целостность текста обуславливает концептуальность текстового смысла, благодаря чему она в значительной степени парадигматична.

Целостность текста рассматривают в тематической, модальной и концептуальной связи. При ее помощи части дискурса организуются таким образом, что адресату становится понятен авторский замысел, тем самым реализуется дискурсная уместность. Можно сделать вывод, что понятие цельности текста сопряжено с содержательной и коммуникативной организацией текста, а понятие связности – с его формой и структурой.

Целостность текста представляет собой единство тематического, концептуального и модального. Смысловая целостность включает в себя единство темы – макротемы, микротемы и темы всего речевого произведения.

Текст становится семантически значимым благодаря целостности, осуществляемой при наличии логически значимой структуры и таких синтаксических средств, как анафора, катафора, а также с помощью логических следствий и пресуппозиции, которые отсылают к общеизвестным (фоновым) знаниям. Термин «когерентность» используется при анализе дискурса, при пояснении глубинных смыслов текста, а также авторского замысла [7].

Важным аспектом при рассмотрении специфики текста является понимание закономерностей организации языковых средств в тексте. Данные закономерности зависят от сферы общения, в которой функционирует текст, что способствует формированию определённого корпуса текстов, построенных по определённым закономерностям и обслуживающих конкретную сферу общения, и приводит к появлению различных функциональных стилей речи.

В основе систематизации стилей находятся экстралингвистические причины: область использования языка, вызванная ею тематика и цели сообщения. Области применения языка сопоставляются с видами жизнедеятельности человека, своеобразными формам общественного понимания (наука, искусство, политика, право).

Традиционными и общественно значимыми видами жизнедеятельности человека считаются: научная, деловая, общественно-политическая, художественная и т.д. Сложности в создании классификации стилей обусловлены неточностью терминосистемы стилистики и трудностями подтверждения особенностей определенных стилей в разных языках. Большинство лингвистов не могут прийти к единому мнению в определении количества и состава функциональных стилей. Классификации базируются на различных принципах: экспрессивно-эмоциональном, экспрессивно-жанровом, функционально-стилистическом.

Отличительные признаки каждого стиля зависят от его общественного назначения, от сочетания языковых особенностей, которые превалируют в общении, и от сферы взаимодействия, то есть от того, является ли целью общения сообщение сведений, намерение и стимулирование к каким – либо действиям. Основной функцией научного стиля считается интеллектуально-коммуникативная, другие функции являются факультативными.

Основные характеристики любого стиля находятся в плоскости лексического состава. Ключевыми чертами научного стиля (как письменной, так и устной формы) считаются информативность (содержательность), логичность (строгая последовательность, четкая связь между главной идеей и деталями), точность, абстрактность и объективность изложения, ясность и понятность. Перечисленные черты определяют данный функциональный стиль, хотя некоторые тексты, относящиеся к этому стилю, могут обладать указанными чертами в большей или меньшей степени.

С точки зрения характера содержания можно выделить научные тексты, которые соотносятся с эмпирическим и теоретическим уровнями научного познания. Эмпирические тексты, служащие для формирования фрагмента картины мира определенной области знания, как правило, констатирующего и описательного характера. К текстам теоретического уровня познания, имеющим констатирующий, информирующий характер, можно отнести тексты, в которых рассматриваются абстрактные понятия и концепты как ментальные образования.

Научный стиль аккумулирует комплекс универсальных признаков, обязательных критериев, функций и языковых особенностей, которые выражаются независимо от характера наук: предварительное обдумывание толкования; монологичность высказывания; строгое соблюдение языковых норм; стремление к лапидарности.

Научный стиль присущ текстам, которые предназначены для передачи точных сведений какой-либо специальной области науки. Исследование закономерностей перевода научной и технической литературы как новой, независимой науки, необходимо проводить на базе подлинного языкового материала всевозможных отраслей науки и техники, актуализируя пять ключевых аспектов: ограничение исследования в рамках естественных и точных наук и техники; обогащение и систематизация языка науки и техники на базе лингвистического анализа в совместной работе со специалистами по отдельным областям науки и техники; выявление единых языковых закономерностей, которые характерны этим областям науки; выявление ещё не исследованных языковых закономерностей, в результате изучения отдельных пар языков в процессе перевода; развитие общей теории перевода как отдельной области языкознания [27].

Несмотря на то, что тексты научной литературы включают ограниченное количество нейтральных по окраске фразеологических комбинаций технического характера, тем не менее, приёмы изложения материала научной литературы кажутся, на первый взгляд, весьма сдержанными. Однако использование «эмфазы – стилистического акцентирования какого-либо члена предложения посредством изменения его местоположения в предложении, или за счёт специальных усилительных терминов» - помогает интенсифицировать научные контексты [10, с. 74].

Научная и техническая литература характеризуется нейтральным способом изложения материала, т.е. нейтральным стилем. Официальное, логическое, всегда точное изложение материала предполагает также термин «формально-логическая наррация». Основным требованием к языку научной и технической литературы является точная и четкая манифестация материала, объективное описание и объяснение фактов. Как было упомянуто ранее, акцент делается на логическую составляющую информации без эмоциональных конструкций. Автор ставит своей целью избежать субъективного толкования содержимого текста. Кроме того, в научной и технической литературе редко используются такие выразительные средства, как метафора, метонимия, каламбур, ирония, сравнение и т.п. Эти стилистические фигуры характерны для художественных произведений. При переводе научно-технических текстов исключается применение выразительных средств, поскольку главным признаком научно-технических текстов являются точность и однозначность.

Таким образом, научная и техническая литература характеризуется лапидарной манифестацией материала и четкостью формулировок. Ключевой функцией научно-технической литературы является ясное и точное доведение определенной информации до рецептора. Добиться этого можно при логически обоснованном изложении исходного материала читателю. Для достижения данной цели применяются терминосистемы и кластеры специальной лексики. Поэтому каждая область науки формирует свою терминологию согласно предмету и методу своей работы. Поскольку основной содержательной составляющей данных текстов является когнитивная информация, абстрактность и конкретность, то основной упор делается на логическую сторону информации. Автором научно-технического материала является специалист или ученый, однако его индивидуальность сводится до минимума, и он выступает в качестве носителя коллективных знаний.

При этом идея содержания преобладает над идеей выражения материала. Как было указано выше, основной стилистической чертой технических текстов считается точная и четкая передача материала. При этом отсутствие прямого контакта или ограничение контакта с рецептором исключает или резко ограничивает использование внеязыковых средств.

Связующим элементом текста на уровне содержания является авторская модальность, скрепляющая все элементы содержания текста. Для художественного текста это «образ автора» (по терминологии В.В. Виноградова), для текста нехудожественного - это авторская концепция, точка зрения. Нет этого - нет и смыслового единства текста, его цельности [8].

Тематическая структура определяет уровень детализированности того или иного текста. Предмет изложения представляет собой тему текста. В основе темы, как отмечает Е.И. Мотина, лежит элемент объективного мира, раскрытие которого является задачей научного текста и требует выделения и описания отдельных содержательных характеристик объекта. Содержательные характеристики объекта представляют собой подтемы текста. Исследователь определяет подтему как часть темы, которая «отличается от последней либо более узким аспектом рассмотрения того же объекта, либо рассмотрением одной из частей данного объекта при сохранении общей направленности изучения» [23, с. 13]. Отношения тем и подтем – отношения целого и его частей, из чего вытекает иерархичность данной структуры. Таким образом, совокупность темы и подтем представляет тематическую структуру текста.

Смысловой единицей текста является абзац, содержательным ядром абзаца является тема. С точки зрения смыслового содержания предложения в абзаце могут быть неравноценными – одни передают информацию, значимую в или иной степени, а другие могут передавать лишь дополнительную информацию. В зависимости от закономерностей организации абзаца, между составляющими его предложениями выделяют три типа логической связи:

- 1) параллельная, когда одна и та же тема в каждом предложении соединена с новой ремой, в этом случае в абзаце прослеживается только одна тема и он называется однотематическим;
- 2) цепная, когда рема предыдущего предложения становится темой последующего, что позволяет говорить о многотематическом абзаце;
- 3) смешанная, которая заключается в комбинации первых двух типов и является наиболее характерной для большинства абзацев.

Данные типы логической связи характерны для всего текста в целом, который является единицей более крупного порядка, нежели абзац.

Последовательное расположение смысловых блоков в тексте, которые отличаются наличием типизированных схем расположения содержательной информации, определяемых жанровой принадлежностью, детерминируют логико-композиционную структуру научно-технического текста. Жанры текстов подобного рода имеют стандартный набор языковых средств, с помощью которого осуществляется переход между содержательными частями текста. Научная статья как наиболее представительная жанровая разновидность научного текста независимо от отрасли науки строится по схеме: введение — основная часть — заключение.

В научно-технических текстах присутствует терминологическая и нетерминологическая лексика. Нетерминологическая лексика включает в себя общеупотребительную, общетехническую и общенаучную лексику. Из-за подвижности лексики, в результате которой происходит постоянное пополнение новыми единицами, такое разделение считается условным.

В научно-технической литературе присутствуют общеупотребительные слова, которые применяются в своём прямом значении. Кроме того, для научно-технической литературы характерно использование значительного количества технических терминов. Провести отчётливые ограничения между терминами и словами обиходного языка представляется довольно сложным из-за полисемантности большинства слов. Чтобы обозначить проблемы перевода термина, необходимо разобраться в его специфике. Под термином традиционно понимается слово или словосочетание, «которое имеет специальное, строго определённое значение в той или иной области науки и техники, точно выражает понятие, процесс и название вещей, присущее какой-либо области производства» [28, с.8]. По определению В.Н. Комиссарова, «термины» могут определяться как «слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определённой области науки и техники» [17, с.114].

При обозначении понятия, процесса или явления термин характеризуется: наличием дефиниции (определения), точностью семантики, независимостью, нейтральностью в стилистическом плане, краткостью, легкостью функционирования в различных словесных формах, способностью сочетаться с

языковым окружением. Вне терминологической системы термин теряет все эти характеристики.

Так, у В.А. Татарина читаем: «Термины должны обеспечивать чёткое и точное указание на реальные объекты и явления, устанавливать однозначное понимание специалистами передаваемой информации» [31, с. 58]. Терминологическая лексика позволяет наиболее точно, чётко и экономно изложить содержание данного предмета и обеспечивает правильное понимание существа трактуемого вопроса.

В специальной литературе термины несут основную семантическую нагрузку, занимая главное место среди прочих общелитературных и служебных слов.

По этой причине к данному типу слов предъявляются особые требования. Строго определенное значение термина, раскрытие которого возможно путём логического определения, должно иметь место в системе понятий данной области науки или техники. По тем же причинам термин должен быть однозначным и независимым от контекста. С точностью термина непосредственно связано требование соответствия каждому понятию лишь одного термина. И, наконец, «термин должен быть сугубо объективным наименованием, лишённым каких-либо побочных смыслов, отвлекающих внимание специалиста, приносящих элемент субъективности» [20, с.97]. Становится очевидным, что термин не должен обладать чертами, присущими лексике художественного стиля: эмоциональностью, метафоричностью, наличием каких-либо ассоциаций.

Количество специальных и общетехнических терминов сильно различается. Если специальных, или ещё как их называют номенклатурных терминов, фиксируется достаточно много (по причине их связи с неограниченным объёмом существующих объектов и предметов технической деятельности человека), то круг общетехнических терминов ограничен, из-за небольшого числа технических понятий.

Ю.В. Ванников общенаучными и общетехническими терминами называет «слова и словосочетания, не обладающие свойством термина идентифицировать понятия и объекты в определённой области, но употребляемые почти исключительно в данной сфере общения, отобранные узким кругом специалистов, позволяющие им не задумываться над способом выражения мысли, а сосредотачиваться на сути дела» [6, с.49]. В то время как

специальная лексика включает в себя всевозможные производные от терминов слова, используемые при описании связей и отношений между терминологически обозначенными понятиями и объектами, их свойств и особенностей. Такая лексика обычно не фиксируется в терминологических словарях, её значения не задаются научными определениями, но она в той же степени характерна для технического стиля, чем термины.

Термины имеют различную структуру. Рассматривая их с точки зрения компонентов, можно выделить: однословные термины, к которым относят сложные термины, образованные сложением слов; составные термины, состоящие из нескольких слов. И.В. Арнольд говорит, что «составные термины являются сочетаниями слов, обладающими структурным и семантическим единством и представляющие собой расчленённую терминированную номинацию» [2, с.153].

Называние одного понятия служит критерием рассмотрения словосочетания как цельной номинативной терминологической единицы. С учётом указанных выше положений представляется исчерпывающим определение В.С. Степанова, который описал термин как «номинативную специальную лексическую единицу (слова или словосочетания) специального языка, принимаемую для точного наименования специальных понятий» [29, с.102].

В соответствии с этим к терминам предъявляются особые требования. Во-первых, такой термин должен быть точным, то есть иметь строго установленное значение, которое может быть раскрыто за счёт логического объяснения. Во-вторых, термин должен быть однозначным и не зависимым от самого контекста. Другими словами, он должен обладать точным значением, причём во всех случаях его употребления и в любом тексте. Из этого следует, что каждому понятию должен подходить только один термин, то есть исключается синонимия и схожие значения. В-третьих, термину должно быть присуще конкретное наименование, которое будет правильно понято и интерпретировано при переводе.

Перевод как вид духовной деятельности человека появился в глубокой древности. Перевод всегда играл основополагающую роль в истории культуры как отдельных народов, так и культуры всего мира. Основы отечественного переводоведения заложили А.М. Горький, К.И. Чуковский и А.В. Федоров, которые первыми описали принципы перевода.

Лингвисты изучали сам процесс перевода, выстраивали его модели, занимались сопоставлением текстов для установления лексических, грамматических и текстовых соответствий. Помимо этого ученые описывали переводческие приемы при передаче содержания оригинала, занимались разработкой критериев эквивалентности перевода, а также пытались дать наиболее точное определение понятию «перевод».

Раскрытие контекстуальных значений в процессе перевода часто подчинено определённым логико-семантическим закономерностям. Логическая основа переводческого процесса формируется тождественностью значения слов или высказываний в зависимости от тождественности передаваемого ими понятия в двух сопоставляемых языках. Определение значения незнакомого термина достигается при помощи анализа того контекста, в котором употребляется данный термин. В процессе этого анализа устанавливаются различные смысловые связи и отношения между термином, значения которого требуется определить и значения которых хорошо известны. По словам Я.И. Рецкер, «контекст даёт возможность выявить употреблено ли слово в своём обычном значении или в специальном техническом; в каком из своих значений употреблён многозначный термин; помогает опустить некоторые компоненты термина словосочетания, которые подразумеваются сами собой» [28, с.17].

Термины существуют не просто в языке, а в составе определённой терминологии. Б.М. Климзо полагает, что «терминология, как система научных терминов, представляет собой подсистему внутри общей лексической системы языка, а именно систему понятий данной науки, закреплённых в соответствующем словесном выражении» [15, с.94]. Если вне данной терминологии слово может быть многозначным, то, попадая в определённую терминологию, оно приобретает однозначность.

Сложная взаимосвязь между словами обиходного языка и терминами затрудняет выявление терминологии отдельных отраслей технической литературы. В связи с этим, из числа терминов следует исключить слова обиходного языка, если они не несут особой специфической нагрузки в языке технической литературы.

Одним из базовых понятий теории перевода является межъязыковая эквивалентность. Существует несколько подходов к решению вопроса эквивалентности, существуют различные классификации и типы,

предложенные такими лингвистами, как В.Н. Комиссаров, А.В. Федоров, А.Д. Швейцер, однако не все исследователи принимают их точки зрения. Но в одном ученые едины – перевод должен быть эквивалентен оригиналу настолько, насколько это возможно.

При встрече с отсутствующим в словарях термином перед переводчиком встаёт «задача построения эквивалента безэквивалентного термина» [33]. Эта задача может быть решена с помощью разных способов: транслитерации, транскрипции, калькирования, генерализации, конкретизации, описательного перевода и др. Правильно подобранный эквивалент термина удовлетворяет трем требованиям: сохраняет краткость оригинала, точно передаёт объём понятия оригинала и не повторяет уже имеющийся в языке термин.

Об успешности перевода того или иного текста нам позволяет судить именно степень эквивалентности текстов на исходном языке и языке перевода.

Вопрос о специфике терминов и проблемах их перевода всегда занимал особое место в сопоставительном языкознании. Так, у Ю.С. Степанова читаем: «Если задача перевода – обеспечение эквивалентности как общности содержания текстов оригиналам перевода, то при переводе специальных текстов терминам следует уделять особое внимание: именно они определяют информационное содержание специального текста, являясь своеобразными ключами, организующими, структурирующими и кодирующими специальную информацию» [30, с.117]. Именно применительно к терминам наиболее остро встает вопрос о возможности достижения эквивалентности при существовании различия кодовых единиц. А.Я. Коваленко говорит, что «эквивалент – постоянное лексическое соответствие, которое точно совпадает со значением слова. Термины, которые имеют эквиваленты в русском языке, играют важную роль при переводе. Они служат опорными пунктами в тексте, от них зависит раскрытие значения других слов, позволяют определить характер текста» [16, с.255].

На современном этапе научного развития содержательная сторона термина «эквивалент» требует постоянной верификации. В современном переводоведении существует несколько подходов к определению эквивалента. Так, по мнению В.Н. Комиссарова «эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [17, с.56].

По мнению С. Влахова, «эквивалент предполагает полное тождество между соответствующими единицами двух языков в плане содержания (семантика, коннотация, фон)» [10, с.18].

А.О. Иванов считает, что эквивалент – это «функциональное соответствие в языке перевода, передающее на аналогичном уровне плана выражения все релевантные компоненты значения или одного из вариантов значения исходной единицы языка» [14, с.184].

Эквивалент является единицей эквивалентности, которая подразумевает под собой общность содержания (смысловая близость) и равноценность текстов оригинала и перевода.

Семантические, структурные и прагматические различия между языками перевода дают основания полагать, что достижение абсолютной эквивалентности текстов оригинала и перевода невозможно, вследствие чего многие исследователи признают относительность допустимой эквивалентности перевода. При этом определение и спецификация понятия эквивалентности отличаются.

По мнению А.Д. Швейцера, главной в тексте перевода является коммуникативная эквивалентность, которая опирается на наличие инварианта, создающего в переводном тексте тот же коммуникативный эффект, что и в исходном тексте. С понятием «коммуникативная эквивалентность» тесно связано понятие «функциональная эквивалентность». Последняя предполагает сохранение доминант текста оригинала и культурно - коннотативного фона в тексте перевода. Так, если коммуникативная эквивалентность взаимодействует с функциональной на семантическом и прагматическом уровнях, то можно говорить о полной эквивалентности. Однако А.Д. Швейцер отмечает, что полная эквивалентность достижима только в случае работы с простыми текстами, имеющих узкий диапазон функциональных характеристик и несложные коммуникативные условия. Гораздо чаще встречается частичная эквивалентность, которая реализуется на одном из уровней и частично или полностью отсутствует на других [37].

Существует другая точка зрения, автором которой является Л.С. Бархударов. Он говорит о том, что эквивалентность – категория семантическая, так как она означает совпадение содержаний текстов разных языков. Такое совпадение является относительным, поэтому Л.С. Бархударов отмечает, что равноценность текстов исходного и переводного языков

устанавливается на уровне всего текста. Только в этом случае реально достижима семантическая эквивалентность, однако эта достижимость допускает различные переводческие трансформации на уровне отдельных элементов текста [3].

Следующая точка зрения относительно понятия эквивалентности принадлежит В.С. Виноградову, который говорит, что эквивалентность – это «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [10, с.18].

Эквивалентность связана и с устной, и с письменной формой перевода. Говоря об устном переводе, необходимо отметить редуцированность относительной эквивалентности. При письменном переводе степень относительной эквивалентности выше, но для текстов разных жанров она определяется по-разному.

Еще раз отметим, что термины – слова или словосочетания специального языка, созданные для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов и явлений. Безэквивалентными являются термины, отражающие новые для языка перевода понятия. Безэквивалентность постепенно исчезает по мере развития тех же сфер деятельности и культуры в обществе переводящего языка.

Наряду с понятием эквивалентности существуют понятия адекватности и равноценности перевода. Соотношение этих понятий трактуется по-разному: иногда они рассматриваются как синонимы, иногда – как понятия, имеющие разное содержание. Например, Т.Р. Левицкая использует термины «адекватность» и «эквивалентность» как взаимозаменяемые [20]. В других работах адекватность обеспечивает необходимую в конкретных условиях полноту межкультурной коммуникации. Эквивалентность же отождествляется с равноценностью, смысловой общностью приравниваемых друг к другу единиц языка и речи.

Полное объяснение понятия эквивалентности должно отражать его многоуровневость, то есть его обусловленность такими характеристиками текста как семантические, структурные, коммуникативно-прагматические, функциональные и жанровые.

Некоторые ученые считают, что перевод немыслим без прочной лингвистической основы. Так, Я.И. Рецкер считает, что такой основой должно

служить сравнительное изучение языковых явлений и установление закономерных соответствий между языком оригинала и перевода. Исходя из этого, Я.И. Рецкер выделяет три группы закономерных соответствий:

1) эквиваленты - постоянные равнозначные соответствия, не зависящие от контекста;

2) аналоги - случаи, когда многозначной единице одного языка соответствуют разные единицы другого языка;

3) адекватные замены - поиск решения задачи переводчиком в случае отсутствия словарных и фразовых соответствий [29].

Большой вклад в разработку понятия эквивалентность внес В.Н. Комиссаров, который разработал теорию уровней эквивалентности. По его мнению, эквивалентность перевода заключается в максимальной идентичности всех уровней содержания текстов исходного и переводного языков. В плане содержания речевого произведения он выделяет пять уровней:

1. Цель коммуникации. Любой текст выполняет коммуникативную функцию, то есть доносит какую-либо информацию, устанавливая контакт между коммуникантами. Часть содержания текста указывает на общую речевую функцию текста, обозначая при этом цель коммуникации, которая представляет собой скрытый смысл, выводимый из целого высказывания. Отличительными чертами данного уровня являются несовпадение лексического состава, отсутствие структурно-грамматической близости и отсутствие семантической близости.

Воспринимая высказывание, коммуникант должен понять значение отдельных фраз и связь между ними, а также сделать определенные выводы из всего текста, извлечь из него то, с какой целью говорящий сообщает ему информацию.

Эквивалентность перевода первого уровня состоит в том, чтобы сохранить только ту часть содержания оригинала, которая и является целью коммуникации.

2. Уровень описания ситуации. Второй уровень эквивалентности предполагает передачу цели коммуникации, а также отражение одной и той же внеязыковой ситуации. Ситуацией называется описываемая в тексте совокупность объектов и связей между ними. Любой текст содержит информацию, соотнесенную с определенной конситуацией, представляющей собой сложное явление, которое не может быть передано целиком в одном

высказывании. Следовательно, для описания подобной ситуации используется несколько высказываний, каждое из которых указывает на ее отдельные признаки. Одна и та же конситуация может быть описана путем различных комбинаций и характеристик, ей присущих. Следствием этого является необходимость отождествления конситуаций, описываемых с разных сторон. В языке возникают высказывания, воспринимаемые носителями языка как синонимичные, несмотря на различие в их структуре.

Эквивалентность данного уровня широко распространена в переводах. Это объясняется тем, что в языках существуют предпочтительные способы описания определенных контекстов и конситуаций.

3. Уровень сообщения. Данный уровень характеризуется сохранением в переводе цели коммуникации, конситуации, а также способа ее описания. В рамках одного способа описания существует возможность использовать различные виды семантического варьирования.

4. Уровень высказывания. Структура высказывания оригинала дает ту же информацию, которая входит в общее содержание текста оригинала. Синтаксическая структура высказывания предполагает возможность использования в нем определенных слов в определенной последовательности и с определенными связями между словами. Поэтому максимально возможное сохранение синтаксической структуры текста оригинала при переводе способствует более полному воспроизведению содержания исходного текста.

5. Уровень языковых слов. На этом уровне достигается максимальная степень эквивалентности, так как в переводе сохраняются основные части содержания оригинала.

В.Н. Комиссаров утверждает, что конечная цель перевода заключается в максимальной степени эквивалентности на каждом уровне [18].

В.Г. Гак и Ю.И. Львин, в свою очередь, дифференцируют три вида эквивалентности: формальную, смысловую и ситуационную.

Формальная эквивалентность предполагает общее значение в двух языках, выраженное аналогичными языковыми формами, то есть при данном виде эквивалентности наблюдается тождественность слов и форм при сходстве значений.

При смысловой эквивалентности одно и то же значение выражается различными способами, то есть совокупность сем, которые составляют общий смысл, одинакова. Могут изменяться лишь языковые формы их выражения.

Ситуационная эквивалентность имеет особенность, которая заключается в том, что одна и та же ситуация может быть описана как с помощью различных форм, так и с помощью различных сем, выражаемых этими формами [12].

Инструментарий переводчика должен включать данные виды эквивалентности для того, чтобы выполнить одну из своих главных задач, то есть максимально полно передать содержание оригинала. Как правило, фактическая общность содержания текстов языков перевода обладает внушительным объемом.

Выявление контекстуального значения во время перевода регистрируется благодаря логико-семантическим закономерностям. При переводе логическая основа становится очевидной, если в двух сравниваемых языках тождественность значения слов или утверждений пропорциональна схожести представляемого ими понятия. Для того чтобы определить значение термина, необходимо проанализировать текст, в котором применяется этот термин. Во время анализа определяются всевозможные смысловые связи между термином, значения которого необходимо выявить, и словами, значения которых уже известны. Таким образом, исходя из контекста, можно выяснить, в каком значении употреблено то или иное слово: в своём обычном или в специальном техническом. При этом нерелевантные компоненты или свойства термина, которые подразумеваются сами собой, иногда опускаются.

Существующие принципы определения перевода – лингвистический и литературоведческий – лежат в основе подхода к рассмотрению переводческих проблем, к анализу и к оценке перевода. Лингвистический принцип перевода подразумевает сохранение формальной структуры оригинала. Но он не является ведущим, поскольку может привести к дословному переводу, который будет предельно точен в языковом плане, но слаб с точки зрения национально-лингвистической составляющей. Существуют случаи, когда синтаксическая структура переводимого предложения может быть воспроизведена аналогичными средствами переводящего языка. В таком случае дословный перевод может стать финальной версией перевода, исключая необходимость последующей литературной обработки.

Тем не менее, полное соответствие синтаксических структур в двух языках не является частотным. Обычно синтаксические нормы исходного языка и переводного языка при дословном переводе могут нарушаться. Тогда мы говорим о разрыве между содержанием и формой: мысль автора ясна, но форма

ее выражения не соответствует нормам языка перевода. Дословно перевод не всегда может передать эмоциональный эффект подлинника, следовательно, дословная точность перевода и адекватность противоречат друг другу. Переводческий процесс должен основываться на знании законов исходного языка и языка перевода. Следование лингвистическим законам и закономерностям является обязательным условием как для языка оригинала, так и для языка перевода.

С литературоведческой точки зрения переводчик, в первую очередь, должен следовать идее, содержащейся в оригинальном тексте. Именно идея вынуждает переводчика тщательно подбирать языковые средства ее отражения.

Любой перевод должен быть отмечен индивидуальностью переводчика, но ключевой задачей переводчика остается сохранение в переводе характерных особенностей оригинала, в связи с чем переводчик демонстрирует арсенал подходящих языковых средств. Становится очевидным, что не все элементы формы и содержания возможно воспроизвести с точностью. При любом переводе неизбежно появляется коннотативная несоотнесенность или добавление авторского материала.

Признавая объективную необходимость изучения текста по многим аспектам, мы выделили основные аспекты, которые характеризуют текст как цельное произведение, как динамическую коммуникативную единицу высшего уровня. Так, понимание текста в действии приводит к выдвиганию на первый план его функционального аспекта, а ориентация текста на коммуникативный процесс к тому же акцентирует внимание на прагматике текста.

Текст является широким комплексным филологическим понятием, а его описание подчиняется закономерностям изучения различных филологических наук, чьи исследования выступают в комплексе и взаимодополняют друг друга.

Список литературы

1. Амирова Т.А. История языкознания. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
2. Арнольд И.В., Стилистика. Современный английский язык. - М.: Флинта: Наука, 2006. – 384 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975 г. – 240 с.
4. Буре Н.А. Основы научной речи. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 272 с.
5. Валгина Н.С. Теория текста. - Москва, Логос. 2003. – 173 с.

6. Ванников Ю.В. Научно-технический перевод. - М.: Наука, 1987. – 139 с.
7. Величко М. А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 2 (177). – С. 39–43.
8. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 56.
9. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
10. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. - М.: «Р.Валент», 2012.- 406с.
11. Гак В.Г. Курс перевода. - М.:Международные отношения, 1970. – 464 с.
12. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
13. Зимняя И.А. Предметный анализ текста как продукта говорения. В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М., 1976. – С. 57–64.
14. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. – СПб.: Типография издательства СПбГУ, 2006. – 200 с.
15. Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. - М.: «Р.Валент», 2006. – 508 с.
16. Коваленко А.Я. Общий курс научно-технического перевода: Пособие по переводу с англ. языка на рус. – Киев: «Фирма «Инкос», 2003. - С. 255.
17. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
18. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 286 с.
19. Левицкая Т.Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963. – 125 с.
20. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. - М.: «Либроком», 2014.- 264 с.
21. Маслов Б.А. Проблемы лингвистического анализа связного текста. – Таллинн: ТПИ, 1975. – 121 с.
22. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
23. Мотина Е.И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. – М. : Рус. яз., 1988. – 176 с.
24. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.

25. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект. – Уфа, 2002. – 261 с.
26. Пищальникова В.А. Общее языкознание. – М.: Академия, 2009. – 448 с.
27. Пумлянский А.Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы: лексика, грамматика, фонетика. – Минск: «Пупурри», 1997.- 608 с.
28. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: «Р. Валент», 2006. – 240 с.
29. Степанов В.С. Основы научно-технического перевода: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 359 с.
30. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: УРСС, 2005. – 312с.
31. Татаринов В.А. Методология научного перевода: К основаниям теории конвертации. - М.: Московский Лицей, 2007. – 384 с.
32. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
33. Ткачук М.С. Взаимодействие термосистем при межкультурной коммуникации: – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-terminosistem-pri-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 02.11.2020).
34. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
35. Чистанова С.С. Концепт иллокуции в теории речевых актов Джона Остина// Гуманитарный вектор. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-illokutsii-v-teorii-rechevyh-aktov-dzhona-ostina> (дата обращения: 01.11.2020).
36. Хлопкова Е.В. Концепт *Жизнь* в идиолекте В. Пелевина: дисс... канд. филол. наук [10.02.01.] - Тольятти, 2012. - 151 с.
37. Швейцер А.Д. Теория перевода. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
38. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.

© Е.В. Гориславец, Е.В. Лосинская, М.В. Пащенко, Л.Ю. Фадеева, 2020

ГЛАВА II

УДК 811.11

СОПРЯЖЕНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МОНОЛОГЕ

Гливенкова Ольга Анатольевна

к.ф.н., доцент

Морозова Ольга Николаевна

к.п.н., доцент

ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Аннотация: В данной работе художественный монолог рассматривается как пространство для сопряжения прагматической и герменевтической программ высказывания. Анализируются риторические техники актуализации содержательности художественного текста. Предпринято коррелирование художественного монолога с категорией речевого поступка в аспекте риторики. Речевой поступок в составе художественного монолога представляет собой ситуативно обусловленную серию интенциональных риторических ходов оформления высказывания, имеющих единую цель, отраженную в типе монолога и предполагаемом риторическом эффекте в виде вербальной или невербальной реакции. Представлены схемы риторического воздействия художественных монологов внутри и вне текста произведения. Приведены примеры стилистического анализа.

Ключевые слова: монолог, прагматическая и герменевтическая программы, риторические техники актуализации содержательности художественного текста, риторическое воздействие, вербальная и невербальная реакции.

CONJUGATION OF PRAGMATIC AND HERMENEUTIC PROGRAMS OF OUTER SPEECH IN ARTISTIC MONOLOGUE

Glivenkova Olga Anatolyevna
Morozova Olga Nikolaevna

Abstract: The paper deals with heroes' monologs as the space for junction of pragmatic and hermeneutic programs of outer speech. Rhetorical techniques of text content actualization are analyzed. Correlation of heroes' monologs with the speech action is undertaken. The speech action is a situationally determined series of intentional rhetorical means of formation of heroes' monologues which have common object and affect the type of monologues and supposed rhetorical effect in the form of verbal or nonverbal reaction. A scheme of rhetorical effect of heroes' monologues inside and outside the text is presented. A few examples of stylistic analysis are given in the paper.

Key words: monolog, pragmatic and hermeneutic programs, rhetorical techniques of text content actualization, rhetorical effect, verbal or nonverbal reaction.

«Риторический Ренессанс» выдвинул на первый план филологического анализа интерпретацию текста сквозь призму риторики. Художественное литературное произведение выступает прежде всего как факт риторического искусства. Как пишет М.Я. Поляков, «риторика с самого начала становится своеобразной нервной системой литературы. При посредстве риторики реализовалось отношение писателя к изображаемому, ибо в систему риторики включалась эмоциональная структура высказывания. Поэтому риторические средства не столько изображают, сколько оценивают, эмоционально окрашивают изображенные чувства и явления. (...) Экспрессивность и эмотивность искусства реализуются прежде всего средствами риторики» (Вопросы поэтики и художественной семантики, 1986:187).

Принципы риторического анализа имеют достаточно универсальное значение и могут быть использованы при рассмотрении произведений самых разных эпох и жанров, платформой для синтезирования лингвистического, литературоведческого подходов и их частных разновидностей. По справедливому заключению М.Л. Гаспарова, античная риторика «дает в руки

литературоведению превосходно систематизированный инструментарий научного описания и исследования любого словесного материала» (Античная риторика как система, 1991:56). Согласно постулатам риторической критики (М. Блэк) текст рассматривается как конкретная коммуникация в условиях определенного контекста с определенно установленной целью (Неориторика: генезис, проблемы, перспективы, 1987).

Художественный монолог в данной работе рассматривается как пространство для сопряжения двух программ – прагматической, выражающейся в воздействии на слушателя внутри текста и герменевтической, направленной на формирование понимания реципиента текста. Монологи героев художественной прозы, представляющие собой интерес как вторичные речевые жанры, анализируются с учетом феномена удвоения адресата – читатель в реальной действительности и слушатель-персонаж в виртуалитете текста.

Предметом современной риторики является homo verbo agens (человек, действующий словом). Введение центральным предметом человека, действующего словом, требует «другого взгляда на слова, другой организации словесного материала» (Пешков, 1998).

Слово продолжает играть главенствующую роль в современной риторике: «Оно «оживляет» мысль путем раскрытия и выявления смыслов, оно побуждает к действию, т.е. вне слова, с точки зрения риторики, постижение смыслов и осуществление мудрого деяния крайне затруднительно». (Юнина, 1998:127). Одной из задач современной риторики является «создание адекватной общей теории речевой деятельности» (Безменова, 1987:17). «Новая риторика» позволяет разработать алгоритм мыслеречевой деятельности от процесса зарождения мысли до ее словесного исполнения и – далее – до этапа рефлексии говорящего и слушающего по поводу речевого акта, а также установить, в связи с предполагаемой стратегией речевого акта, тактику говорящего, его речевое поведение. А.А. Ворожбитова выделяет следующие уровни речевой деятельности: 1) уровень речевого акта; 2) уровень речевого поступка как цепи речевых актов, объединенных единой коммуникативной целью; 3) уровень речевого поведения как совокупности речевых поступков (Ворожбитова, 2000:28).

Говорящий человек связан не только со словами, но в той же степени и с делами. Он словом связан с делом, и это дело и есть предмет речи. Для

традиционной риторики единство слова и дела в предмете речи – это данность, с которой можно играть, добиваясь своего, монологически управляя поведением слушателей (магия слова). Слово есть главная почва, на которой вырастает, в конечном счете, поступок.

Понимание «поступка» основывается на идеях М.М. Бахтина, которые он достаточно убедительно изложил в своей работе «К философии поступка», где он пишет: «Когда каждый мой жизненный шаг станет не половинчатым, но всецело ценностноответственным; безусловным, тогда я смогу вложить в каждый поступок всего себя и всю свою адресованность в себе привести в состояние смыслового «короткого замыкания», стягивая и собирая себя в нем. И таким поступком должно быть все во мне, каждое движение, жест, переживание, мысль, чувство, слово – только при этом условии я действительно живу, не отрывая себя от онтологических корней... И вся моя единственная жизнь выступает как единый «сложный» поступок» (Бахтин, 1995:23).

Развивая идеи М.М. Бахтина, Г.С. Батищев отмечает: «Мысль изреченная только тогда не есть ложь, когда через мысль изрекает себя само бытие – поступок...» (Батищев, 1995:123). Далее сущность речевого поступка раскрывается в определении его с точки зрения речевой деятельности: «Поступок – это сущностное качество мыслеречевой деятельности, это то, ради чего данная деятельность призвана быть. Поступок – это ответственность субъекта за качество своих мыслей, слов и действий» (Юнина, 1998:119).

Современная риторика рассматривает этапы создания текста как этапы реализации ответственного поступка в слове, внутреннего, а затем и внешне – социального воплощения «я» взгляда-действия в знаке, в речевом общении: «Речь не есть лишь употребление языковых единиц, сколь бы богат и разнообразен не был словарь. Речь есть социальное действие. Не вспомогательное средство осуществления этого действия, не словесная форма его оправдания, а само это действие, важнейший его вид. Речь есть поступок» (Пешков, 1998:89). По тому, как человек строит свою речь, произносит монологи, участвует в диалогах, можно увидеть, каков он.

В литературе выделяют несколько средств коммуникативного воздействия: активационные средства – побуждение к действию в определенном, осознанном направлении, призыв, приказ и т.д.; дестабилизирующие средства коммуникативного воздействия – угрозы, проклятья и т.д.; интердиктивные средства коммуникативного воздействия –

воспреещение (Брудный, 1998:90). Следует отметить, что все средства коммуникативного воздействия основаны на силе и мощи слова. При определенных условиях, и, прежде всего, когда словам собеседника придается жизненно важное значение, слово может оказать на человека воздействие, силу которого просто трудно преувеличить.

Объективно речь – всегда влияние и изменение чего-либо. Все дело в степени этих изменений и осознанности этого влияния. **Прагматическая функция заключается в том, что, в слушателе вызывается осознанная потребность в совершении определенного действия в результате всего сказанного ему.**

Это действие может осуществляться при помощи как вербальных, так и невербальных средств и может характеризоваться в соответствии с:

- этическими, познавательными и эстетическими ценностями;
- поставленной целью, выбранными средствами, планируемым результатом, учетом возможных последствий.

С точки зрения риторики, **речевой поступок в составе художественного монолога представляет собой ситуативно обусловленную серию интенциональных риторических ходов оформления высказывания, имеющих единую цель, отраженную в типе монолога и предполагаемом риторическом эффекте в виде вербальной или невербальной реакции.**

Речевой поступок, провоцирующий непосредственный ответ в виде речи или действия, обязательно включает побудительный эффект. Здесь необходимо отметить, что выделяется особый разряд речей, созданных как реакция на речь собеседника. Они объединяются в рубрику «ответ на речь или действие другого человека» (Анисимова, 2000:31). Розеншток-Хюсси отмечает: «Говорящий зависит от слушающего, ожидая от него каких-то действий в ответ на свои слова. Слушающий зависит от говорящего, поскольку говорящий уже совершил какое-то действие» (Розеншток-Хюсси, 1995:78).

Рассмотрим речевой поступок на конкретных монологах. Ярким примером речевого поступка является монолог-обличение Настасьи Филипповны из романа Ф.М. Достоевского «Идиот»:

«Ну, так слушай же, Ганя, я хочу на твою душу в последний раз посмотреть; ты меня сам целые три месяца мучил; теперь мой черед. Видишь ты эту пачку, в ней сто тысяч! Вот я ее сейчас брошу в камин, в огонь, вот при всех, все свидетели! Как только огонь обхватит ее всю, - полезай в камин,

но только без перчаток, с голыми руками, и рукава отверни, и тащи пачку из огня! Вытащишь, - твоя, все сто тысяч твои! Капельку только пальчики обожжешь, - да ведь сто тысяч, подумай! Долго ли выхватить! А я на душу твою полюбуюсь, как ты за моими деньгами в огонь полезешь. Все свидетели, что пачка будет твоя! А не полезешь, так и сгорит; никого не пушу. Прочь! Все прочь! Мои деньги! Я их за ночь у Рогожина взяла. Мои ли деньги, Рогожин?»

В данном монологе есть элементы обличения (выявляются личностные качества Гани, да еще и при свидетелях), чем объясняется эмоциональность, взволнованность речи. В этом монологе широко используются экспрессивно окрашенная лексика («капельку», «пальчики»), восклицательные предложения («Прочь! Все прочь! Мои деньги!» и т.д.), разговорно-экспрессивные синтаксические построения («Вот я ее сейчас брошу в камин, в огонь, вот при всех, все свидетели!», «Вытащишь, - твоя, все сто тысяч твои!») и т.д.

Сила воздействия данной речи зависит от авторской организации ее риторического пространства.

Наиболее очевидными для слушателей и особенно важными с точки зрения эффективности речи являются лексические повторы, которые выступают также как языковые средства и важнейший механизм связи между частями текста. Однако функция повтора и та дополнительная информация, которую он несет, могут быть весьма разнообразными. Например, в данном отрывке повтор фразы «**я на душу твою полюбуюсь**» в начале и конце речи Настасьи Филипповны выделяет цель речи Настасьи Филипповны и всего разыгранного ею спектакля – выявить личностные качества Гани. И только в конце ее речи становится ясно, что любоваться на его душу она будет уже при всех слушателях, которых она призывает в свидетели. «**Вот я ее брошу в камин, в огонь, вот при всех, все свидетели! Как только огонь обхватит ее всю, - полезай в камин, но только без перчаток, с голыми руками, и рукава отверни, и тащи пачку из огня! Вытащишь, - твоя, все сто тысяч твои!**» Лексические синонимические повторы «**в камин, в огонь**», «**без перчаток, с голыми руками**», «**твоя, твои**» усиливают эффект ее слов. В следующем предложении слова «**в огонь**», «**в камин**» встречаются уже порознь (эпанод или регрессия – элементы словосочетания, встретившегося в одном из звеньев, в следующих звеньях повторяются уже порознь), повтор союза *и* (полисиндетон) создает эффект замедленности речи. Далее следует ирония, переходящая в

сарказм: *«Капельку только пальчики обожжешь, - да ведь сто тысяч, подумай! Долго ли выхватить!»* Большинство предложений в данном монологе восклицательные, что указывает на эмоциональность речи.

Речь Настасьи Филипповны, не оставляя никого равнодушным, вызывает противоречивую реакцию у слушающих, которая выражается вербальными поступками с эксплицированной оценкой. Так, например, генерал Епанчин называет это сумасшествием; Афанасий Иванович и Рогожин восхищаются героиней, называя ее *колоритной* женщиной и королевой; Лебедев, готовый броситься в огонь, несвязно собирает воедино все несовместимые аргументы. Вот его речь:

«Матушка! Королева! Всемогущая! – вопил Лебедев, ползая на коленках перед Настасьей Филипповной и простирая руки к камину, - сто тысяч! Сто тысяч! Сам видел, при мне упаковывали! Матушка! Милостивая! Повели мне в камин: весь влезу, всю голову свою седую в огонь вложу!... **Больная жена без ног, тринадцать человек детей – все сироты, отца схоронил на прошлой неделе, голодный сидит, Настасья Филипповна!!»**

Монолог героини также вызывает реакцию, которая выражается невербальными поступками: князь, грустно наблюдая, молчит; а Ганя, к которому обращается Настасья Филипповна, лишается чувств, эмоционально неготовый к такому исходу дела. Примечательно то, что никто из собравшихся его не считал за человека гордого и полного внутреннего достоинства. Об отношении к Гане мы можем судить по репликам окружающих, например: *«...полезай, фанфаронишка! Сгорит! О, проклятый!»* – ревел Фердыщенко; или слова самой Настасьи Филипповны: *«Эй, сгорят, тебя же застыдят, ведь после повесишься, я не шучу!»* Его невербальная реакция в форме отказа выполнить действие только *сейчас* заставляет Настасью Филипповну увидеть в нем **человека** и человека самолюбивого. Она увидела, что *«что-то новое вошло ему в душу»* и всем стало ясно, что *«он не пойдет за пачкой, не хочет идти»*. Ее заключительная речь:

«Все его! Вся пачка его! Слышите, господа! – провозгласила Настасья Филипповна, кладя пачку возле Гани, - а не пошел-таки, выдержал! Значит, самолюбия еще больше, чем жажды денег. Ничего, очнется! А то бы зарезал, пожалуй... Вон уж и приходит в себя. Генерал, Иван Петрович, Дарья Алексеевна, Катя, Паша, Рогожин, Слышали? Пачка его, Ганина. Я отдаю ему в полную собственность, в вознаграждение...ну, там, чего бы то ни было!

Скажите ему. Пусть тут подле него и лежит... Рогожин, марш! Прощай, князь, в первый раз человека видела! Прощайте, Афанасий Иванович, merci!»

(Ф.М. Достоевский «Идиот». – С. 166-168.)

Данный монолог состоит из коротких предложений, на основании чего можно сделать вывод о том, что эта женщина торопится покинуть этот дом. Ее действия импульсивны, эмоциональны, она не склонна к пространным рассуждениям, а то, что она хотела увидеть, уже свершилось. Ее речевой поступок завершен.

Итак, слово-действие в самой примитивной, непосредственной форме является приказом или просьбой, прямым вопросом, кратким «хочу» или «не хочу». Такое слово может быть названо «действенным по преимуществу» (Волькенштейн, 1969). В более сложной форме действенное слово проявляется в виде образной речи, направленной к определенной цели.

Слово в художественном тексте есть поэтически преображенное действенное слово: либо действенное по преимуществу, либо риторическое. Для героев художественных произведений слово является орудием борьбы, средством достижения поставленной цели. Речь героев художественных произведений отличается максимально воздействующей силой слова, которая создается автором с определенной целью.

Предписанный драматическому персонажу монолог организуется автором произведения с помощью риторических средств. Речь героев художественных произведений затрагивают различные стороны жизни, касаясь философских, нравственных, политических и других проблем. Темы, поистине неисчерпаемы. Автор отбирает те, которые он хочет передать читателю, иногда сообщая и свое эмоциональное отношение к обсуждаемым проблемам, вызывая возмущение или, напротив, восхищение ими. Коммуникативный эффект речевых поступков героев является результатом задеирования автором определенных техник при написании монологов.

Техники риторического воздействия тесно взаимосвязаны с прагматической направленностью монолога и «работают» на создание риторического эффекта, который внутри текста выступает как **прагматическая** реакция слушающего на монолог, а вне текста, то есть при его восприятии читателем как **рефлексивная** реакция. Внутри текста риторическое действие предполагает процесс взаимодействия говорящего и слушающего (т.е. умение говорящего заинтересовать слушающего, вызвать его на размышление, создать

атмосферу со-мыслия, со-творчества, со-переживания), тогда как вне текста риторическое действие предполагает реакцию читателя на осваиваемый текст (т.е. риторические структуры снимают автоматизацию речи, нарушают стереотипы мышления и заставляют читателя напрягаться для постижения текста). Автор стремится так построить речь, чтобы она способствовала образной конкретизации слов и будила читательское воображение. В обоих случаях риторические техники играют роль инструмента оптимизации данного взаимодействия. Схематически это можно представить следующим образом:

Рис. 1. Схема риторического воздействия художественного монолога

Рассмотрим это на конкретных монологах, взятых из различных художественных текстов. Монолог-убеждение Остапа Бендера из романа «Золотой теленок»:

«Корейко не ответил. Тень лежала в ефрейторских складках его лица.

«Нет, – решительно сказал великий комбинатор, – вы произошли не от обезьяны, как все граждане, а от коровы. Вы соображаете очень туго, совсем как парнокопытное млекопитающее. Это я говорю вам как специалист по рогам и копытам. Итак, еще раз. У вас, по моим сведениям, миллионов семь-восемь. Папка продается за миллион. Если вы ее не купите, я сейчас же отнесу ее в другое место. Там мне за нее ничего не дадут, ни копейки. Но вы погибнете... Я останусь таким же бедным поэтом и многоженцем, каким был, но до самой смерти меня будет тешить мысль, что я избавил общественность от великого сквалыжника.»

(И.А. Ильф, Е.П. Петров «Золотой теленок». – С. 354.)

Перед великим комбинатором стоит определенная цель – получить деньги от Корейко, подпольного миллионера, продав ему папку со сведениями о его нелегальной коммерции. Речь Остапа Бендера отличается убедительностью, которая создается с помощью четкой, интересной аргументации. Под аргументацией понимается процесс приведения доказательств, объяснений, примеров для обоснования какой-либо мысли перед собеседником. В речи Остапа Бендера можно выделить следующие приемы аргументации:

- его речь лаконична;
- обращается к жизненно важному для Корейко факту (речь идет о его деньгах или свободе);
- использует такой прием, как «опережающее обсуждение возражений» (предвидя возражения со стороны Корейко, он заранее излагает последствия, ждущие миллионера в случае отказа заплатить деньги);
- старается показать выгодную для своего слушателя сторону своего предложения (если Корейко купит эту папку, то останется на свободе);
- ссылается на авторитет (в данном случае на свой авторитет: *«специалист по рогам и копытам, юридическое лицо»*);
- наглядно дает убедиться в том, что такая папка со всеми сведениями и даже с фотографией Корейко существует (предоставляет папку).

Сила и убедительность аргумента – понятие относительное, так как многое зависит от ситуации, эмоционально-психического состояния собеседника и других факторов. Чтобы вывести своего противника из равновесия, Остап в начале речи унижает его достоинство, сравнивая его с «коровой, парнокопытным млекопитающим», а, заканчивая свою речь, называет его *«великим сквалыжником»*.

Превосходство Остапа передается как повторением параллельных конструкций *«Это я говорю вам как специалист по рогам и копытам»*, – *«Это я говорю вам как юридическое лицо юридическому лицу»*, так и частотностью употребления местоимения «я». Речь Остапа Бендера производит необходимый эффект и заставляет Корейко задуматься над сложившейся ситуацией. В данном примере воздействие монолога зависит от силы и убедительности аргументов, организующих этот монолог.

Читателем этот монолог воспринимается иронически окрашенным, что намеренно создается автором за счет внезапной смены речевого жанра, т.е. с

помощью актуализации схематизма читательского понимания в тексте как бы появляется новый «голос». Речь из бытовой переходит в сферу публичной, в конце заключительных слов монолога появляется особый пафос. Новый голос, появившийся в тексте, принадлежит общественности того времени. Наличие трескучей революционной фразеологии в речах ораторов 20-30 годов не может трактоваться как особенность их индивидуального стиля, а является приметой времени.

Данный монолог характеризуется, как видно из анализа, наличием эффективной аргументации, короткими предложениями-рассуждениями. Когда человек пытается в чем-либо убедить другого человека или группу людей, он начинает рассуждать. Рассуждение – это основа убеждения. Рассуждать – значит излагать свои мысли, суждения, строить умозаключения, приводить логически последовательный ряд суждений, умозаключений, доказывающих какую-либо мысль. Вообще, убеждающая речь – это речь, в которой говорящий ставит целью заставить аудиторию поверить в правильность его точки зрения, логически доказать или опровергнуть какие-либо положения, стремится объяснить сущность явлений и их взаимосвязь. Убедить – это заставить поверить в вашу правоту. Убеждающая речь ставит целью побудить аудиторию принять определенную точку зрения, оценку событий, мнение.

Рассмотрим монолог Филиппа Филипповича Преображенского из романа М.А. Булгакова «Собачье сердце». В данном монологе Филипп Филиппович Преображенский, характеризуя наступившие времена нэпа, говорит о переменах, произошедших обществе, причем, далеко не в лучшую сторону. Его ассистент, доктор Борменталь, объясняет эти перемены разрухой. В ответ на его слова Филипп Филиппович произносит свой обличительный монолог:

«Нет, – совершенно уверенно возразил Филипп Филиппович, – нет. Вы первый, дорогой Иван Арнольдович, воздержитесь от употребления самого этого слова. Это – мираж, дым фикция, – Филипп Филиппович широко растопырил короткие пальцы, отчего две тени, похожие на черепахи, заерзали по скатерти. – Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе и не существует. Что вы подразумеваете под этим словом? – яростно спросил Филипп Филиппович у несчастной картонной утки, висящей кверху ногами рядом с буфетом, и сам же ответил за нее: – Это вот что: если я, вместо того чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у

меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах. Значит, когда эти баритоны кричат «бей разруху!» – я смеюсь. (Лицо Филиппа Филипповича перекосило так, что тянутый открыл рот.) Клянусь вам, мне смешно! Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев – прямым своим делом, – разруха исчезнет сама собой. Двум богам служить нельзя! Невозможно в одно и то же время подметать трамвайные пути и устраивать судьбы каких-то испанских оборванцев! Это никому не удастся, доктор, и тем более – людям, которые вообще, отстав в развитии от европейцев лет на 200, до сих пор еще не совсем уверенно застегивают свои собственные штаны!

Филипп Филиппович вошел в азарт. Ястребиные ноздри его раздувались. Набравшись сил после сытного обеда, гремел он, подобно древнему пророку, и голова его сверкала серебром».

(М.А. Булгаков «Собачье Сердце». – С. 167.)

Филипп Филиппович производит впечатление опытного оратора, что подтверждается и реакцией пса на его слова: «Он бы прямо на митингах мог деньги зарабатывать, – мутно мечтал пес, - первоклассный деляга». Речь очень выразительна. И выразительность ее достигается как лексическими, так и синтаксическими средствами. Подчеркнуто эмоциональный, экспрессивный характер имеют параллельные связи, усиленные лексическим параллелизмом («Это вот что: **если я**, вместо того чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня **настанет разруха. Если я**, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной **начнется разруха**»). Также для организации эмоциональной речи используется серия вопросительных предложений («Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Что вы подразумеваете под этим словом?»). Весьма выразительна присоединительная конструкция («И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев – **прямым своим делом**, – разруха исчезнет сама собой»). Присоединяя дополнительную информацию в виде пояснения, комментария, – она имитирует живую деятельность с ее раскованностью,

естественностью, непринужденностью. Этим эта конструкция привлекательна для авторов.

Реакция Ивана Арнольдовича на речь Профессора Преображенского выражена шуткой: *«Контрреволюционные вещи вы говорите, Филипп Филиппович, – шутливо заметил тяпнутый, – не дай бог вас кто-нибудь услышит».*

Современный читатель воспринимает эту речь не как контрреволюционную, в этих словах он находит здравый смысл и жизненную опытность. Через много лет слова профессора Преображенского подтвердились.

Далее рассмотрим монолог-рассуждение Коврина из повести А.П. Чехова «Черный монах»:

«Как счастливы Будда и Магомет или Шекспир, что добрые родственники и доктора не лечили их от экстаза и вдохновения! – сказал Коврин. – Если бы Магомет принимал от нервов бромистый калий, работал только два часа в сутки и пил молоко, то после этого замечательного человека осталось бы так же мало, как после его собаки. Доктора и добрые родственники в конце концов сделают то, что человечество отупеет, посредственность будет считаться гением и цивилизация погибнет. Если бы вы знали, – сказал Коврин с досадой, – как я вам благодарен».

(А.П. Чехов «Черный монах». – С. 220.)

Этот монолог-рассуждение, в котором также содержится элемент убеждения, главный герой повести Чехова Коврин произносит, споря со своей женой Таней. Коврин болен, врачи признают у него манию величия, раздвоение личности. Нужно некоторое усилие, чтобы уяснить, что два голоса звучат только в сознании Коврина (голос Черного монаха и его собственный голос). На самом деле, это сложно организованный – совершенный в художественном отношении и, кажется, единственный у Чехова раздвоенный монолог. Гениальность Коврина, внушенная Черным монахом, – это мираж, который видит только сам Коврин. В действительности он заштатный магистр философии, имеющий мало общего с Магометом или Шекспиром, но, сравнивая себя с ними, он возвеличивается в собственных глазах.

Весь его монолог перед своей женой – это протест против лечения, которое, как ему кажется, сделало из гения посредственность, хотя в том и состоит парадокс – никакой реальной метаморфозы не было. Его лечили не от

«экстаза и вдохновения», как он сам говорит, а от болезни. Монолог построен на горькой иронии, состоящей в том, что Коврин этого не понимает и не хочет понять. Ему кажется, что мучают его, а на самом деле мучает всех он. Вот почему его слова *«Если бы вы знали, как я вам благодарен!»* полны злой иронии.

Адекватное понимание этого монолога становится возможным при расшифровке смысла, заложенного в элементах реминисценций на великие имена в истории человеческой религии и культуры: Будда, Магомет и Шекспир (чтобы сравниться, сопоставиться с ними, Коврину нужно решить сверхзадачу, форсировать личность). В противном случае, все последующее содержание речи героя будет восприниматься как просто недовольство лечением. И вывод, к которому в конце концов приходит Коврин, будет казаться вполне правомерным: *«Доктора и добрые родственники в конце концов сделают то, что человечество отупеет, посредственность будет считаться гением и цивилизация погибнет»*.

На жену Коврина, Таню, его слова действуют удручающе. Она не может понять, что происходит, почему ее муж, *«такой умный, необыкновенный человек»*, раздражается из-за пустяков: *«Такие мелочи волнуют тебя, что иной раз просто удивляешься и не веришь: ты ли это?»*. Его слова обижают ее и в то же время вызывают неприязненное чувство. Как все влюбленные женщины, она верила в способности своего мужа, не видя и не желая замечать происходящих с ним изменений. Она не видит его настоящего, а любит его прежнего. Перед ее мысленным взором он остается прежним, а снести обиды от него прежнего ей горько вдвойне.

Рассмотрим также в качестве примера монолог вора из рассказа А.И. Куприна «Обида». Комиссия из местных адвокатов, которая ведет дела жителей, пострадавших от последнего еврейского погрома, заканчивает свою работу, когда к ним входят делегаты от соединенной Ростовско-Харьковской и Одессо-Николаевской организации воров. Председателю этой делегации поручено доказать, что воры не входят в число погромщиков, как печатают местные газеты. Необходимо отметить, что он справляется с этой задачей довольно легко. Приведем несколько самых интересных отрывков его из его речи:

«Не буду говорить, милостивые государи, о нравственной стороне нашего ремесла и о его социальном значении. Вам, без сомнения, лучше меня

известен удивительный, блестящий парадокс Прудона: «Собственность – это воровство», парадокс, как хотите, а все-таки до сих пор не опрокинутый никакими причитаниями трусливых мещан и жирных попов... Итак, господа, отчего же не согласиться с тем положением, что наша профессия является до известной степени как бы поправкой к чрезмерному накоплению ценностей в одних руках, служит протестом против всех тягостей, мерзостей, произвола, насилия, пренебрежения к человеческой личности, против всех этих уродств, порожденных буржуазно-капиталистическим строем современного общества? Социальная революция рано или поздно все равно перевернет этот порядок. Собственность отойдет в область печальных воспоминаний, и тогда – увы! – сами собой исчезнем с лица земного и мы – les braves chevaliers d'industrie.»

Далее председатель воровской организации заявляет, что их занятие очень близко подходит к понятию того, что зовется искусством:

«Милостивые государи, я далек от мысли буффонить перед таким почтенным собранием или отнимать у вас драгоценное время бесцельными парадоксами. Но не могу не подтвердить хоть кратко мою мысль... Есть люди, которые, обладая особенной силой зрительной памяти, остротой и меткостью глаза, хладнокровием, ловкостью пальцев и в особенности тонким осязанием, как будто бы специально рождены на свет божий для того, чтобы быть прекрасными шулерами. Ремесло карманного вора требует необыкновенной юркости и подвижности, страшной точности движений, не говоря уже о находчивости, наблюдательности, напряженном внимании. У некоторых есть положительное призвание – взламывать денежные кассы: от самого нежного детства их влекут к себе тайны всяческих сложных механизмов: велосипедов, швейных машин, заводных игрушек, часов. Наконец, господа юристы, есть люди с наследственной враждой собственности. Вы называете это явление вырождением – как вам угодно. Но я скажу, что истинного вора, вора по призванию, не переманишь в будни честного прозябания никакими пряниками: ни хорошо обеспеченной службой, ни даровыми деньгами, ни женской любовью. Ибо здесь постоянная прелесть риска, увлекательная пропасть опасности, замирание сердца, буйный трепет жизни, восторг! Вы вооружены покровительством закона, замками, револьверами, телефонами, полицией, войсками, - мы же только ловкостью, хитростью и смелостью. Мы – лисы, а общество – это курятник, охраняемый

собаками. Известно ли вам, что в деревнях самые художественные, самые одаренные натуры идут в конокрады и в браконьеры-охотники? Что делать: жизнь до сих пор была так скудна, так плоска, так невыносимо скучна для пылких сердец!»

Председатель отмечает, что есть категория прохвостов, так называемые «мотиенты» (от франц. слова «moitié»), люди без стыда и без совести:

«...Эти люди – язва нашего ремесла. Для них не существует ни прелестей, ни традиций искусства. Они следят за нами, за настоящими, ловкими ворами, как шакалы за львом... Мы, честные воры... да, да, смейтесь, господа, я все-таки говорю: мы, честные воры, презираем этих гадов... О да, они услужливо примут приглашение идти на погром; но одна мысль о том, что нас могут смешать с ними, в сто раз обиднее для нас, чем самое обвинение в погроме.»

Вор-профессионал понимает всю неожиданность такого явления, как воровская организация с делегатами-ворами и уполномоченным от делегации, понимает также и то, что это не может не вызвать улыбки. Поэтому он призывает:

«...Сбросимте, господа, внешние оболочки. Люди говорят к людям.

Почти все мы грамотны и все любим чтение... Или, вы думаете, у нас не обливается кровью сердце и не горели щеки, как от пощечин, от стыда за все время этой несчастной, позорной, проклятой, подлой войны? И неужели вы думаете, что у нас не пылают души от гнева, когда нашу родину полосуют нагайками, топчут каблуками, расстреливают и плюют на нее дикие, остервенелые люди? Неужели вы не поверите тому, что мы – воры – с трепетом восторга встречаем каждый шаг грядущего освобождения?

...Нам, ворами по профессии, более чем кому-либо другому, известно, как делались эти погромы.... Да, мы, именно мы, можем присягнуть перед богом, перед людьми, перед потомством, что мы видели, как грубо, не стыдясь и почти не прячась, организовала полиция массовые избиения.... Они предлагали многим из нас принять участие, но никто из наших не был настолько подл, чтобы дать хоть ложное, хоть вынужденное трусостью согласие.

Вы знаете, конечно, как все слои русского общества относятся к полиции? Ее не уважают даже те, кто питается ее темными услугами. Но мы презираем и ненавидим ее втрое, в десять раз...

И вот газеты говорят, что из этих рук мы приняли деньги иудины, омоченные свежей человеческой кровью. Нет, господа, это – клевета, колющая нас в самую душу с нестерпимой болью. Ни деньги, ни угрозы, ни обещания не сделают нас наемными братоубийцами или их пособниками.

...Да, господа адвокаты, мы воры и заслужили ваше законное презрение. Но когда вам, лучшим людям, понадобятся на баррикадах ловкие, смелые, послушные молодчики, которые сумеют весело, с песней и шуткой встретить смерть ради лучшего слова в мире – свобода, - неужели вы из-за застарелой брезгливости оттолкнете, прогоните нас?...

Если вы в великую минуту прогоните нас, мы скажем вам, о незапятнанные херувимы: «А что если человеческие мысли обладали бы способностью ранить, убивать, лишать людей чести и имущества, то кто из вас, о невинные голуби, не заслужил бы кнута и каторги?» И тогда мы уйдем от вас и построим свою собственную, смешную, отчаянную воровскую баррикаду и умрем с таким дружным пением, что вы позавидуете нам, белоснежные!

Впрочем, я опять увлекся. Простите. Кончаю. Вы видите теперь, господа, какие чувства вызвала в нас газетная клевета. Верьте же нашей искренности и сделайте что-нибудь, чтобы снять с нас это кровавое и грязное пятно, так несправедливо нас заклеившее. Я кончил.»

Заключительная речь адвоката:

«Мы безусловно доверяем вам и приложим все усилия, чтобы очистить имя вашей корпорации от этого тяжелого обвинения. Вместе с тем мои товарищи уполномочили меня выразить вам, господа, наше глубокое уважение за ваши горячие гражданские чувства. Я же, лично со своей стороны, прошу представителя делегации позволения пожать ему руку.»

(А.И. Куприн «Обида». – С. 318-333.)

Речь представителя воровской организации необычна по своему содержанию, построению, как неординарна и сама ситуация (неожиданность такого явления, как выступающая в роли собственного адвоката систематическая воровская организация в лице ее уполномоченного). Главная идея всей речи уполномоченного от делегации воров представляется антитезой «честные воры». Интересен подход к воровству как профессии, искусству, ремеслу, призванию. Оригинальна формулировка воровства, как «поправки к чрезмерному накоплению ценностей в одних руках». Использование парадоксов

для убеждения во многих случаях действует эффективно. Как писал Гельвеций, «бывают люди, которых надо ошеломить, чтобы убедить». Естественно, парадокс Прудона *«Собственность – это воровство»* ошеломил присутствующих в зале адвокатов.

Речь вора может показаться нарочито «раскрашенной» различными стилистическими приемами, среди которых градация: *«Наша профессия служит протестом против всех тягостей, мерзостей, произвола, насилия...»*; *«...ибо здесь постоянная прелесть риска, увлекательная пропасть опасности, замирание сердца, буйный трепет жизни, восторг!»*; *«...за все время этой несчастной, позорной, проклятой, подлой войны»*; *«...можем присягнуть перед богом, перед людьми, перед потомством»* и т.д.; метафора: *«Мы – лисы, а общество - это курятник, охраняемый собаками»*; сравнение: *«Они следят за нами, за настоящими ловкими ворами, как шакалы за львом»*; многочисленные эпитеты относительно самих себя и своей профессии: *«прекрасные шулера»*, *«художественные натуры»*, *«пылкие сердца»*, *«ловкие, смелые, послушные молодчики»*, *«истинные воры»* и т.д.; аллюзия: *«деньги иудины, омоченные свежей человеческой кровью»*; фигура «можно наоборот» (термин О.А. Лаптевой). Ее функциональный смысл состоит в усилении эффекта воздействия слова на воспринимающего текст путем употребления близкого по смыслу, а порой и тождественного по значению парного слова. Взаимозаменяемы два глагола *«оттолкнете, прогоните нас»*, два существительных – *«остротой и меткостью глаза»*, *«требуется юркости и подвижности»*, два прилагательных *«самые художественные, самые одаренные»*, *«дикие остервенелые»*, *«удивительный, блестящий»*.

Выбор языковых средств в наибольшей степени зависит от жанра и ситуации. Это оправдательная речь, в которой оратор стремится показать достоинства членов своей корпорации, несмотря на все известные недостатки и общественное мнение по поводу их организации. Форма речи полностью соответствует ее содержательно-целевой установке – убеждению или переубеждению. Выразительность проявляется не только на уровне лексики, что было отмечено выше. Строй речи также соответствует целевой установке. Данного оратора можно назвать оратором-патетиком. Ему присущ высокий пафос, усиленный риторическими вопросами. Патетика создается также за счет многомерного ритмичного синтаксиса.

В целом речь действует убедительно. Адвокаты соглашаются приложить все усилия, *«чтобы очистить имя корпорации от этого тяжелого обвинения»*, выражают *«глубокое уважение за горячие гражданские чувства»* воров, председатель даже пожимает руку представителю делегации.

При восприятии монолога читателем также отмечается нелепость ситуации, контраст между «истинностью» слов и «ложностью» представленной ситуации. Но необходимо отметить, что современный читатель воспринимает эту речь даже с некоторой симпатией к говорящему. Этому способствует знание истории еврейского народа. Нам кажется, что воровство при всей его мерзости не столь гнусно, как еврейские погромы – «честные» вору в этом случае объединяются с теми честными людьми, которые к этой гнусности не причастны!

Таким образом, взгляд на художественный монолог как на пространство для сопряжения прагматической и герменевтической программ высказывания позволяет:

1) вычленив в текстовом пространстве монологов важные для его понимания характеристики: во-первых, двунаправленность – на слушателя-персонажа и читателя; во-вторых (придавая антрополингвистический ракурс) – их относительная самостоятельность по отношению к первичной языковой личности, автору произведения, конструирующему текст для виртуальных языковых личностей второго порядка – персонажей;

2) предпринять коррелирование художественного монолога с категорией речевого поступка в аспекте риторики. С точки зрения риторики, речевой поступок в составе художественного монолога представляет собой ситуативно обусловленную серию интенциональных риторических ходов оформления высказывания, имеющих единую цель, отраженную в типе монолога и предполагаемом риторическом эффекте в виде вербальной или невербальной реакции.

Список литературы

1. Анисимова Т.В. Деловое общение: речевой аспект / Т.В. Анисимова; Волгогр. юрид. ин-т МВД России. – Волгоград, 2000. – 176 с.
2. Античная риторика как система // Античная поэтика: риторическая теория и литературная практика. М., 1991. С. 56.

3. Батищев В.С. Особенности культуры глубинного общения / В.С. Батищев // Вопросы философии. – 1995. № 3. – С. 109-120.
4. Бахтин М.М. Человек в мире слова / М.М. Бахтин. – М.: Изд-во Рос. откр. ун-та, 1995. – 140 с.
5. Брудный А.А. Психологическая герменевтика: Учеб. пособие / А.А. Брудный. – М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.
6. Булгаков М.А. Собачье сердце / А.М. Булгаков // Ханский огонь: Повести и рассказы / М.А. Булгаков. – М., 1988. – С. 141-231.
7. Волькенштейн В.М. Драматургия / В.М. Волькенштейн. – 5-е изд., доп. – М., 1969. С.74-75, 82-83.
8. Вопросы поэтики и художественной семантики. М., 1986. С. 187.
9. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Монография / А.А. Ворожбитова. – Сочи: СГУТиКД, 2000. – 319с.
10. Достоевский Ф.М. Идиот: Роман в 4-х частях / Ф.М. Достоевский. – М.: Сов. Россия, 1981. – 592 с.: ил.
11. Ильф И.А. Золотой теленок: Роман / И.А. Ильф, Е.П. Петров. – М.: Русская книга, 1992. – 384 с.: ил.
12. Куприн А.И. Обида /А.И. Куприн // Куприн А.И. Рассказы / А.И. Куприн.– М.: Правда, 1985. – С. 318-333.
13. Неориторика: генезис, проблемы и перспективы. – М.: ИНИОН, 1987. – 216 с.
14. Пешков И.В. Введение в риторику поступка: Учебное пособие / И.В. Пешков. – М.: Лабиринт, 1998. – 288 с. – (Сер. Философия риторики и риторика философии).
15. Чехов А.П. Черный монах / А.П. Чехов // Чехов А.П. Повести / А.П. Чехов. – М., 1984. – С. 229-317.
16. Юнина Е.А. Риторическая культура и ее современная проблема: Дис. ... д-ра филос. наук / Е.А. Юнина. – Пермь, 1998. – 321 с.

© О.А. Гливенкова, О.Н. Морозова

ГЛАВА III

УДК 10.00.01

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ЗООНИМОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗООНИМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «МЛЕКОПИТАЮЩИЕ КОПЫТНЫЕ, ДИКЕ»)

Болгова Елена Викторовна

ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»

Аннотация: Актуальность исследования определяется особой ролью зоонимической лексики в представлении человека о мире. Цель работы – определить проблемы лексикографирования зоонимов современного русского языка и пути их решения с позиций антропоцентрического подхода. Объект исследования – тематическая группа «Млекопитающие копытные, дикие». Методами исследования являются метод сплошной выборки, метод компонентного и дискурсивного анализа, анализ словарных дефиниций. Новизна работы состоит в выявлении перспектив развития лексикографического описания зоонимической лексики современного русского языка. Доказано, что недостатками словарной презентации зоонимов данной тематической группы «Млекопитающие копытные, дикие» являются неупорядоченность выделения антропологического значения в качестве второго значения или в качестве созначения к основному, отсутствие фиксации антропологического признака зоонима в словарной статье, неполная фиксация актуального антропологического значения или фиксация неактуального антропологического значения в словарной дефинициях и/или фразеологических выражениях с зоонимом. При анализе современного речевого употребления зоонимов выявлены как антропологические, так и антропоморфные признаки реалии. Даны рекомендации по совершенствованию содержания словарных статей.

Ключевые слова: зоонимы, словарная дефиниция, антропологические признаки, лексикографирование.

**LEXICOGRAPHY OF ZOONYMS OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF ZOONYMS OF THE THEMATIC GROUP
"HOOFED MAMMAL, WILD")**

Bolgova Elena Viktorovna

Abstract: The relevance of the study is determined by the special role of zoonymic vocabulary in a person's understanding of the world. The aim of the work is to determine the problems of lexicography of zoonyms of the modern Russian language and ways to solve them from the standpoint of the anthropocentric approach. The object of the research is the thematic group "hoofed mammals, wild". Research methods are the method of continuous sampling, the method of component and discourse analysis, the analysis of dictionary definitions. The novelty of the work lies in identifying the prospects for the development of the lexicographic description of the zoonymic vocabulary of the modern Russian language. It has been proved that the disadvantages of the vocabulary presentation of zoonyms of this thematic group "hoofed mammals, wild" are the disordered allocation of anthropological meaning as a second meaning or as a connotation to the main meaning, incomplete fixation of the actual anthropological meaning or fixation of the irrelevant anthropological meaning in the dictionary definitions and / or phraseological expressions with the zoonym. When analyzing the modern speech use of zoonyms, both anthropological and anthropomorphic features of reality were identified. Recommendations for improving the contents of dictionary entries are given.

Key words: zoonyms, dictionary definition, anthropological signs, lexicography.

Актуальность исследования определяется особой ролью зоонимической лексики в представлении человека о мире. По мнению Е.Е. Юркова, животный мир в наибольшей степени приближен к центру антропоцентрического измерения окружающей действительности к человеку [26, с. 431]. Кроме того, становится все более актуальной проблема выделения коннотативных признаков объектов-животных при обозначении человека, так как именно эти признаки определяют место и роль зоонимов в языковой картине мира. Представляется важным определить соотношение компонентов лексического

значения в аспекте антропоцентрической перспективы для решения проблем лексикографического описания зоонимов.

Цель работы – определить проблемы лексикографирования зоонимов современного русского языка и пути их решения с позиций антропоцентрического подхода.

Задачи работы обусловлены ее целью и предполагают решение следующих исследовательских вопросов: 1) в чем состоят недостатки словарного описания зоонимов современного русского языка (на материале тематической группы «Млекопитающие копытные, дикие»)? 2) какие антропологические признаки реалии (животного) являются важными для их представления в словаре? 3) какие рекомендации по лексикографированию зоонимической лексики современного русского языка можно дать составителям словарей?

Объект исследования – тематическая группа «Млекопитающие копытные, дикие» (терминология Е.Е. Юркова), включающая в себя обозначения следующих животных: бегемот / гиппопотам, верблюд, жираф, зебра, зубр, кабан, лось, слон / слониха. Выделение тематической группы и ее состав обусловлены спецификой метафорического освоения человеком мира [26, с. 431-432].

Предмет исследования – лексикографическое описание лексем данной тематической группы.

Материал исследования – 700 контекстов употребления зоонимов тематической группы «Млекопитающие копытные, дикие».

Источники исследования – толковые словари современного русского языка, словари сравнений, ассоциативные словари, Национальный корпус русского языка.

Использование Национального корпуса русского языка [14] является принципиальным для данной работы, поскольку материалы Национального корпуса русского языка соответствуют принципам дескриптивного описания языка, принимающего во внимание языковую интуицию носителей языка. Выявление примеров из Национального корпуса русского языка осуществлялся путем автоматического поиска по точному совпадению.

Методами исследования являются метод сплошной выборки, метод компонентного и дискурсивного анализа, анализ словарных дефиниций.

Новизна работы состоит в выявлении перспектив развития лексикографического описания зоонимической лексики современного русского языка.

Постановка проблемы

Проблемы современной лексикографии концентрируются вокруг ее антропоцентрического характера. Как отмечают исследователи, одна из тенденций развития современного словарного дела – это обращение к пользователю словаря, его потребностям и возможностям (см. об этом, например: [4; 8]). Идея активного словаря, который должен показывать различные семантические и грамматические изменения, которые происходят со словами при переходе от языковой системы в речь, давно привлекает внимание ученых (см. об активном словаре, например: [2; 6; 25]).

Выявление значимых признаков объекта для представления их в словаре является актуальной задачей современной теории лексикографии. Цель такой работы – совершенствование содержания словарной дефиниции с позиции пользователя. Выявление значимых для человека признаков объекта определяется антропоцентрическим вектором современной лингвистики.

Принцип антропоцентричности языка основан на установлении того факта, что выделение смысла и оформление его в отдельное слово в языке непосредственно связано с важностью объекта, признака или действия для практической деятельности человека.

Антропоцентричный (в современных исследованиях чаще антропоцентрический) подход к изучению языка (языковых единиц в частности) предполагает его изучение с позиции носителя.

Как отмечает В.М. Алпатов, антропоцентризм и системоцентризм отличаются разным отношением к двум точкам зрения на язык: точке зрения носителя языка и точке зрения исследователя. Что предпочесть: опору на интуицию носителя языка или строгие методы, поддающиеся проверке? При антропоцентричном подходе интроспективные данные проверяются текстовыми, которые часто лишь подтверждают их, но могут и корректировать, особенно если лингвист описывает не родной язык. Недостатки традиционных словарей видятся В.М. Алпатовым в том, что понятия толкуются через другие, составляются из компонентов, поэтому подчас в толкованиях слов появляется замкнутый круг. А такой подход вряд ли соответствует интуиции: в памяти носителей языка, скорее всего не существует ничего, кроме слов и

ассоциативных связей между ними. Поэтому в словаре, рассчитанном на практическое использование носителями данного языка, достаточно указать на вхождение слова в то или иное семантическое поле и различие в значении слов, имеющих семантическое сходство. К описанию языковой системы можно идти от интуиции носителя языка, проверяя ее в случае необходимости текстами, и от текстов, проверяя их данными носителя языка [1].

В основу представления материала в данной статье положен принцип анализа языкового материала, который означает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка, в первую очередь тех, которые объясняются системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности и с коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения. Антропологически обусловленные свойства языка – это те, которые соотнесены с конститутивными (фундаментальными) свойствами человека (сознание, мышление, культура). При этом важно выяснить, какие конститутивные свойства человека коррелированы со свойствами языка и в какой мере специфическая организация человека предопределяет форму языка и его особенности. Одни свойства языка объясняются физиологическими особенностями человека, другие – чисто психическими, третьи – психофизиологическими. Например, психофизиологическими особенностями человека объясняется наличие в языке принципа линейности и экономии (см. об этом: [16, с. 9-11]).

При антропоцентричном подходе при описании объекта необходимо представлять в содержании словарной дефиниции лингвистического словаря лишь те признаки, которые важны для осознания человеком окружающей действительности. Такие признаки представлены, в частности, в переносном употреблении зоонимов. А в соответствии со сложившейся к настоящему моменту лексикографической практикой указание на переносное значение является непременным атрибутом толкования названия животных [21, с. 655].

Тем не менее, исследователи отмечают, что в словарях переносные номинации зоонимов фиксируются далеко не полно, не всегда точно или вообще не фиксируются (см., например: [3; 10; 13; 24]). Определить признаки, необходимые для презентации в содержании словарной дефиниции, не всегда легко: необходимо, по мнению ученых, выделить возможно меньшую часть естественного языка [7, с. 3], следует обращаться непосредственно к текстам

[13, с. 541], изучить окказиональные случаи употребления зоонимов в текстах [13, с. 542].

Англоязычные словари, по данным З.З. Чанышевой и Р.К. Асабина, или не всегда содержат информацию об антропологического компонента, или фиксируют его с разной степенью дифференциации, или объем представленного словарного антропологического значения не совпадает с реальным в полном объеме [24, с. 1459].

В словарях русского языка не все словарные толкования к слову-зоониму соответствуют запросам пользователя. В работах отмечаются факты преобладания субъективизма и интуиции [3, с. 54], случаи отступления от требования стандартизованности метаязыка толкований при представлении зоонимов [20, с. 17-18], отсутствует последовательность в подаче переносного и метафорического значения зоонимов [3, с. 133].

Результаты исследования

Анализ словарных статей показал недостатки словарной презентации зоонимов данной тематической группы «Млекопитающие копытные, дикие»: во-первых, неупорядочено выделение переносного (метафорического) значения в качестве второго значения или в качестве созначения основного значения; во-вторых, отсутствие фиксации переносного (метафорического) значения зоонима в словарной статье; в-третьих, неполная фиксация актуального переносного (метафорического) значения или фиксация неактуального переносного (метафорического) значения.

Таким образом, важным становится выделение актуальных с точки зрения современного речевого употребления переносных (метафорических) значений зоонимов для фиксации их в словарных статьях.

Тематическая группа «Млекопитающие копытные, дикие» включает в себя обозначения следующих животных: бегемот/гиппопотам, верблюд, жираф, зебра, зубр, кабан, лось, слон, слониха.

Лексикографическое описание слов данной тематической подгруппы не всегда отражает вторичное (переносное, метафорическое) значение. Из 9 названий животных такое значение отражено в [5] только в 4. Причем место такого компонента в словарной дефиниции различен: в одних случаях это второе (переносное) значение (*бегемот* – о крупном, полном, неуклюжем человеке [5, с. 63]; *зубр* – об опытном, ценном специалисте [Там же, с. 371]); *слон* – о высоком, толстом, неуклюжем человеке [Там же, с. 1212]); в других –

коннотация, добавляющая основное значение (*кабан* – о грузном, толстом мужчине [Там же, с. 407]; есть варианты представления информации под знаком $\diamond$ (фразеология) (*делать из мухи слона, слона не заметить, слон в посудной лавке, Слон и Моська, как (что) слону дробина; доказывай, что ты не верблюд; до кого-л. доходит, как до жирафа*) [Там же, с. 1212, 118, 307]).

Употребление зоонимов в речевой практике увеличивает коннотативную наполненность слов, раскрывая их потенциал и актуализируя коннотативные компоненты лексического значения.

Анализируемый материал может быть разделен на группы в зависимости от наличия / отсутствия антропологического значения зоонима. Под антропологическим значением (компонентом значения), по терминологии З.З. Чанышевой, Р.К. Асабина, мы понимаем вторичный коннотативный признак (компонент значения), развиваемым зоонимом при обозначении человека [24, с. 1459]. Используя идею А.М. Бабкина об антиантропоморфизме, то есть уподобление человека животному (см. об этом: [3, с. 136]), такой признак можно было бы назвать антиантропоморфным. Но из-за трудности понимания и произнесения такого термина мы предпочитаем термин *антропологический* признак (значение, компонент значения).

Анализируемые в статье зоонимы можно разделить на две группы: первая группа – зоонимы, словарное толкование которых адекватно их современному речевому употреблению (*зебра, зубр, кабан, слон, слониха*) и вторая – группа зоонимов, словарное толкование которых требует корректировки (*бегемот/гиппопотам, верблюд, жираф, лось*).

Рассмотрим зоонимы этих групп.

Зооним *зебра* в словарных толкованиях имеет второе значение с пометой *разговорное* «о пешеходном переходе, размеченном белыми полосами» [5, с. 361; 15, с. 228], а также в иллюстративной части сочетание *зебра полосатая* – перен.: о чём-н. полосатом и броском [18, с. 418], а словарь [11] уточняет, что сочетание относится к одежде: *полосатый как зебра – об одежде с контрастными полосами* [11, с. 56]; см. также в [12, с. 218]. В современной речевой практике примеров с зоонимом *зебра* для обозначения человека немного, и все они относятся к группе индивидуально-авторских употреблений. См. примеры: Арктика — не лучшее место на земном шаре для лечения простуды, не помогли ни полтонны лекарств, ни ежедневные банки в медпункте, от которых я стал пятнистым, как *зебра* [В. Санин. Не говори ты

Арктике — прощай (1987)]; Отъ потоковъ его пыльные лица ихъ сдѣлались полосатыми, какъ голова *зебра* [Н.А. Лейкин. В гостях у турок (1897)]. Следовательно, для зоонима *зебра* нет необходимости добавлять в словарную статью значение / оттенок значения для обозначения человека.

Другое дело зооним *зубр*. Согласно толковым словарям зооним *зубр* имеет несколько переносных значений, имеющих отношение к обозначению человека: «об опытном, ценном специалисте» и «о косном, консервативно настроенном человеке» [5, с. 371; 15, с. 234; 19, Т.1, с. 624]. Этими значениями и ограничивается коннотативный потенциал лексемы. В современном речевом употреблении находим лишь единичные примеры присутствия коннотации «огромный» и «сильный». См. примеры: К нему уже спешил огромный, как молодой *зубр*, майор [В. Сеницына. Муза и генерал (2002)]; Он был невысок ростом, тучен, но силен, как *зубр* [А.П. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха (1960)]. Следовательно, лексикографическое описание зоонима *зубр* следует считать адекватным его употреблению в современной речевой практике.

Зооним *кабан* в некоторых толковых словарях русского языка представлен коннотативным элементом «о грузном, толстом мужчине» [5, с. 407; 19, Т. 2, с. 10]. Этот элемент актуализируется и в устойчивых сочетаниях: *разжиреть, откормиться как кабан* (очень, чрезмерно (о мужчине)) [11, с. 61]; *выестся как кабан* (об очень разъевшемся, потолстевшем, раскормленном человеке), *гладкий как кабан* (о толстом и неповоротливом человеке), *есть (жрать) как кабан* (о жадно, неразборчиво и в больших количествах поедающем пищу толстом человеке), *толстый как кабан* (очень толстом, раскормленном мужчине), *напороться как кабан* (о жадно, сверх меры наевшемся человеке), *ходить как кабан* (о тяжело и лениво ступающем толстом человеке), *вид как у кабана* (о грузном, толстом, раскормленном мужчине) [12, с. 238]. Словарь Ушакова Д.Н. добавляет компонент «о грубом мужчине» [22, с. 336].

Современное речевое употребление актуализирует в зоониме *кабан* признак по сходству издаваемого звука (*визжать как кабан*), поведения (*переть напролом, быть разъяренным*). См. примеры: Всё время визжал, как подрезанная свинья, точнее, *кабан* [В. Токарева. Своя правда // Новый Мир, 2002]; Зато тот, кто шел, не таился, как *кабан* вломился в кустарник, как-то необычно, но явно беззлобно заругался на цепкие ветки, ухватившие за куртку, это, наверное, был какой-то сленг, и вывалился на поляну: молодой полноватый

мужчина в пестрой курточке и грязноватых синих штанах с обвислым задом [Я. Разливинский. Старьевщик // Знание – сила, 2006]; Он не жалел кулаков. Словно *кабан* разозленный он ринулся, Словно наш пес на волков. Бой закипел [К.И. Чуковский. Дневник (1917)].

Уточнение гендерной принадлежности в словарной статье (*кабан* – о мужчине) нейтрализуется в современном речевом употреблении: Добираюсь я неожиданным путем до своей бабы, а она гладкая, как *кабан*, одетая и обутая, с брюшком да с серьгами, в кармане деньги, а на голове разнообразная прическа, лицо подманчивое, фасад неопиcуемый и из себя представительная до невозможности... [И.Э. Бабель. Статьи в газете «Заря Востока» (1922)]. Гладкий, согласно толковому словарю с пометой «традиционно-народное», означает «полный, упитанный» [5, с. 206]. Перенос значения на лицо другого пола объясняется ассоциацией с употреблением слова «гладкая» по отношению к женщине в современном русском языке. См. пример: Первой прибежала Нюра Агапова, соседка, молодая гладкая баба с круглым добрым лицом [В. Шукшин. Степка (1960-1971)].

Анализ материала показал, что лексикографическое описание зоонима *кабан*, представленное коннотативным элементом «о грузном, толстом мужчине», следует считать адекватным его употреблению в современной речевой практике.

Зооним *слон* в словарных толкованиях имеет второе значение с пометами *фамильярное / разговорное* «о высоком, толстом, неуклюжем человеке» [5, с. 1212; 19, Т. 4, с. 143; 22, с. 980]. В дефинициях толковых словарей представлены также фразеологические выражения *делать из мухи слона*, *слонато не приметил*, *слон в посудной лавке*, *Слон и Моська, как слону дробина*, *кто-н. как слон* (в значении «неуклюж, громоздок, неповоротлив»), *слонов гонять* [5, с. 1212; 15, с. 732; 18, с. 422]. Коннотативные элементы «толстый, грузный» (в значении «располневший, ставший неповоротливым из-за чрезмерной полноты (о человеке или его фигуре)» [5, с. 231]) и «неповоротливый» представлены также в устойчивых сочетаниях: *толстые как у слона* (об очень больших, толстых ногах, коленях и о больших, отекающих ногах) [11, с. 37; 12, с. 622]; *здоровый, огромный как слон* (обычно о рослом, грузном, неповоротливом и неловком человеке) [11, с. 43; 12, с. 621]; *топать, ходить как слон* (о тяжело и шумно шагающем (обычно грузном и неловком) человеке) [11, с. 88; 12, с. 622]; *выглядеть, смотреться как слон в посудной лавке* (о человеке, который

не похож на других, резко выделяется из своего окружения) [11, с. 146]; *как слон в посудной лавке* (о большом неповоротливом и неуклюжем человеке, оказавшемся в тесной обстановке, среди ломких, хрупких вещей) [12, с. 621]; *болтаться как слон* (о человеке, который не в состоянии держаться на ногах) [Там же, с. 621]; *вести себя как пьяный слон* (о чьем-либо некоординированном, неуклюжем, ведущем к беспорядку поведении) [Там же, с. 621]; *доволен как слон/сто слонов* (о чем-либо чрезмерно и по-детски довольном человеке) [Там же, с. 621]; *как слон и моська* (о ситуации, когда кто-то маленький и слабосильный задирает сильного и невозмутимо спокойного человека) [Там же, с. 621; 18, с. 422; 15, с. 732]; *толстокожий как слон* (о не способном к тонкому восприятию, грубом, неотзывчивом человеке) [12, с. 621]; *кожа как у слона* (о чьей-то крайней неспособности к тонкому восприятию, нечувствительности, неотзывчивости) [Там же, с. 622].

Из перечисленных выше фразеологических выражений фраза *выглядеть, смотреться как слон в посудной лавке* (о человеке, который не похож на других, резко выделяется из своего окружения) [11, с. 146] не представлено в наших примерах из современной речевой практики. Частотным является выражение *как слон в посудной лавке* (о большом неповоротливом и неуклюжем человеке, оказавшемся в тесной обстановке, среди ломких, хрупких вещей) [12, с. 621]. См. примеры: Курехин в Пушкинском доме — это слон в посудной лавке, всю эту феерию сложно даже передать: столкновение двух культур, он — с Марса, она — с Венеры, там искры летели [М. Нестеренко. «Медуза» курильщика. Издательство Сергея Курехина и книги в его жизни (2017.06.19)].

Выражение *как слон и моська* (о ситуации, когда кто-то маленький и слабосильный задирает сильного и невозмутимо спокойного человека) [12, с. 621; 18, с. 422; 15, с. 732] в современной речевой практике используется еще и как синоним выражениям «Пат и Патошон» (в разговорном варианте — Патошонок), «Тарапунька и Штепсель» в значении «очень большой и очень маленький, идущие вместе». См. пример: — Идем тут, как слон и моська, а нас разглядывают, — ворчал Пашка. — Какой еще слон? — растерянно пробормотала Лиля, косясь по сторонам. Ей тоже не нравилось назойливое внимание серых человечков. [М. Тырин. «Будет немножечко больно» (2014)].

Не представленные в словарях на зооним *слон* выражения *слон на ухо наступил кому-то* (о человеке, лишенном музыкального слуха [19, Т. 2, с. 402]

и слон родил мышь (составленного по образцу гора родила мышь – употребляется, когда говорят о больших надеждах, но малых результатах, о том, кто обещает многое, но даёт очень малое) также являются востребованным в современной речевой практике: Я с детства люблю музыку, и слон мне на ухо, к счастью, не наступил [Н. Зуев. Ирина Слуцкая – снежная королева // 100% здоровья, 2002.11.11]; Голова набрякла замыслами о мести, но слон родил мышь, задуманное выкристаллизовалось в нехитрый экзерсис — набрав номер, быстро протараторить: «К семи буду у метро, вынеси мои часы и зонтик» [Д. Симонова. Половецкие пляски (2002)].

Анализ примеров показал, что в современной речевой практике актуализированы коннотативные компоненты «толстый, огромный», «неловкий, неповоротливый» и «спокойный». См. примеры: Он был уязвим как слон, громадный, неповоротливый [Д. Гранин. Иду на грозу (1962)]; А ты вломился в прошлое, как слон на склад фарфора, все перебил, обгадил и ушел! [В.Е. Голубев. Шаг назад // Полдень, XXI век, 2006, № 6]; Боб был спокоен, как слон, которому суют в хобот яблоко [А.С. Бухов. Промах Перкинса (1918)].

Остальные коннотативные компоненты «по многу (есть, пить, курить)» (1), «реветь, трубить, храпеть громко» (2), «работать много» (3), «толстокожий (тугодум, нечувствительный)» (4) являются нечастотными и замечены в индивидуально-авторских контекстах. См. примеры: (1) Вот-вот, проблема с одеждой, с бельем... короче... И ем как слон... Dvornik, 2005.01. 30 10:09. Мне лично нравятся именно худые девушки [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)]; А герой, помимо всего прочего, должен обладать способностью (и демонстрировать это) пить как слон! [К. Феокистов. Траектория жизни (2000)]; Хотя курил он, как слон — по две, если не по три пачки в день [Е. Козырева. Дамская охота (2001)]; (2) Из-за спины тети Тоси проревел, как слон, Илья Кукушкин [Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000-2002) // Октябрь, 2002]; Да он просто скотина!! — я уже воплю, как боевой слон [М. Палей. Дань саламандре (2008)]; А там, снова здорово, беготня и Любовь Петровна трубит, как боевой слон [Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)]; Только что пришел, опять легла, сейчас храпит, как слон

[Письмо студента-медика домой (1996)]; (3) «Это верно, — подумал Васька, — работаешь ровно слон, а ни тебе спасибо, ни тебе благодарности». [М.М. Зощенко. Вор (1920-1929)]; Эти — заплатят. Устал, как слон

[С.Н. Сергеев-Ценский. Моя переписка и знакомство с А.М. Горьким (1912-1936)]; (4) И лишь тогда Дзюба — вот слон, как же туго до него все доходит! [Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)]; Наташа, сердито мощась, засмеялась, еще сквозь слезы. — Слон он и есть слон. Шкура слонячья!.. [Ф. Кнорре. Шорох сухих листьев (1967)].

Анализ материала показал, что лексикографическое описание зоонима *слон*, представленное коннотативным элементом «о высоком, толстом, неуклюжем человеке», следует считать адекватным его употреблению в современной речевой практике.

Зооним *слониха* не содержит в дефиниции переносного значения, а употребление зоонима в составе устойчивого выражения *вес как у беременной слонихи* (о значимости чьего-либо положения в обществе, достоинстве) [12, с. 621] не относится к определению человека. Материал из [14] показывает, что признак «толстый, неповоротливый» в такой же степени относится к самке слона, как и к слону. Следовательно, определение зоонима *слониха* как самки слона [5, с. 1212; 19, Т. 4, с. 143; 22, с. 980] самодостаточен, предполагает перенос признаков зоонима *слон* на зооним *слониха*, полностью соответствует современной речевой практике и не нуждается в корректировке.

Зоонимы *бегемот/гиппопотам* представлены в словарях либо как абсолютные синонимы [5, с. 205], либо через обозначение родовидовых отношений [15, с. 130; 22, с. 38, 153]. Для обыденного языкового сознания *бегемот* и *гиппопотам* — одно и то же животное. Поэтому уточнения типа «*гиппопотам — один из двух видов бегемотов — бегемот обыкновенный*» [15, с. 130], по нашему мнению, не совсем уместны в толковых словарях, так как больше относятся к категории энциклопедической информации. В таком случае они могут быть представлены в лингвистических словарях, но с указанием на этот факт. См. примеры: После долгих наблюдений Сева Иванович сделал важный научный вывод: оказывается, бегемот и гиппопотам—это одно и то же животное! [Сева Иванович Кулебякин // Трамвай, 1990]; — Гиппопотам, мадам. — А ведь это бегемот. Вот даже и на дощечке написано. — Его зовут и бегемот, и гиппопотам, и нильская лошадь [Н.А. Лейкин. Около бегемота и носорога (1881)].

Для лексемы *бегемот* в словарях указывается переносное значение «о крупном, полном, неуклюжем человеке» [5, с. 63], «о большом, толстом и неповоротливом человеке» [18, с. 417-418]. В словарях, таким образом,

акцентируется сходство человека и бегемота / гиппопотама по внешнему виду с основным признаком «большой по росту и объему».

Современная речевая практика показывает следующие пути развития коннотативного признака: человек ассоциируется с животным и по внешнему виду (крупный, толстый, здоровый (в значении «неестественно большой») см. в [12, с. 40]), и по поведению (манера дышать, зевать, есть, передвигаться).

Употребление зоонимов *бегемот* / *гиппопотам* для обозначения толстого, неестественно большого человека не так частотно, как ожидается. См.: *здоровый как бегемот, как гиппопотам* [12, с. 40, 132]; Только Барба красивая, а Юлия Станиславовна толстая, как бегемот [Д. Сабитова. Где нет зимы (2011)].

В основном, встречаются примеры, в которых основной признак «большой по росту и объему» «обрастает» дополнительными коннотациями, такими как «неуклюжий», «толстокожий», «нечувствительный». Признак «неуклюжий» указан в словарном толковании слова *бегемот* («о крупном, полном, неуклюжем человеке» [5, с. 63]) и в современном речевом употреблении усиливается посредством употребления контекстуального антонима «грациозный». См. пример: Папочка кокетливо взята за уголок, легкая походка. Грациозный бегемот в дорогом темном костюме. В тот же вечер, нарушив все законы субординации «Северного строительства», Чинков самовольно покинул совещание и на первом подвернувшемся грузовом ЛИ-2 вылетел обратно в Поселок [О. Куваев. Территория (1970-1975)].

Кроме того, признак «большой по росту и объему» актуализируется в тексте при употреблении зоонимов *бегемот* / *гиппопотам* с определениями или в контекстном окружении слов со сходной семантической структурой или в составе противительной синтаксической конструкции. См. примеры: (1) — Этот *толстобрюхий* бегемот выписал себе из Петербурга двенадцать пар шикарного обмундирования, надеясь в Риге, да и в Варшаве сражаться с дамами. [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1-2 (1934-1939)]; (2) И они появились. Доктор и «бегемот». — Ты — недочеловек, — прогремел «бегемот», направив на меня указательный *палец, размером и формой напоминающей большой палец ноги гиббона*, — ты мне теперь не нужен [В.В. Щигельский. Чистая память // «Волга», 2013]; В редакцию «Канторы» пришел входящий в моду поэт Гутин, *бочкообразный* лысый мужчина с треугольной рыжей бородой («бегемот апокалипсиса», как он сам себя называл — но темно-багровый цвет его лица наводил скорее на мысль об апоплексии)

[В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)]; (3) Деньги маленькие, но я сама тоже не гиппопотам [С. Сэ. Ева (2010)]; В ту ночь я второй раз попал в Австралию, расположенную на сей раз где-то в роскошных лабиринтах «Метрополя», куда *мордастый, с жирным красным загривком* гиппопотам пропустил нас без всякого звука, и это явилось бы чудом, если бы не выяснилось потом, что он был заранее Евой предупрежден и подкуплен [А. Ким. Белка (1984)].

В примере (1) основной признак усилен однокоренным к названию признака словом «толстобрюхий», в примерах (2) и (3) при описании героя упомянуты детали, которые однозначно толкуются как принадлежащие толстому человеку (бочкообразный; нога гиббона; маленький, но; мордастый, с жирным красным загривком).

Гораздо более частотны примеры, актуализирующие сходство человека и животного в поведении. Выделяются такие характерные черты поведения бегемота/гиппопотама, как чавкать, лопать, пить, вздыхать, пыхтеть, фыркать, топать, реветь, зевать (есть (лопать) как бегемот; зевать как бегемот, переться как бегемот [12, с. 40]. См. примеры их художественной литературы: — Я что, правда ужасно чавкаю? — Как бегемот с аденоидами, — отвечаю [Д. Сабитова. Где нет зимы (2011)]; Павел Петрович вздыхает как бегемот и садится [А. Геласимов. Год обмана (2003)]; Именинника не видишь? — ревел, как бегемот, атаман. Трамвай затормозил. — Что вам нужно? [Л. Сапожников. Митя Метелкин в Стране Синих роз (1988)]; Смотрим — сидит в ванной этакая туша с веером в руках, фыркает, как бегемот, плескается, сопит [А. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля (1960-1980)]; Мне очень хотелось быть Митей и действовать в его духе. Кто-то бежал, топя ногами, как бегемот [М. Анчаров. Теория невероятности (1965)]; Я должен его выпить, а я не хочу: я не бегемот, наконец, чтобы весь день глотать, с утра до вечера и даже ночью, потому что в Берлине ночи нет [М.И. Цветаева. Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым) (1934)].

В современной речевой практике встречаются примеры, где особенности человеческого поведения переносятся на животного: рыдать как бегемот, обкурившийся бегемот, смущенный бегемот, ворочаться как бегемот, дуться как бегемот, пятиться к двери как бегемот. См.: Еще минут десять ушло на то, чтобы суровому внедорожнику из «поперек» развернуться «вдоль», а потом, неуверенно мотаясь из полосы в полосу, словно обкурившийся бегемот, крутой

автомобиль уполз вперед по опустевшему за время стояния переулку [М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]; Я ждал, что сосед отдаст пакет и уйдет, но он почему-то продолжал стоять посреди моих жалких квадратных метров, переминаясь с ноги на ногу, как смущенный бегемот [А. Маринина. Черный список (1995)]; Из этого не следует, что надо ворочаться, как бегемот на льду, и проливать чужую воду [Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2 (1975-1977)].

Использование глаголов для агенса-зоонима, обычно употребляемых для агенса-антропонима (см. об этом: [23]), означает переход к антропоморфным признакам зоонима, то есть приписывание животному качеств и свойств человека. Анализ подобных конструкций показал, что функционирование глаголов сводится к ситуации эмоциональных переживаний (рыдать, дуться) и передвижения в пространстве (ворочаться и пятиться). Если первая группа глаголов (глаголы эмоционального действия) довольно редкая при описании поведения животных, то использование второй группы глаголов (физиологические глаголы) доказывают, что различий между действиями человека и животных не так много (см. об этом: [23, с. 30]).

Таким образом, при лексикографическом описании зоонимов *бегемот* / *гиппопотам* необходимо, по нашему мнению, учитывать следующее: во-первых, толкование лексического значения зоонима *гиппопотам* следует свести к ссылке на слово *бегемот*, исключив энциклопедическую информацию о том, что это один из двух видов бегемотов – бегемот обыкновенный, из содержания дефиниции; во-вторых, указание на переносное значение слова *бегемот* в словарной статье обязательно, так как значение «о большом, толстом и неповоротливом человеке» [18, с. 417-418] актуально и востребовано в современном речевом употреблении; в-третьих, формулировку «о большом, толстом и неповоротливом человеке» [18, с. 417-418] следует предпочесть формулировке «о крупном, полном, неуклюжем человеке» [5, с. 63], так как прилагательные «толстый» и «неповоротливый» содержат семантические компоненты, которые актуализируются в современном речевом употреблении, в том числе в конструкциях с глаголами: «большой, значительный в объеме, охвате, поперечнике» [Там же, с. 1329] и «лишенный быстроты и ловкости в движениях, медлительный и нерасторопный» [Там же, с. 632].

Зооним *верблюд* не содержит в дефиниции переносного значения. В словаре представлены лишь «фразеологические выражения, общее значение

которых не определяется непосредственно значением слова» [15, с. 8]: *Легче верблюду влезть в игольное ушко, нежели богатому войти в Царство небесное* (о том, что невыполнимо [по евангельскому сказанию о поучении Иисуса Христа: "удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие"]). *Вынослив как в. кто-н.* (очень вынослив). – **Докажи, что ты не верблюд** (разг. шутл.) – о невозможности доказать очевидную необоснованность какого-н. обвинения. **Откуда? – От верблюда!** (прост.) – выражение насмешки по поводу неосведомленности спрашивающего. *Откуда у тебя эта вещь? – Откуда? – От верблюда!* **Что я, верблюд?** (прост. неодобр.) – я не настолько прост, глуп [15, с. 74; 5, с. 118; 18, с. 418].

Сема «выносливость» является основной в переносном значении зоонима. Компоненты «способный много вынести», «стойкий» [5, с. 176] актуализированы в большинстве устойчивых сочетаний с лексемой *верблюд*: *выносливый как верблюд* – о физически крепком, неприхотливом, терпеливом человеке [11, с. 57]; *нагрузиться, нагруженный, навьюченный как верблюд* – о человеке, безропотно переносящим большие тяжести [11, с. 80; см. также: 12, с. 88]; *работать как верблюд* – о тяжело, с надрывом и механически работающем человеке [12, с. 89]; *вид у кого как у верблюда* – о чрезмерно перегруженном, несущем огромную поклажу человеку [Там же, с. 89]; *ходить верблюдом* – о человеке, сгибающемся при ходьбе под непомерно тяжелой поклажей, ношей [Там же, с. 89]. См. примеры: Кострецов крепко спал, но я сквозь сон услышал пошамкивание, какое время от времени издаёт усталый верблюд [А.П. Хейдок. Храм снов (1924-1934)]; Работаю как верблюд, без увлечения, без радости [К.А. Куприна. Куприн — мой отец (1979)]; Но Малинин буркнул, что он не верблюд, а носильщиков не будет... [К. Симонов. Живые и мертвые (1955-1959)].

В современном речевом употреблении, как показал анализ, актуальны также такие семантические компоненты, как *плевать как верблюд, пить как верблюд, огромный как верблюд, некрасивый как верблюд*.

Первые два компонента представлены в словарях: *плевать(ся) как верблюд* – часто, вульгарно, без обычных предосторожностей воспитанного человека [11, с. 148]; о часто и небрежно плюющем повсюду человеке [12, с. 89]; *напиться как верблюд* – о много выпившем, напившемся очень пьяным человеке [Там же, с. 88-89]. Наш материал показывает, что эти формулировки нуждаются в корректировке.

Толкование значения устойчивого сочетания *плевать(ся) как верблюд* в словаре [11] представляется нам неактуальным. Наш материал показывает употребление сочетания в прямом смысле, то есть более корректным видится толкование значения в [12]. См. примеры: — Плевать(ся) — верблюжья привычка. — Я не верблюд. — Ну-ну... не обижайся, меткий татарин, значит. — Не татарин [Г. Ариткулова. Контур, выжженный на асфальте // Бельские просторы, 2018]; Тренер всегда говорил: не плюйся, не верблюд [К. Серафимов. Голубой сталагмит (1978-1994)]; Значит тебе наплевать, что народ думает? — Я не верблюд, плевать(ся) не привык. И погонять меня нечего, — Коньков вышел, сердито хлопнув дверью [Б. Можаяев. Падение лесного короля (1975)]; Как бешеный верблюд, он заплевывал всех и все [А. Ветлугин. Авантюристы гражданской войны (1921)].

Сомнение вызывает и корректность толкования значения устойчивого сочетания *напиться как верблюд*. Синонимичными сочетаниями к данному в словаре [12] указаны *напиться как свинья, зюзя, сапожник* [12, с. 89]. Эти выражения действительно частотны в данном значении — «о много выпившем, напившемся очень пьяным человеке» [Там же, с. 88-89]). Что касается выражения *напиться как верблюд*, то оно не представляется частотным в современном речевом употреблении. Гораздо чаще встречается выражение *пить как верблюд*, обозначающее *долго и много пить (прежде всего о воде)*. См. пример: Потом кое-как на дрожащих ногах к реке спустился. Долго пил, будто верблюд. Умылся, сапоги да ремни от крови кое-как отмыл и поплелся к солдатам [Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)]. Хотя в связи с устойчивой ассоциацией *водка* на глагол *пить* в русскоязычном дискурсе (26 реакций со словом *водку* по сравнению с 135 реакциями со словом *воду*, согласно [17]) в материале отмечены случаи соединения двух значений глагола *пить* (*глотаю, поглощать жидкость и употреблять спиртные напитки* [5, с. 835]) в одном и том же контексте, что создает особую глубину смысла: Так пил по мере надобности... Совсем как верблюд в пустыне. — Любопытная исто... Что вы делаете? [А.Т. Аверченко. Резная работа (1918)]; — Пей, Дондок, что ты морщишься, как верблюд! [А.П. Хейдок. Собаки воют (1924-1934)]; Пьет, разрази меня гром, пьет здорово, как верблюд или морской змей [А.С. Грин. Комендант порта (1933)].

Семантические компоненты, реализованные в сочетаниях *огромный как верблюд, некрасивый как верблюд* не представлены в словарях, но

присутствуют в современной речевой практике. См. примеры: Часа в два ночи явился *большой*, как верблюд, Талибергенов с тремя собратями помельче [В.М. Шапко. Грузок, what is it горка and липка? // Волга, 2014]; Тоже мне красивый — да ты видела, как он ходит? Как верблюд. Шею вытянет, ноги волочит — шмяк, шмяк, шлеп, шлеп! [Д. Рубина. Уроки музыки (1982)]; А ты вон какой *рыжий да здоровенный*, чистый верблюд! [Ю. Трифонов. Утоление жажды (1959-1962)]; Мордатый, широкий в плечах Иванков молчал, Крючков, по прозвищу «Верблюд», чуть *рябоватый, сутулый* казак, придирался к Митьке [М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928-1940)]; Прошла раз и Феклушка, хозяйская дочь: *рожа рябая*, рот до ушей — теленка проглотнет, *уши торчком, спина корытом, шея тоненька*, хоть перерви, верблюд — не девка [А. Веселый. Россия, кровью умытая (1924-1932)]; Был исключением курс философии, читанный нам Сергеем Трубецким; этот *длинный, рыжавый, сутулый* верблюд с фасом мопса на кафедре вспыхивал: из некрасивого делался обворожительным [А. Белый. Начало века (1930)]; Артем, где бы он ни был, — вез ли с гумна мякину, или числил овцам ясли, — завидев Дуняшу, втыкал вилы и шел к ней, вышагивая *на длинных ногах*, как верблюд [А.Н. Толстой. Детство Никиты (1919-1922)]. Внешнее сходство человека с верблюдом (*рыжий, длинная худая шея, длинные ноги, сутулый, большой, походка*) мотивирует употребление сочетаний *огромный как верблюд, некрасивый как верблюд*. Частотность их употребления дает возможность представить это значение в словарной дефиниции к зоониму *верблюд*.

Таким образом, при лексикографическом описании зоонима *верблюд* необходимо, по нашему мнению, включить указание на переносное значение слова *верблюд* в словарную статью как значение «о большом, некрасивом человеке». Кроме того, дефиниции рекомендуется оставить перечисление фразеологических выражений, в первую очередь *доказать, что ты не верблюд* как достаточно частотное в современной речевой практике.

Зооним *жираф* также не содержит переносного значения в дефинициях толковых словарей (см., например: [5, с. 307; 15, с. 195; 22, с. 230]). В словарях представлены только фразеологические выражения *до кого-л. доходит, как до жирафа* в значении «кто-л. очень медленно соображает» [5, с. 307; 18, с. 418; 11, с. 200; 12, с. 201] и *кто-н. как жираф* в значении «об очень высоком и худом человеке» [18, с. 418; 11, с. 41; 12, с. 201].

Анализ примеров современной речевой практики подтверждает корректность формулировки толкований. Представляется логичным выделять в словарной статье к слову *жираф* переносное значение «об очень высоком и худом человеке». На необходимость такого выделения указывает тот факт, что слово *жираф* в этом значении употребляется в номинативной функции. См. пример: Это был высокий, тощий, длинношей малый, к тому же и сам в очках. — А ты жираф! — крикнул Травка. — Нет, я Сережа, — спокойно ответил мальчик, ничуть не обидевшись [С. Розанов. Приключения Травки (1938)].

Необходимо отметить, что зоонимы *верблюд* и *жираф* в современной речевой практике употребляются как контекстуальные синонимы, так как выделяемые признаки животных при обозначении человека у них совпадают. Так, например, в словаре [12] зафиксированы оба варианта — *доходить как до верблюда* [12, с. 89] и *доходить как до жирафа* [Там же, с. 201] с одинаковым значением «о туго, очень медленно соображающем, воспринимающем сказанное человеке. Ср. **жираф**» [Там же, с. 89]. Синонимичность зоонимов отражена и в примерах из художественной литературы. См. пример: Он был тощ, как жердь, *сутуловат и весь в рыжих пятнах*, точно жираф [М.П. Лоскутов. Волшебная палочка (1936)]. Признаки «рыжий» и «сутулый» выделяются и у зоонима *верблюд* при обозначении человека.

Зооним *лось* не содержит в дефиниции переносного значения. В современной речевой практике в значении слова актуализируются такие признаки, приписываемые человеку, как «здоровый» в значении «крепкого сложения, большой, сильный, могучий (о живых существах)» [5, с. 361] и «переть» в значении «идти, двигаться, не считаясь с препятствиями» [5, с. 820]. См. примеры: И нелепо думать, что этот мужик, отец четырех детей, здоровый, как лось, и неутомимый, как пилорама, не понимал, зачем он уходит обратно в тундру — во времена до истории, в свободу до конституций [В. Голованов. Ненцы идут // «Столица», 1997.05.13]; — Ты здоров, как лось, но надо же хоть что-нибудь да соображать! [К. Воробьев. Вот пришел великан (1971)]; Помчалась к солнцу и сожгла крылья. Твой народ — несмышленный лось. Думает, что мчится к счастью, а впереди — пропасть [В. Бурлак. Хранители древних тайн (2001)]; Он шел напролом, как лось, сквозь осеннюю рощу [А. Битов. Фотография Пушкина (1980-1990)].

Значение «идти, двигаться, не считаясь с препятствиями» [5, с. 820] связан причинно-следственными связями со значением «здоровый» в значении

«крепкого сложения, большой, сильный, могучий (о живых существах)» [Там же, с. 361]: сильный, могучий, поэтому может идти вперед, не считаясь с препятствиями, ломиться куда-то.

Таким образом, словарная статья к зоониму *лось* может быть дополнена вторым, переносным, значением «о человеке крепкого сложения, большим, сильным, могучем».

Заключение

Анализ тематической группы «Млекопитающие копытные, дикие», включающей в себя обозначения следующих животных: *бегемот/гиппопотам, верблюд, жираф, зебра, зубр, кабан, лось, слон, слониха*, позволил выявить проблемы лексикографирования зоонимов современного русского языка и пути их решения с позиций антропоцентрического подхода.

Как известно, антропоцентрический подход к анализу языка основан на выявлении значимых для человека объекта и/или его признаков. Специфика процесса такого выявления, как и самих выявленных признаков, зависит от тематической группы лексики.

Так, для материальных объектов, например ландшафта, обозначение того или иного рельефа зависит в бóльшей степени от хозяйственной деятельности человека, чем от специфики рельефа (эта мысль на примере кильдинского саамского языка развита О.Н. Иванищевой [9, с. 90-100]). По отношению к анализируемому материалу антропоцентрический подход означает выделение в семантической структуре зоонимической лексики таких антропологических признаков, которые актуализируют важные для обозначения человека и с точки зрения носителя языка особенности внешнего вида и поведения животного.

Настоящее исследование выявило, в чем состоят недостатки словарного описания зоонимов современного русского языка и какие антропологические признаки реалии (животного) являются важными для их представления в словаре при обозначении человека.

Так, недостатками словарной презентации зоонимов данной тематической группы «Млекопитающие копытные, дикие» являются следующие факты.

Во-первых, неупорядочено выделение антропологического значения в качестве второго значения или в качестве созначения к основному. В лексемах *бегемот, зубр, слон* антропологические признаки представлены как второе значение (за арабской цифрой), а в словарной статье к зоониму *кабан* антропологический признак обозначен как созначение (за графическим знаком

//). Во-вторых, отмечено отсутствие фиксации антропологического признака зоонима в словарной статье к словам *лось, жираф, верблюд*. В-третьих, обнаружена неполная фиксация актуального антропологического значения (*слон*) или фиксация неактуального антропологического значения (*кабан, слон, верблюд*) в словарных дефинициях и/или фразеологических выражениях с зоонимом.

При анализе современного речевого употребления зоонимов тематической группы «Млекопитающие копытные, дикие» выявлены как антропологические, так и антропоморфные признаки реалии. В отличие от первых вторые, по нашему мнению, не должны быть представлены в словарных дефинициях при толковании значения. Они могут (и должны) быть присутствовать в иллюстративной части (фразеологические выражения, примеры из современной речевой практики).

Анализ языкового и речевого употребления зоонимов исследуемой группы позволил дать рекомендации по совершенствованию содержания словарных статей. Эти рекомендации можно представить двумя направлениями: уточнить лексический состав словарной дефиниции (например, формулировку к зоониму *бегемот* «о большом, толстом и неповоротливом человеке» следует предпочесть формулировке «о крупном, полном, неуклюжем человеке») и добавить в качестве второго значения антропологический признак.

Кроме того, отмечено, что лексемы тематической группы «Млекопитающие копытные, дикие», кроме зоонима *зебра*, имеют общий антропологический признак «огромный». Сходство человека и животного, следовательно, в данной тематической группе актуализируется по критерию «внешний вид» в большей степени, чем по критерию «поведение». Это наблюдение противоречит выводам некоторых исследователей, которые утверждают, что поводом для сравнения человека с кем-либо из животного мира чаще всего является именно поведение человека [3, с. 125].

Список литературы

1. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3. — С. 15-26.
2. Апресян Ю.Д. Лексикографическая концепция нового Большого англо-русского словаря // Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Под

общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой; 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, — 1999. — Т. I. — С. 6-17.

3. Белицына Я.Л. Теория и практика комплексного лингвистического словаря (на материале наименований животных в русском языке): дис....канд. филол. наук. Северодвинск, — 2000. — 304 с.

4. Берков В.П. Двухязычная лексикография: Учебник; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Астрель: АСТ : Транзиткнига, — 2004. — 236 с.

5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, — 2000. — 1536 с.

6. Гак В.Г. Двухязычный словарь активного типа // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: Сборник статей. М.: ИРЯ РАН, — 1995. — С. 53-62.

7. Дудкина В.Г. Дефиниционный словарь: лексика и идиоматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, — 2010. — 25 с.

8. Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры в двухязычном словаре: дис.... докт. филол. наук. СПб., — 2005. — 410 с.

9. Иванищева О.Н. Лексикология и лексикография языка коренного малочисленного народа Севера: Кильдинский саамский язык: монография. М.: РУСАЙНС, — 2020. — 246 с.

10. Каламбет Е.В. Проявления антропоцентризма в современной отечественной лексикографии (на материале лингвистических словарей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, — 2007. — 24 с.

11. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь [Электронный ресурс]. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, — 2017. — 283 с.

12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», — 2008. — 800 с.

13. Мэтякубов Д. Сопоставительный анализ как способ выявления лингвистического изоморфизма (на примере анализа зоонимов) // Бюллетень науки и практики. — 2020. — Т. 6. — № 5. — С. 540-543.

14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: информ.-справ. система. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 08.09.2020).

15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, — 1999. — 944 с.

16. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б.А. Серебрянников [и др.]. М. : Наука, — 1988. — 216 с.
17. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 09.09.2020).
18. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Ин-т рус. яз., — 2002. — 807 с.
19. Словарь русского языка: в 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, — 1981. — Т.1 А-Й. — 1981. — 698 с.; — Т.2 — К-О. — 1982. — 736 с.; — Т.4 — С-Я. — 1984. — 794 с.
20. Соколова А.Г. Лексикографическая дефиниция как предмет лингвистического описания: автореф. дис.... канд. филол. наук. Архангельск, — 2011. — 24 с.
21. Тельпов Р.Е. Особенности толкования названий животных, упоминаемых в Библии, в Словаре Академии Российской // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 2 (69). — С. 654-657.
22. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. ООО «Буколика», РОО «РООССА», — 2008. — 1248 с.
23. Хукаленко Ю.С. Лингвистический анализ акциональных глаголов семантического поля «действия животных» в научных статьях по биологии // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2015. — Т. 25. — Вып. 5. — С. 26-32.
24. Чанышева З.З., Асабин Р.К. Сопоставительный анализ лексикографической интерпретации коннотаций зоонимов с антропологической семантикой // Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т. 14. — № 4. — С. 1458-1460.
25. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. — 2002. — Т. 1. — С. 54-91.
26. Юрков Е.Е. Метафора лингвокультурного кода «Животные» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2012. — № 1-2. — С. 431-438.

ГЛАВА IV

УДК 881.554

ЯКУТИЗМЫ В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Курилова Самона Николаевна

к.филол.н., с.н.с.

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН

Аннотация: Благодаря исследованиям последних лет в языке тундровых юкагиров, проживающих в бассейне Нижней Колымы Республики Саха (Якутия), выявлено более 900 лексем из русского, тунгусских, якутского, чукотского и корякских языков, поддающихся идентификации. В статье впервые представлено полное описание якутских лексических переносов, их состав, тематическая классификация и особенности освоения. Особое внимание уделено выявлению функций якутизмов и установлению их статуса в юкагирском языке.

Ключевые слова: язык тундровых юкагиров, якутский язык, русский язык, лексический перенос, классификация, освоение, функции.

YAKUT WORDS IN TUNDRA YUKAGHIR

Kurilova Samona Nikolaevna

Abstract: The recent research in Tundra Yukaghir spoken in Lower Kolyma River of Sakha Republic (Yakutia) has allowed to identify more than 900 words transferred from Russian, Tungus, Yakut, Chukchee and Koryak languages. The paper is the first full description of the Yakut lexical transfers in Tundra Yukaghir, their composition, thematic classification and assimilation features. The functions and status of the Yakut transfers are also emphasized.

Key words: Tundra Yukaghir, Yakut, Russian, lexical transfer, classification, assimilation, functions.

1. Юкагирско-якутские контакты

Якуты (самоназвание современное *саха*, устаревшее *ураанхай*) относятся к тюркским народам. Язык, на котором они говорят, относится к тюркским языкам. По общему предположению якуты не являются коренным населением северо-востока Сибири, а мигрантами с юга. На это указывают принадлежность якутского языка к тюркской группе языков и их скотоводческий образ жизни. Археологи считают, что предками якутов являются курыкане, о которых известно из китайских хроник и археологических находок на берегах озера Байкал в южной Сибири, и чья культура датируется 6-10 веками н.э. [28, р. 497]. В VIII-XIII вв. предки якутов мигрировали несколькими волнами из области Байкала в бассейн рек Лена, Алдан и Вилуй. В этих местах они смешались с местными тунгусо-язычными племенами, и к концу XVI в. этнос окончательно сформировался.

С приходом в первой половине XVII в. якутов в верхнюю часть бассейна Индигирки на северо-востоке Сибири начался новый этап контактов юкагиров. Большая группа якутов обосновалась в верховьях р. Яна, потеснив местные юкагирские роды (яндагирцев, омоловцев и хромовцев) [19, с. 14]. Во второй половине XVII в. юкагирское население на нижней Яне сначала подверглось ассимиляции со стороны ламутов, пришедших с острогов Верхоянского хребта [24, с. 36], а затем вторичной ассимиляции якутами на западе от Яны и переняли якутский язык и скотоводство [9, с. 45, 90].

В лесотундре якуты разводили рогатый скот и лошадей. Лошади в то время для юкагиров были в диковинку. Они стали называть лошадь не якутским словом *ат*, а юкагирским словосочетанием *йоходилэ*, т.е. букв. «якутский олень». Г.Н. Курилов считает, что якутизмы в тундровом юкагирском языке относятся, прежде всего, к терминам коневодства и животноводства [11, с. 213-214]. Проникли также некоторые названия молочных продуктов, которые готовят якуты из коровьего молока. Они считались особым лакомством у юкагиров [9, с. 64].

В тундре у Олеренских озер обосновались семьи якутов-рыболовов. Юкагиры приобретали у якутов путем обмена рыболовные снасти – сети из конского волоса или привозных ниток, а также охотничьи ножи и топоры [9, с. 186; 19, с. 31, 63, 118]. Древние же юкагиры пользовались для ловли рыбы своего рода неводом из ивы или перегораживали реку запрудой и устанавливали ловушки для рыб. [9, с. 539].

Отдельные хозяйства якутов обзавелись ездовыми оленями подобно соседям юкагирам. На лето они отдавали их юкагирам на выпас в обмен на конские шкуры или волос [19, с. 31]. Также якуты в Устьянском зимовье переняли у юкагиров собачьи упряжки [9, с. 331].

В XVII в. юкагиры заимствовали у якутов обработку металлов, которая носила у первых примитивный характер [6, с. 44]. Так, по мнению некоторых исследователей, оформление юкагирской шаманской одежды металлическими и медными деталями-подвесками свидетельствует об очевидном якутском влиянии. Хотя юкагиры и придают некоторым фигурам из металла и меди свой особый смысл [9, с. 244, 247, 251].

Со второй половины XVIII в. у юкагиров стал распространяться деревянный сруб, т.н. «якутский дом» [6, с. 42]. В юкагирский язык вошли якутские слова, обозначающие различные строения и постройки [11, с. 214].

Со второй половины XVII в. – первая половина XVIII в. усиливается заселение исконных территорий юкагирских родов якутскими пришельцами. К концу XIX в. якуты численно превосходили юкагиров, которые сначала научились понимать их, а потом и сами заговорили по-якутски [24, с. 37, 132]. Так, в верхнем течении р. Алазея среди местного населения преобладало якутское. Жившие с якутами в непосредственном соседстве юкагиры Омолойского рода наиболее всего сблизилась к якутскому образу жизни и говорили только на якутском языке [9, с. 92]. Распространялись смешанные браки [19, с. 31]. Вступив в контакт с юкагирами, северные якуты, у которых долгое время существовала экзогамия, возобновили древний эндогамный обычай [9, с. 146].

В начале XX в. стало распространяться двуязычие и многоязычие. Юкагиры могли говорить не только на титульном языке, но и на языках своих соседей. В 1950-х гг. якутский язык успешно конкурирует с русским как интернациональным [5, с. 30, 51]. В п. Андрюшкино Нижнеколымского района ЯАССР, расположенном на среднем течении р. Алазея и в котором сосредоточились тундровые юкагиры, а также эвены, якуты и русские, общим языком для всех жителей был якутский. К 1987 г. все население владело якутским языком, и только среди молодежи уступает русскому. Укрепившиеся позиции якутского языка можно объяснить историей школьного преподавания. С 1941 г. жители Андрюшкино учились в школе в п. Хартала, где преподавание всех предметов шло на якутском языке. В течение последующих десятилетий

якутский язык то оставался как предмет преподавания (уроки якутского языка и якутской литературы), то его отменяли, то снова возвращали как предмет. В 80-х гг. уроки ведутся на русском, тем не менее, внеклассным языком общения у молодежи остается якутский. В детском саду работают няни-якутки, поэтому и дети общаются между собой на якутском [там же: 144-145, 150, 152].

С 1990-х гг. и по настоящее время северные юкагиры переходят на якутский, а также русский в упрощенном, «креолизированном» варианте [там же: 178].

Несомненно, имел место поток реалий, которые были в новинку для юкагиров в контактный период – термины коневодства и животноводства, слова, обозначающие предметы быта и различные постройки и т.п. Возникла необходимость заполнения лексического вакуума, для чего юкагиры обращались к словарю параллельной для юкагиров-билингвов и полилингвов якутской лексической системы. Поэтому основными причинами лексических переносов в юкагирскую речь можно назвать культурные, вызванные знакомством юкагиров тундры со скотоводством и коневодством и образом жизни якутов в целом. Помимо лексем бытового назначения имеется небольшое количество слов, указывающие на общественно-социальные перемены в жизни юкагиры тундры. Рассмотрим эти лексические единицы, перенесенные из якутского языка, более систематизировано.

2. Тематические группы якутизмов

Нами выделено 18 тематических групп, в которые входят прямые и опосредованные лексические переносы из языка-источника – «Мера времени», «Общество и политика», «Административно-территориальные единицы», «Животноводство», «Религия», «Постройки, сооружения и их части», «Статус и профессиональная деятельность», «Орудия промысла», «Фауна», «Гардероб», «Кухня», «Имя прилагательное», «Глагол», «Наречие», «Модальное слово», «Частица», «Междометие» и «Разное». Выделенные группы также включают лексические единицы с учетом их принадлежности к различным частям речи, но основной состав тематических групп в целом составляют субстантивы.

2.1. Прямые якутизмы

Мера времени. Группа представлена семи названиями месяцев. Названия остальных месяцев в юкагирском языке встречаются в виде прямых русизмов (*авгус* ‘август’, *июль*, *ма(а)й* ‘май’, *маарт*, *марта* ‘март’, *октябрь*, *сентябрь*).

Ахсинньи ‘декабрь’ < як. ахсынјы, ахсинньы ‘восьмой месяц декабрь, восьмая луна, декабрь-январь; февраль’ [20, с. 207; 23, с. 53; 8, с. 73]. Напр.: *Ахсинньиба хадьир чайлэ мэ монмибайнуни*. ‘В декабре день укорачивается’ [14, с. 254]

Бэс ыйа ‘июнь’ < як. бэс ыйа ‘месяц сосны (июнь); месяц заготовки сосновой заболони’ [20, с. 444; 23, с. 100; 8, с. 72]. Напр.: *Бэс ыйа йуобайнудаба, илэнг ин савараанудаба, пугучэги мэ моннаачий*. ‘Когда кончается июнь, когда у оленей только появляется шерсть, шерсть у них короткая’ [14, с. 134]

Кулун тутар ‘март’ < як. кулун тутар ‘март, месяц подкармливания жеребят’ [20, с. 1210; 23, с. 187; 8, с. 74]. Напр.: *Кулун тутарба чавйуолэр ат амуольэнь*. ‘Если бы обрезали в марте, наверное, было бы хорошо’ [14, с. 532]

Муус устар ‘апрель’ < як. муус устар ‘апрель-май, месяц тания льда, ледоходный месяц’ [21, с. 1640; 23, с. 246; 8, с. 74]. Напр.: *Муус устар кунильисчэ чайлэдабат вадун личуоркэ мэдьуолнаануни*. ‘С десятого апреля важенка юкагирской породы начинает телиться’ [14, с. 274]

Олунньу ‘февраль’ < як. олунју, олунньу ‘десятый месяц февраль’ [21, с. 1830, 23, с. 271]. Напр.: “*Хандьэмэба*” – *сэтинньи вальбарэги, ахсинньи, тохсунньу, тадаат олунньу кэйэбэги сэвнунул*. ‘К зимним месяцам относятся половина ноября, декабря, январь, потом начало февраля’ [14, с. 177]

Сэтинньи ‘ноябрь’ < як. сэтинји, сэт(т)инньи ‘седьмой месяц ноябрь’ [21, с. 2181; 23, с. 369; 8, с. 73]. Напр.: см. *олунньу*.

Тохсунньу ‘январь’ < як. тохсунју, тохсунньу ‘девятый месяц январь’ [22, с. 2755; 23, с. 393; 8, с. 73]. Напр.: *Тохсунньу 26 чайлэбат лалимэ поморэйтэй (чундидьэ) – тангун кизийэ сукун ах хадьуур чундидьэлэ эримэ мэ мойм*. ‘С 26 января полозья нарты начнут скользить хорошо. До этого снег придерживал полозья из-за чрезмерного холода’ [14, с. 380]

У тундровых юкагиров существуют свои лексемы для обозначения годовых отрезков времени в зависимости от изменений и условий погоды, окружающей среды, и имеют они более детальное и содержательное деление. Так, например, время, соответствующее русскому месяцу «июль», называется в юкагирском *йандэн кэриэнубэ киндьэ* ‘месяц линьки гусей’, «начало июля» – *кичиэн курэлэйнубэ* ‘время обильного появления комаров’, «октябрь» – *йарха воромуйуол киндьэ* ‘месяц, когда крепчает лед и ездят на упряжках’ или *пугуолэл лавйэмэ* ‘теплое предзимье’, «август» – *лукул йоссорул киндьэ* ‘месяц, когда начинает промерзать земля’, «сентябрь» – *йархэ чаахасул киндьэ* ‘месяц появления льда’, «май» – *йандэн кэлуунубэ киндьэ* ‘месяц прилета гусей’ и т.п.

Данные якутизмы, несмотря на статус окказионализма по причине их единичных случаев употребления в речи юкагиров и ограниченности источником одного автора (Юкагирско-русский словарь, 2001), включаются в синонимический ряд наряду с прямыми русизмами:

як. *ахсинньи* ‘восьмой месяц декабрь’ = юк. *тиваџаачиил* ‘месяц с самым коротким световым днем’, *льукудьайлэмэ* ‘время (пора) самого короткого светового дня (букв. маленький день)’;

як. *олунньу* ‘десятый месяц февраль’ = юк. *чайлэн чичигэйнубэ киндье* ‘месяц удлинения света дня’;

як. *сэтинньи* ‘седьмой месяц ноябрь’ = юк. *лауһэмэ* ‘подзняя осень (вторая половина октября, первая половина ноября)’;

як. *тохсунньу* ‘девятый месяц январь’ = юк. *йэриэйэдьуо экуол* ‘время появления солнечного диска (начало января)’;

як. *кулун тутар* ‘март, месяц подкармливания жеребят’ = юк. *хойл нимэ киндье* ‘месяц дома Хойла (Божества)’ = рус. *благовещение киндье* ‘месяц благовещения’ = рус. *маарт, марта* ‘март’;

як. *муус устар* ‘апрель, месяц таяния льда’ = юк. *йэулидьэн киндье* ‘месяц рождения оленят’ = рус. *апрель* ‘апрель’.

Общество и политика. Данный якутизм можно отнести к тематической подгруппе общественно-политических мероприятий.

Мунньах ‘собрание; обсуждение’ [26, р. 102] < як. *мунјах, мунньах* ‘собрание, сбор, совет, сход; заседание’ [21, с. 1622; 23, с. 244]. Напр.: *Тан мунньах лайаат мэтханэ ваай, акаа Йэгуорџанэ ваай, дьаамгинь Тимиргинь пөчэсэйна.* ‘После собрания нас тоже, брата Егора тоже направили (на работу ямщиком) в Ям, (в местность) Тимир’ [12, с. 212]

Административно-территориальные единицы. Обнаружен один якутизм для обозначения границ территории.

Улуус ‘улус’ < як. *улуус* ‘улус’ (уст. административная единица в Якутии до районирования – обширный родовой союз; волость; общество) [22, с. 3006; 23, с. 434]. Напр.: *Улуус энмут ньиэнунга, дьокутаатлэ.* ‘Вызывали из каждого улуса депутатов’ [14, с. 324]

Животноводство. С появлением рогатого скота и лошадей, выпасаемых якутами в лесотундре, и перенятием данного типа хозяйствования в языке тундровых юкагиров возникали соответствующие термины, связанные со скотоводством и коневодством.

Сулар ‘уздечка’ [11, с. 213; 27, р. 419] < як. сулар ‘недоуздок, повод’ [21, с. 2328; 23, с. 341]. Напр.: *Суларги ондэмлэ*. ‘Надел уздечку на коня’ [14, с. 448]

Сэргэ ‘коновязь’ [11, с. 213] < як. сэргэ ‘коновязь, коновязный столб’ [21, с. 2171; 23, с. 368]. Напр.: *Тудэ йоходилэбанэ сэргэба иириэльэлум*. ‘Своего коня привязал, оказывается, на коновязи’ [14, с. 88]

Төргии ‘торока’ [14, с. 472; 11, с. 213; 27, р. 436] < як. төргүү ‘торока, ремешки позади седла для пристежки; задняя лука седла’ [22, с. 2776; 23, с. 395]. Напр.: *Пулийэ Христофор титтэ лайаа аньмиэрэнг кэчинга йоходилэ төргии бурэ*. ‘Дядя Христофор, посадив верхом позади себя, на тороке привез’ [14, с. 49]

Религия. Якутская культура оказала влияние на религиозные практики юкагирских шаманов – поэтическую форму камлания и названия божеств, к которым они взывают. Так, в одном из камланий, записанных В.И. Иохельсоном, помимо обращения к Хозяевам трав и деревьев, моря и океана, упоминается *Ньавайэ Айи* ‘Светлый творец’, являющийся якутским божеством Юрюн-айыы [9, с. 286-287]. По названию понятно, что Светлый творец относится юкагирами к благодетельным божествам.

Айи ‘творец; небо как доброе божество’ < як. айыы ‘доброе начало; доброе божество, добрый дух’ [20, с. 47; 23, с. 35]. Напр.: *Ньавайэ Айи хайчиэ, чомбоголэк!* ‘Светлый Творец дедушка, помоги (букв. помощью ты являешься)’ [9, с. 286]; *Арэй айин мархиль нгольэнь*. ‘Оказалась (она) дочерью неба’ [26, р. 65]

Постройки, сооружения и их части. Группа включает восемь якутизмов.

Аранас ‘лабаз’ [11, с. 214] < як. аранас ‘лабаз, кладовая на столбах; уст. могильный лабаз (на дереве)’ [20, с. 133; 23, с. 45]. Напр.: *Тиндаанэ көдэлэ waдулпэ, сааги ииэрэлэк, аранас нурэ кудэрэллэк, поньинунна*. ‘В прежние времена, сделав гроб, юкагиры клали (умершего) на лабаз, (так) оставляли’ [13, с. 454-455]

Балабан ‘балаган’ < як. балабан ‘юрта; изба, жилище, дом’ (якутский дом, построенный в виде усеченной пирамиды из тонких наклонно поставленных бревен) [20, с. 347; 23, с. 60]. Напр.: *Тэн чуольэ йохон нимэк-балабанлэн*. ‘Это старинная якутская изба-балаган’ [3, с. 15]

Куриэдауур ‘остов-тренога (яранги)’ [14, с. 173; 27, р. 229] + юк. пр.-род. -д + юк. ауур ‘сума, мешок,местилище; коробка, футляр, ящик; люлька, колыбель; нора; посуда (о бутылке из-под спиртных напитков)’ < як. күрүө

‘изгородь, ограда, забор; огороженное место; загон; уст. сенокосное угодье; сенокосный участок’ [23, с. 201; см. также 2, с. 321]. Напр.: *Куриэдавур нимэдайньэн – маархалльэк*. ‘Куриэдавур с основным остовом (яранги) – одно и то же’ [14, с. 173]

Куульэ, күүлэ ‘сени, вход в ярангу’ [17, с. 22; 14, с. 169; 11, с. 214; 27, р. 226] < як. күүлэ ‘сени, крытый ход в помещение (в якутском доме)’ [4, с. 572; 23, с. 202]. Напр.: *Ауйаа ауйааҕандэ кэлүйэн, күүлэбэ сэуэйэн*. ‘Вчера вечером прихожу, вошел в сени’ [25, р. 112-113]

Туннук ‘окно’ [30, р. 42] < як. түннүк ‘окно, окошко’ [22, с. 2894; 23, с. 412]. Напр.: *Авурги мэт туннук пурэ льэй...* ‘Гнездо (птички) на моем окне лежит...’ [15, с. 32]

Урасаа ‘конусообразное жилище из наклонно поставленных жердей, обтянутых ровдужным покрывалом или обложенных мхом’ [14, с. 488; 26, р. 111; 27, р. 445] < як. ураһа, ураса ‘старинное летнее жилище якутов в виде высокого конического шалаша из наклонно поставленных длинных жердей, плотно обтянутых оленьими шкурами или обложенных берестой, древесной корой’ [22, с. 3062; 23, с. 441]. Напр.: *Льуку урасааҕанэн мааруол льэй*. ‘И в маленькой урасе бывает счастье’ [16, с. 50]

Хос ‘комната’ [27, р. 388] < як. хос ‘комната; комнатный’ [22, с. 3520; 23, с. 502]. Напр.: Напр.: *Угунэгэнэ, тунг ньидьэрпэй нимэҕат маархан хостиэ мэдьилҕа ат амуч*. ‘Да, кстати, хорошо бы было, если бы ты получил одну комнатку в новом доме’ [14, с. 483]

Хотон ‘хотон’ < як. хотон ‘хлев, коровник’ [22, с. 3531; 23, с. 503]. Напр.: *Монги, субуотньик чии йаһнэр хотонгинь ууһи, тадаа чаҕадыаачэһи*. ‘Говорят, все участники субботника пошли в хлев, туда пошли работать’ [14, с. 534]

Статус и профессиональная деятельность. Данная тематическая группа включает одну единицу якутского происхождения.

Солбуйааччи ‘заместитель’ < як. солбуйааччы ‘заместитель’ [4, с. 177]. Напр.: *Танниги тудэл, Дьячков, правление солбуйааччиги нолдэн, эуриэнуй, кораль өгэтэйуол морау ньиэдьинур, стадопэҕан эуриэнуй*. ‘Тогда он, Дьячков, заместителем правления колхоза работал и ездил, чтобы обговорить о будущем корале-загоне’ [25, р. 80-81]

Орудия промысла. Отмечен один якутизм, относящийся к рыболовству.

Итимаах, итамах ‘прогонный шест для установки сети в зимнее время подо льдом’ [14, с. 100; 11, с. 214, 256; 12, с. 24-25; 27, р. 462] < як. үтүмэх

‘длинная прогонная жердь, шест, используемая при подледном рыболовстве’ [22, с. 3197; 23, с. 459]. Напр.: *Сэмиэн саабандьэлэ вэлыимэлэ, итамахлэ тудиэмэлэ, тан мэт – Даша*. ‘Семен сеть несет и шест, которым сеть толкаем в воду, тащит, а я – Дашу на руках’ [25, р. 84-85]

Фауна. Выявлены названия животных и рыб, встречаемые в единичных случаях в речи тундровых юкагиров.

(а) Животные

Кыыл ‘зверь’ < як. кыыл ‘зверь; дикое животное’ [20, с. 419; 23, с. 215]. Напр.: *Добоор, кыылтэгэлэн йуомэн, пуньмэн!* ‘Друг, зверюгу большую видел, добыл!’ [25, р. 134-135]

(б) Рыбы

Оруу ‘мелкая рыба’ [14, с. 349; 27, р. 338] < як. диал. оруу ‘мелкая рыба семейства лососевых’ [23, с. 279]. Напр.: *Оруулэ иньуори ньумдиир элэрчина*. ‘Аж целиком проглатывают оруу’ [14, с. 349]

Собо ‘карась’ < як. собо ‘карась; карасевый, карасий, карасиный’ [23, с. 329]. Напр.: *Тун «собо» годьэ альбанэги анаан амунньэй, умуйэльэбатэн хаалич амунги*. ‘Эта их рыба по имени «карась» очень костистая (есть), пострашнее даже, чем у щуки’ [14, с. 42]

Гардероб. Группа включает один якутизм, обнаруженный в юкагирском фольклоре.

Саарии ‘сары; прочная водонепроницаемая кожа, идущая на изготовление обуви’ [11, с. 214; 27, с. 398] < як. саары ‘непромокаемая черненная обувь из кожи, снятой с конского крупа, с мягкой подошвой из коровьей или бычьей кожи; торбаса из сары (особым образом выделанная кожа, снятая с конского крупа и идущая на изготовление обуви)’ [21, с. 2111; 23, с. 306; 2, с. 530]. Напр.: *Тит лукунбурэбэба кин гөдэк валуотэл. Маархалльэ саскарииньэй, маархалльэ саарииньэй*. ‘Над вашей землей будут висеть два человека. Один – в щетках, другой – в сарах’ [13, с. 444-445]

Кухня. В подгруппу входят наименования утвари и блюд. Название блюда *хайах*, скорее всего, относится к дореволюционному периоду, поскольку еще В.И. Иохельсон описывал отношение лесных юкагиров к продуктам питания русских и якутов, и его влияние на деторождение [9, с. 64, 151]. Однако, данный якутизм в речи обнаруживается лишь в корпусах нашего времени.

(а) бытовая утварь:

Oh(y)ox ‘печь; очаг; камелек’ [11, с. 214] < як. ohoх ‘камин, камелек; печь’ [4, с. 421; 23, с. 279]. Напр.: *Иидиэ оһуох киэийэ саҕанэй*. ‘Ииде (зд. тетя, жена старшего брата) перед печкой сидит’ [25, р. 108-109]; *Эһийэ оһохлэ эндиэнүдэбэ мэ халдэчэн!* ‘Когда мама разжигала печь, я убежал (на улицу)’ [15, с. 49]

(б) кухонная утварь:

Олҕии ‘большой котел’ [14, с. 337; 30, р. 21, 81] < як. алгый, олгу(у)й ‘громаднейших размеров котел, котлище, большой котел’ [20, с. 76; 21, с. 1815; 23, с. 269]. Напр.: *Чамуодьэ олҕиинэба ньаньирэ лолбасна*. ‘В огромных котлах варили жир’ [14, с. 337]

(в) блюда:

Суорат ‘сорат’ [11, с. 214] < як. суорат ‘сорат’ (заквашенное кипяченое молоко) [21, с. 2347; 23, с. 343]. Напр.: *Тун суорат амутнэн валдьич*. ‘Этот сорат очень кислый (есть)’ [14, с. 62]

Ханьах, хайах, хайак ‘ханях, хайях, хаяк’ [11, с. 213] < як. хайах ‘каяк’ (сливочное масло, сбитое с теплым молоком и замороженное) [22, с. 3245; 23, с. 474]. Напр.: *Омукчуур митинь лаамалэк тудэһиибэ хайак, чохон, сукунэ хадьир кэчиинунум*. ‘Омукчур нам, на поклаже хайях, чохон, ткани всякие привозил’ [25, р. 244-245]

Имя прилагательное. Зарегистрировано восемь якутизмов из класса имен прилагательных, шесть из которых употребляются в составе прозвищ-имен людей мужского пола. Такие имена-прозвища были довольно распространены некогда у якутов, и им было характерно наличие в составе слов (прилагательных и существительных), указывающих на достоинства людей и отражающих действительное положение вещей (напр., особенности физиологии, характера, поведения) [7, с. 156, 164]. Подобные имена-прозвища вошли в язык юкагиров, как правило, целиком, вместе с русским именем, также вошедшие в язык-реципиент из якутского языка и имеющий соответствующую фонетическую обработку.

Алдьаас ‘выживший из ума’ < як. диал. алдьаас ‘впавший в детство, выживший из ума (от старости)’ [23, с. 38]. Напр.: *Тидэн лаамэткэ мэр эдьи? – Мэр аҕараануй, анмолбинь алдьаас нолаальэнь*. ‘Та огромная собака жива? – Дышит, совсем из ума выжила’ [14, с. 26]

Бастин, бастын ‘лучший’ (часть прозвища) < як. бастын ‘первый, главный, лучший, самый лучший, первосортный; первенец; передовой’ [20, с.

395; 23, с. 65-66]. Напр.: *Мэт эвдьюо индьиэнурэнг йахтэлги мөринуунг «Бастын Маарийэ»*. ‘Я слышал, как моя тетя, занимаясь шитьем, пела «Лучшая Мария»’ [14, с. 96]

Буччу ‘буччу’ (часть прозвища) < як. бүкчүм, бүччүм, бүтчүм ‘тихий, спокойный, укротный; небольших, скромных размеров (место)’ [20, с. 583, 598; 23, с. 90]. Напр.: *Буччу Уйбаан лукунбурэбэ*. ‘Местность, где живет Буччу Иван’ [25, р. 222-223]

Дохсун ‘дерзкий’ < як. дохсун ‘дерзкий, наглый, буйный, пылкий; нахальный; стремительный’ [20, с. 739; 23, с. 117]. Напр.: *Мэт льиэ дохсун нолэр кэвэчэнг*. ‘Я-то еду из-за своей дерзости (попавшись)’ [14, с. 253]

Таллы ‘талли’ (часть прозвища) < як. талыы ‘отборный; лучший’ [22, с. 2542; 23, с. 373]. Напр.: *Таллы Уйбаан хаудьидиэ Миичээ акаагинь уо*. ‘Хаудиде (двоюродный, троюродный младший брат сына) Мичэ, отец Ильи Татаева и Насти, (есть) сын старшего брата Талли Ивана’ [25, р. 258-259]

Уордаах ‘ордах’ (часть прозвища) < як. уордаах ‘грозный, суровый; гневный; сердитый, злой, лютый, неистовый, разъяренный; горячий, вспыльчивый’ [22, с. 3045; 23, с. 439]. Напр.: *Клепечин Михаил Петрович амааги – эуйэ вадулэн, Уордаах Уйбаан*. ‘Отец Клепечина Михаила Петровича – настоящий юкагир, Ордах Иван’ [25, с. 252-253]

Уһун ‘длинный’ (часть прозвища) < як. уһун ‘длинный; длина; долгий, продолжительный; долгота, продолжительность’ [23, с. 445]. Напр.: *Уһун Истирдуон апаналаа, чамийа Бадьи акааги, Эвэндэ көнмэ, тит этиэ: Лабунмэдэнуэ – Аласэй лангудэн ханаай*. ‘Длинного Спиридона жены, у чамийа (страшая сестра матери) Бади брата, Эвенди, жена – ваша эпее (нашего отца старшая сестра): откочевали с Лабунмэдэну в сторону Алазеи’ [25, р. 154-155]

Хара ‘черный’ (часть прозвища, топонима) < як. хара ‘черный; темный; смуглый’ [22, с. 3329; 23, с. 481]. Напр.: ...*Тандьии нимэк льэл. Хара Сэмиэн нимэбэ*. ‘...Торговый дом имелся. В доме Черного Семена’ [25, р. 68-69]; *Таннигинэ «Хара-Таалаба» албамлал / Чиик сабанэнул*. ‘В то время в Хара-Таале / Жило очень мало людей’ [29, р. 53, 68]

Глагол. В группе пять лексем якутского происхождения, два из которых в юкагирском языке перешли в класс наречий (*анаан, хайаайы*).

Анаан ‘очень, чрезмерно, слишком’ [11, с. 214; 26, р. 92; 27, р. 106] < як. анан ‘(пред)назначаться, (пред)определяться, предписываться; быть назначенным, определенным; выделенный’ [20, с. 102; 23, с. 41]. Напр.: *Арэй*

кин *вэгиньэй йоходилэньэй көдэк кэлуунул. Ичуодабанэ анаан тууньэй.* ‘И вот человек с двумя аргишами и лошадьми приехал. Видит, (его нарты) очень нагружены’ [26, р. 37]

Бадиwaа= ‘мешать, поднимая шум разговорами’ [14, с. 55; 27, р.116] < як. (иэдьи) баадьы ‘лезть с пустяками’ [20, с. 335]. Напр.: *Эл бадиwaальэлк.* ‘Не мешай’ [14, с. 55]

Батаа= ‘сдерживать, удерживать, притеснять’ [10, с. 250; 26, р. 92; 27, р. 116] < як. баттаа- ‘давить, нажимать; угнетать, притеснять; обижать’ [10, с. 404; 23, с. 67]. Напр.: *Таннигинэ энгэнэн чингичэлба сабанэйли. Тунньэн идьинэ монуолдэ, чамадалдэ-батталба сабанэйли.* ‘В то время совершенно (очень) в темноте жили. Так (это) теперь скажем, под гнетом царя (в царском давлении) жили’ [10, с. 259, 267]

Оһуохайдаа= < як. оһуохайдаа- ‘танцевать осохай (якутский национальный танец, сопровождающийся хоровым пением-импровизацией участников)’ [23, с. 280]. Напр.: *Оһуохайдаар чиһлэ йаһнуо валаанунум Экыадиэ.* ‘Всех танцующих якутский хороводный танец «осуохай» Экыадиэ увлекает, вдохновляет (хорошим исполнением зачина танца)’ [14, с. 62]

Хайаайы ‘вот так, таким образом’ < як. хайаа- ‘делать, поступать каким-либо образом’ [22, с. 3243; 23, с. 474]. Напр.: *Уттэлгэ, көдэ илэлэ хайаайы өрчуориэнутэм?! ‘До каких же пор человек будет покрикивать на оленей?!’* [14, с. 359].

Наречие. Группу наречий пополняют десять якутизмов. Наречие *мэлээ* встречается в юкагирской речи в определительной позиции в словосочетании. Также как и языке-доноре, слова *бысата* и *холобур* употребляются в юкагирском языке как вводные слова.

Алис, алыс ‘очень; необычайно’ < як. алыс, олус ‘чрезмерно, чрезвычайно, необыкновенно; очень, весьма, излишне, более того, чересчур, слишком, шибко’ [20, с. 88; 23, с. 271]. Напр.: *Алис хааличэ гөдэк.* ‘Необычайно сильный человек’ [13, с. 206-207]

Бысата ‘в общем’ < як. быһата ‘короче (говоря), (одним) словом’ [23, с. 95]. Напр.: *Йэриэйэ пулгэйнубэ лаабар? – Элэнь, вальбар. – Хуодэн, “вальбар”?.. – Чавлаабар? – Бысата чавлаабар.* ‘На стороне восхода солнца? – Нет, на противоположной стороне. – Как на противоположной стороне?.. – На севере? – Да, в общем, на севере’ [14, с. 64]

Мээлэ ‘просто так; кое-как; никчемный, неспособный, пустой’ < як. мээлэ, мээнэ ‘попусту, понапрасну, зря; очень, весьма’ [23, с. 249]. Напр.: *Мээлэ туутэйуолпэги чандэн лохнаануни, амутнэн туутэйуолпэги йануньэрэн хуудолнуни*. ‘То, что кое-как складывали, будет торчать туда-сюда, хорошо сложенное аккуратно будет лежать’ [14, с. 113]; *Тун көдэн эл мээлэ гөдэк! Хааличэ гөдэк көлльэлүл!* ‘Этот человек – не пустой человек! Сильный человек пришел, оказывается’ [13, с. 134-135]

Онуоха ‘ну тогда’ < як. онуоха ‘на (э)то; и, (а) тогда; тут’ [21, с. 1845; 23, с. 269, 273]. Напр.: *Онуоха, лэмкэмул ваҕаричтуок йоходилэнэ?!* ‘Ну тогда, с какой стати так (все время) будем направлять (гонять отбивающихся) лошадей?!’ [14, с. 220]

Оччоҕо ‘тогда, в таком случае’ < як. оччоҕо ‘тогда, в то время; оттуда, с того времени, с той поры; прежде; в таком случае’ [21, с. 1908; 23, с. 282]. Напр.: *Оччоҕо тэһи албан пугулэруотэй. Мэт тадаа пугулэрул мэ чантайрэн.* ‘Тогда пусть здесь будет нагрето. Я там не мог нагреть’ [14, с. 390]

Наар ‘всегда’ < як. наар ‘все время, постоянно; всегда; чрезмерно, слишком, чересчур’ [21, с. 1680; 23, с. 250]. Напр.: *Наар тируодьэ чиик Курулэу-пэлдудиэҕа чамбиинанунгул.* ‘Старику Курилэу помогали люди, у которых всего не хватало (зд. были бедными)’ [14, с. 372].

Пукатин, букатин, букатын ‘совершенно, совсем’ [27, р. 119] < як. букатын, бугатын ‘совсем, вовсе, совершенно’ [20, с. 538; 23, с. 80]. *Илэҕат мэ хусаҕач, уолэ мэ мэдьим: пукатин мэ йабалбуньиэльэнь, арууги эһльэ.* ‘Спрыгнул с оленя, взял мальчика взял: (тот) уже собрался помирать, голос у него пропал (зд. затих)’ [13, с. 126-127].

Синь ‘все равно, все-таки’ [11, с. 214; 12, с. 24, 27; 27, р. 406] < як. син ‘все равно, все одно; безразлично’ [21, с. 2229; 23, с. 324]. Напр.: *Лайэнэ мэр урайэн, синь мэр амач.* ‘После приучился, все(-таки) хорошо’ [10, с. 261, 269]

Хатэ ‘(уж) лучше; зато; хорошо, что; ну’ [11, с. 214; 12, с. 24, 27; 27, р. 381] < як. хата ‘лучше; наоборот, напротив’ [22, с. 3395; 23, с. 488]. Напр.: *Хатэ амутнэн ньиэдьийли. Нэмэһинь кэлүк?* ‘Лучше по-доброму поговорим. Зачем ты пришел?’ [13, с. 344-345]

Холобур ‘например’ < як. холобур ‘например’ [22, с. 3457; 23, с. 494]. Напр.: *Тэн саҕанэлэха, холобур, маархан көдэ мэ сунулэчлэм.* ‘Вот, например, кто-то один не любит, презирает нас, сидящих здесь’ [14, с. 98]

Модальное слово. Зафиксирован один якутизм.

Арэй, арай ‘(и) вдруг, (и) вот, оказывается, однажды’ [106 с. 271; 11, с. 214; 12, с. 24, 27; 26, р. 92; 27, р. 112] < як. арай ‘только, едва; а, и, вдруг, (и) вот’ [20, с. 129; 23, с. 44]. Напр.: *Тудэ кизэйиэ арэй ханынэнг эл йуольэммэлэ йаан казак тудэ ньяачинь абуолни.* ‘И вдруг три казака, которых он никогда раньше не видел, встали перед ним’ [26, р. 45, 81]; *Ииччиэ льэллэк арай маархан көдэк кэлүл.* ‘Спустя немалое время, прибыл один человек’ [13, с. 210-211]

Частица. Группа представлена двумя единицами.

Бэл ‘даже’ [27, р. 117] < як. бэл ‘(и, но) даже’ [20, с. 426; 23, с. 98]. Напр.: *Бэл сириҥ лахилги нондиирэнг ирэйуолдэ, лабабайнуни.* ‘Даже когда зашьешь непрочной заднюю сторону основания тордоха, развязывается (нитка)’ [14, с. 289]

Дьэ ‘ну’ [1, с. 183; 27, р. 148] < як. дьэ ‘наконец(-то); ну’ [20, с. 803; 23, с. 137]. Юкагиры чаще всего пользуются в разговорной речи исконной частицей *льиэ* ‘ну’. Напр.: *Дьэ, последньэй мит йоходилэпэ мэ лауйусэч!* ‘Ну, по последнему разуку наших лошадок гнали, дали запотеть!’ [25, р. 46-47].

Междометие. Выявлено три эмотивных первообразных междометия как результат переноса из якутского языка.

Оук-сиэ ‘о’ (удивление) [18, с. 41] < возм. як. ок-сиэ ‘о, ой, да ну’ (выражает удивление) [23, с. 268]. Напр.: *Оук-сиэ, элдэ тэт хадаат көдэйк тунньэ?* ‘О, ты откуда появился вдруг?’ [31]

Уру ‘о, эй’ (радость) [см. 27, р. 460] < як. уру(у)й, рууй ‘слава!’ (выражает радость, восторг, воодушевление) [22, с. 3070; 23, с. 442]. Напр.: *Уру! Угунэнг, пугэчэ альаайэнул титтэйлэк титтэ кэчинга!* ‘Эй! Как хорошо, что теплые печенки сами пришли!’ [26, с. 16, 69]

Хайриэн(ь) ‘о, как жаль!, какая жалость!’ (сожаление, досада) [14, с. 501; 12, с. 24-25; 27, р. 380] < як. хаарыан(ы), хаарыын ‘ох, как жаль!’ [22, с. 3370; 23, с. 468]. Напр.: *Хайриэнь! Элэмдэльэлк чууйнунг.* ‘О, как жаль! Зря берегу’ [14, с. 501]

Разное. Группу составляют якутизмы, включающие разные слова, которые не попадают под конкретную тематику вышеприведенных групп, из которых два в юкагирском языке перешли в категорию междометных слов как бранные слова (*акаарэл* и *саарынхы*).

Айдаан ‘драка; скандал’ [27, р. 98] < як. айдаан, айдаан ‘шум, крик, гомон, гвалт; скандал, дебош; суматоха, суета; паника’ [20, с. 36; 23, с. 34].

Напр.: *Танун суодэдэ нэмэн айдаан эвлэ.* ‘Кроме этого никаких недоразумений (драк) не было’ [14, с. 460]

Акаарэл ‘дурак’ [см. 27, р. 99] < як. акаары ‘дурак, глупец, недоумок, дуралей, идиот; глупый; глупость, дурость’ [20, с. 60; 23, с. 36]. Напр.: *Маархадьэн акаарэл уо тудэ амаань мони: «Мэт тэтинь чаманэн ньиэдылбудьэн».* ‘Однажды слабоумный ребенок говорит своему отцу: «Я очень хочу тебе (кое-что) рассказать»’ [13, с. 340-341]

Арахас ‘деревянная шест для укрепления, поддержания чего-либо’ [26, р. 92] < як. ураҕас ‘длинная палка, шест, жердь, прут, хлыст; шесты к палатке (урасе, тордоху); оглобля саней; загороди для промысла диких оленей’ [22, с. 3057; 23, с. 441]. Напр.: *Ворпэр маархан чамуодьэ йалҕил эҕалҕа чамуодьэ арахаслэ ҕиэмэлэ. Танун ойчэҕа саҕанэрэн ворпэринульэһум нэмэн кэлүлҕанэ чайлэн пулгэйл энмун, монур «тидэн кодэ мэ колтэй».* ‘Опасаясь (другого богатыря), он изготовил высокий шест на берегу большого озера. На вершине (этого шеста) сидя, каждый день высматривал всякого, кто приближается, говоря «тот человек придет»’ [26, р. 29, 75]

Арҕаа ‘запад’ < як. арҕаа ‘запад, западная сторона; западный; зад, задняя сторона, спина; тыл’ [20, с. 142; 23, с. 46]. Напр.: *Тан Маша арҕаа ланудэн пөчэсэйлбуньиэдаҕа, мэ ньингильтитиэни.* ‘Та Маша когда хотела отправить (покрывало для яранги) на западную сторону, начали ругаться’ [14, с. 318]

Бугул ‘копна травы’ < як. бугул ‘копна (сена)’ [20, с. 534; 23, с. 80]. Напр.: *Бугул ульэгэдаҕанэ ҕаай моннунҕи «мэ ланҕачэньи».* ‘О траве в копнах тоже говорят «рыхлая, неплотная (есть)»’ [14, с. 198]

Доҕоор ‘друг’ < як. доҕор ‘друг, спутник, товарищ’ [20, с. 727; 23, с. 115]. Напр.: *Доҕоор, кыылтэгэлэн йуомэн, пуньмэн!* ‘Друг, зверюгу большую видел, добыл!’ [25, р. 134-135]

Саарынхы, сааринҕи, сааринҕэ ‘дурак’ [14, с. 416; 11, с. 228; 26, р. 106; 27, р. 398] < як. саарангы ‘колебание; колеблющийся, не поддающийся определению’, ‘глупый, придурковатый’ [22, с. 2098; 23, с. 305]. Данное бранное слово не имеет гендерной формализации, поэтому может быть адресовано как к мужчине, так и женщине. Напр.: *Чии тудуруу чаманэн эл аҕальҕэһэк, сааринҕэ моннутэм.* ‘Среди людей, находясь, громко не смейся, скажут «дурак»’ [16, с. 85]

Сирҕаа ‘громоздкая, неаккуратной работы нарта’ [14, с. 436] < як. сыарҕа, сыырҕа, саарҕа ‘сани, нарта, дровни, пошевни; повозка, колесница;

коляска; возок, воз; перен. воз' [21, с. 2425; 23, с. 355]. Напр.: *Хадьир, сэспэбан ичуодабанэ, анмэ лалимэлэн, сирбаадиэк тудиэмэлэ*. 'Вот через входной проем (хозяйка) видит: тащит сани, санки' [13, с. 374-375]

Сэрэх 'опасность' < як. сэрэх 'опасение; (пред)осмотрительность, (пред)осторожность' [21, с. 2170; 23, с. 369]. Напр.: *Мирэмэдэ тудэл сэрэхньэй. Йуобан маранмэ палааснунум*. 'В это время она (собака) представляет опасность. Запросто через голову снимает, освобождается от ошейника' [14, с. 363]

2.2. Опосредованные якутизмы

Небольшая часть якутизмов проникла в язык тундровых юкагиров через посредство русского. Они представлены тематическими группами «Религия» и «Развлечения».

Ысыах 'якутский праздник ысыах' < рус. ысыах < як. ыһыах (старинный якутский кумысный праздник, проводимый в последнюю неделю июня) [22, с. 3834-3835; 23, с. 531]. Напр.: *Льукуолэл йангдэ уйэги кэриэй. Йохопэл ысыахпэги*. 'Линяет малый гусь. У якутов – ысыах (зд. речь идет о 29-м дне июня по календарю юкагира Муску Прокопия)' [25, р. 206-207]

Хапсагай 'хапсагай' < рус. хапсагай < як. хапсаҕай 'проворный, ловкий, быстрый; вид национальной борьбы' [22, с. 3321; 23, с. 480]. Напр.: *Мэ льэй йоходилэлэк көчэгэсулэн, хапсагай нодьэ ньинууйилэн льэнгул*. '(У нас) есть конские скачки, борьба хапсагай' [3, с. 27]

3. Освоение якутизмов в юкагирском языке

В процессе переноса якутизмы подверглись или подвергаются адаптации на формальном и семантическом уровне путем подчинения фонетическим и морфологическим закономерностям языка-реципиента.

3.1. Фонетико-графическое освоение

В фонетического плане из 71 выявленного якутизма 34 оказались неосвоенны. Фонетически неосвоенные якутизмы воспроизводятся в том виде, в каком они употребляются в языке-доноре (як. муус устар 'месяц таяния льда' > юк. *муус устар* 'апрель', як. сэргэ 'коновязь' > юк. *сэргэ* 'коновязь', як. мунньах 'собрание' > юк. *мунньах*, як. хос 'комната' > юк. *хос*, як. алдьаас 'выживший из ума' > юк. *алдьаас* и др.). Такие якутизмы находятся на периферии лексики юкагирского языка, но со временем и регулярным их употреблением часть из них возможно станет общепонятной и войдет в состав лексики юкагирского языка.

Одним из признаков освоённости инолексемы является фонетическая адаптация. Для якутизмов в языке тундровых юкагиров характерны следующие явления в системе вокализма и консонантизма.

1. Фонетико-графическое освоение в системе вокализма

а) субституция якутских гласных

Замещение *a*

a > и: як. саараны > юк. *сааринни*;

a > ы: як. саараны > юк. *саарынха*;

a > э: як. арай > юк. *арэй*, як. хата > юк. хатэ;

a < *aa*: як. анан > юк. *анаан*, як. сыырба > юк. *сирбаа*, як. ураса > юк. *урасаа*.

Замещение *o*

o > *oo*: як. добор > юк. *добоор*;

o < *ou*: як. ок-сиэ > юк. *оук-сиэ*, як. оһох > юк. *оһуох*.

Замещение *y*

y > *a*: як. урабас > юк. *арахас*.

Замещение *y*

y > и: як. үтүмэх > юк. *итимаах*;

y > у: як. бүччүм > юк. *буччу*, як. күрүө > юк. *куриэ*, як. түннүк > юк. *туннук*;

Замещение *э*

э > *a*: як. үтүмэх > юк. *итамах*;

э < *aa*: як. үтүмэх > юк. *итимаах*.

Замещение *ы*

ы > и: як. алыс > юк. *алис*, як. ахсынньы > юк. *ахсинньи*, як. баадьы > юк. *бадываа* =, як. бастын > юк. *бастин*, як. букатын > юк. *пукатин*, *букатин*, як. саараны > юк. *сааринни*, як. солбуйааччы > юк. *солбуйааччи*;

ы < *э*: як. акаары > юк. *акаарэл*, як. саараны > юк. *саарингэ*;

ы < *ии*: як. саары > юк. *саарии*.

Допущение мены нехарактерным для фонетической системы юкагирского языка звуком *ы* также является своего рода «переносом» на фонетическом уровне, что обусловлено функцией якутского языка как языка общения между народами на территории Якутии. В целом звук *ы* в заимствованных лексемах в юкагирском языке обычно заменяется гласным переднего ряда *и*. То же самое касается и дифтонгов, когда якутский дифтонг *ыа* заменяется юкагирским дифтонгом *иэ* [11, с. 246, 251].

б) субституция якутских долгих гласных

Замещение аа

аа > а: як. баадбы > юк. бадиваа=, як. хаарыан > юк. хайриэн.

Замещение уу

уу > ии: як. олгууу > юк. олбуи.

Замещение үү

үү > ии: як. төргүү > юк. төргии;

үү > уу: як. күүлэ > юк. куульэ.

Замещение ыы

ыы > и: як. айыы > юк. айи, як. кыыс > юк. кис, як. сыырба > юк. сирбаа;

ыы > ы: як. талыы > юк. таллы;

в) субституция дифтонгов

үө > иэ: як. күрүө > юк. куриэ;

ыа > иэ: як. хаарыан > юк. хайриэн.

2. Фонетико-графическое освоение в системе консонантизма

а) субституция якутских согласных

Замещение б

б > п: як. букатын > юк. пукатин.

Замещение ɓ

ɓ > х: як. ураɓас > юк. арахас.

Замещение г

г > ɓ: як. олгууу > юк. олбуи.

Замещение й

й > нь: як. хайах > юк. ханьах.

Замещение л

л > ль: як. күүлэ > юк. куульэ, як. талыы > юк. таллы;

л > лл: як. талыы > юк. таллы.

Замещение н

н > нь: як. син > юк. синь, як. хаарыан > юк. хайриэнь.

Замещение ɱ

ɱ > н: як. бастыɱ > юк. бастын.

Замещение ɰ

ɰ > с: як. быɰата > юк. бысата.

Замещение х

х > к: як. хайах > юк. хайак.

б) субституция палатализованных согласных

дь > д: як. баадьы > юк. *бадиwaa*=.

в) субституция удвоенных согласных

тт > т: як. баттаа- > юк. *батаа*=;

чч > ч: як. солбуйааччы > юк. солбуйаачи.

г) выпадение согласных в ауслауте

й > 0: як. олгууй > юк. *олџии*, як. уруй > юк. *уру*;

м > 0: як. буччум > юк. *буччу*.

д) наращение:

- согласных в инлауте

0 > й: як. хаарыан > юк. *хайриэн*;

0 > л: як. акаары > юк. *акаарэл*;

0 > н: як. саараны > юк. *сааринни*;

0 > х: як. саараны > юк. *саарынха*.

- звукового комплекса

0 > ваа: як. баадьы > юк. *бадиwaa*=;

0 > йы: як. хайаа- > юк. *хайаайы*.

Удвоение согласных допустимо в фонетико-графической системе юкагирского языка, однако для звука *н* оно не характерно, и подобное встречается только в одном случае заимствования как *сааринни* [11, с. 228].

3.2. Морфологическое освоение

В юкагирский язык перешли якутские лексические единицы из таких частей речи как имена существительное и прилагательные, глагол, наречие, частица и междометие.

Будучи переселенными в среду юкагирского языка некоторые якутские лексемы сменили свой частеречный статус. Так, якутский глагол *анан*- '(пред)назначаться; быть назначенным; выделенный' на почве языка-реципиента функционирует как наречие *анаан* 'очень, чрезмерно, слишком'. Другой якутский глагол *хайаа*- 'делать, поступать каким-либо образом', перешел в наречие *хайаайы* 'вот так, таким образом', употребляющееся в качестве вводного слова. Также могут дополняться некоторые признаки якутизмов, что, например, наблюдается у наречия *мээлэ*, который помимо признака действия/предмета, встречается в юкагирском языке в определительной функции (*мээлэ көдэ* 'никчемный человек'). Кроме того, категория междометий пополнилась двумя якутизмами с бранным значением

(як. акаары ‘дурак, идиот; глупость’ > юк. *акаарэл* ‘дурак’, як. саараны ‘колебание; колеблющийся; глупый, придурковатый’ > юк. *саарынхы, саариннги, саарингэ* ‘дурак’).

Имена существительные составляют преобладающую группу слов, поскольку «заимствование» обусловлено в первую очередь реакцией на некий предмет, вещь, явление, событие, как новые реалии для носителя языка-реципиента. Они выполняют основную номинативную функцию. К особенностям якутизмов-существительных можно отнести следующее.

1. Грамматическому освоению в виде оформления показателями, характерными юкагирским именам существительным, не получили чуть более 30% якутизмов.

2. Якутизмы-существительные пополняют лексический состав юкагирского языка через продуцирование новых слов с помощью словообразовательных аффиксов языка-реципиента (напр., як. *сэрэх* ‘опасение’ > юк. *сэрэхньэ* = ‘быть опасным’).

3. Якутизмы-существительные склоняются по восьми падежам (табл. 1).

Таблица 1

Склонение якутизмов-существительных в юкагирском языке

Падеж	Падежные аффиксы
Им.	-ø
Вин.	-ø, -лэ, -банэ
Дат.-напр.	-нинь
Тв.	-лэк
Совм.	-ньэн
Мест.	-ба ~ -ха, -бэ ~ -хэ ~ -хо
Исх.	-хат
Прод.	-
Пр.-род.	-ø, -н
Превр.	-
Сравн.	-

Примеры с аффиксами винительного падежа:

нулевой показатель: *эмдыэнэ суорат уусэтханэн* ‘младшему брату сорат отнеси=ты’;

-лэ: *итимахлэ тудиэмэлэ* ‘шест волочит=он’;

-џанэ: *сэргэџанэ помниир көчэгэй* ‘вокруг коновязи скачет=он’.

Примеры с аффиксами дательного-направительного падежа:

-нинь: *хотонгинь уунги* ‘в хлев пошли=они’.

Примеры с аффиксами творительного падежа:

-лэк: *итимаахлэк саабандэ пандэлгинь ууйэли* ‘при помощи шеста ставить сеть пошли=мы’.

Примеры с аффиксами совместного падежа:

-нбэн: *сэргэньэн ньингидьэ курчильтэнь* ‘стал=он на одном уровне с коновязью (букв. дорос до высоты коновязи)’.

Примеры с аффиксами местного падежа:

-џа: *урасааџа сэвнги* ‘в урасу вошли=они’;

-ха: *аранасха кудэриэнүлльэлга* ‘на лабаз клали=они’;

-џэ: *күүлэџэ сэуйэн* ‘в сени вошел=он’;

-хэ: *оньидигилџан оһоххэ эримэ мэ кэриэй* ‘по дымоходу на очаг снег упал’;

-хо: *хосхо хуудуотэй* ‘в комнате будет=оно лежать’.

Примеры с аффиксами исходного падежа:

-хат: *мунньаххат маарчийуонь* ‘из собрания выгнан=он (был)’.

Примеры с аффиксами приименно-родительного падежа:

нулевое выражение: *күүлэ сэспэ* ‘дверь в сенях’, *урасаа көйлуу* ‘прорехи урасы’;

-н: *айин мархиль* ‘дочь неба’.

Случаев употребления якутизмов-существительных с аффиксами продольного, превратительного и сравнительного падежей не выявлено.

4. Для существительных юкагирского языка характерны формы логического выделения посредством показателей -(э)н, -лэн, -к, которые также оформляют якутизмы при их переносе на почву языка-реципиента.

-н: *лууку урасааџанэн мааруол лээй* ‘и в маленькой урасе бывает счастье’;

-лэн: *мунньахлэн нолаанунул* ‘собрание бывает’;

-к: *сирџаадиэк тудиэмэлэ* ‘небольшие сани тащит=он’.

5. Якутизмы-существительные в единственном числе не имеют оформления, в то время как во множественном числе принимают показатели множественного числа -пэ для обозначения более одного предмета (напр., *туннукиэ* ‘окна’, *олбуипэ* ‘большие котлы’).

6. Юкагирский посессивный показатель -*ги* встречается и у якутизмов (*суларги* ‘его/ее уздечка’, *солбуйааччиги* ‘его/ее заместитель’).

7. Аффиксы уменьшительности -диэ ~ -тиэ и увеличительности -тэгэ, оформляя якутизмы-существительные, передают физические параметры и эмоциональную оценку.

-диэ: *урасаадиэк өгэтиэнунул* ‘ставили=они маленькую урасу’;

-тиэ: *хостиэ мэдьил* ‘получение комнатки’;

-тэгэ: *кыылтэгэ йуомэн* ‘видел=я большого зверя’.

Класс атрибутивных форм юкагирского языка пополняется якутскими именами прилагательными. Как такового класса имени прилагательного в юкагирском языке нет, а функцию таких слов выполняют неизменяемые атрибутивные формы (напр., *чама* ‘большой’, *льуку* ‘маленький’) и глаголы с качественным значением (напр., *чамуол*= ‘быть большим’, *льукуол*= ‘быть маленьким’) в причастной форме. В юкагирской речи зафиксировано восемь якутизмов-прилагательных, из которых большая часть употребляется по образцу якутского языка с именем собственным как характеристика человека (юк. *Уһун Испирдуон* ‘Длинный Спиридон’). Остальные якутизмы-прилагательные употребляются в сочетании со вспомогательным глаголом *нол*= ‘быть’ (юк. *дохсун нол*= ‘быть дерзким’, *дохсун нолэр* ‘будучи дерзким’). Якутизм *хара* ‘черный’ встречается только как часть имени собственного и топонимического названия, но как собственно определительное слово не встречается.

Якутизм-глаголов в юкагирский язык перенесено пять единиц, из которых две перешли в наречия (юк. *анаан* ‘очень, чрезмерно, слишком’) или употребляются как вводное слово (юк. *хайаайы* ‘вот так, таким образом’). Якутизмы-глаголы изменяются, подчиняясь грамматическому строю языка-реципиента. Они принимают аффиксы лица и числа, времени (юк. *мэ бадиуаа-ну-м* ‘мешает=он’), наклонения (юк. *эл бадиуаа-льэ-к* ‘не мешай-ты’). Один якутский глагол вошел в класс глаголов юкагирского языка вместе с якутским вербализующим аффиксом -даа (юк. *оһуохайдаа-р* ‘танцую осохай’). Здесь хотелось бы отметить, что наряду с глаголами, переносу из якутского языка

подвергся вербализующий аффикс -лаа и его фоноварианты -даа, -наа, -таа. Поэтому в юкагирской речи с данным формантом встречаются не только основы, представленные якутскими словами (як. > рус. *мунньахтаа* = 'проводить собрание'), но и русскими (рус. > юк. *звоннаа* = 'звонить по телефону', *насиивалаа* = 'благодарить', *утюгтаа* = 'гладить утюгом').

Якутизмы-глаголы могут переходить в разряды деепричастий (юк. *эл батаар* 'не сдерживая (себя)') и имен действий (юк. *батаал* 'давление, притеснение').

Якутизмы-наречия особо значительных изменений не претерпели в юкагирском языке (як. *наар* '< юк. *наар* 'все время', як. *букатын* > юк. *пукатин* 'совершенно, совсем').

Помимо знаменательных, переносу подвергаются служебные части речи. Якутские модальные слова, частицы и междометия в языке-реципиенте остались в пределах своих частеречных категорий (як. *хата* > юк. *хатэ* '(уж) лучше; зато; хорошо, что', як. *дьэ* > юк. *дьэ* 'ну', як. *хаарыан* > юк. *хайриэн* 'о, как жаль, какая жалость').

3.3. Семантическое освоение

Большая часть якутизмов освоена на лексико-семантическом уровне в юкагирском языке и сохраняют свои значения, которыми они обладают в языке-источнике. Однако освоению некоторых якутизмов способствовало семантическое расширение и гибридизация. Результатом взаимодействия инолексемы с новым лексико-семантическим окружением являются новые смысловые связи.

як. *мээлэ, мээнэ* 'попусту, понапрасну, зря; очень, весьма' > юк. *мээлэ* + новое значение 'кое-как'. Напр.: *Мээлэ туутэйуоллэги чандэн лохнаануни, амутнэн туутэйуоллэги йануньэрэн хуодуолнуни*. 'То, что кое-как складывали, будет торчать туда-сюда, хорошо сложенное аккуратно будет лежать' [14, с. 113]

як. *сыарба, сыырба, саарба* 'сани, нарта, дровни, пошевни; повозка, колесница; коляска; возок, воз; перен. воз' > юк. *сирбаа* 'громоздкая, неаккуратной работы нарта'. Напр.: *Ах пэтчэлэк эврэй, пэтчэлалимэ эл сирбаалэн, эвийэ лалимэк*. 'Он ездил на ездовой нарте, ездовые нарты не сани (на которых возят вещи), настоящая нарта' [14, с. 412-413]

Выялено гибридное слово, образованное по модели «основа языка-источника + основа языка-реципиента»: *куриэдауур* 'остов-тренога (яранги)' < як. *күрүө* 'изгородь, ограда, забор; огороженное место, загон; уст. сенокосное

угодье, сенокосный участок') + юк. пр.-род. -д + юк. аwур 'сума, мешок, вместилище; люлька, колыбель; нора'.

В процессе переноса один из якутизмов приобрел в языке-реципиенте коннотационную окраску с негативной семой (як. сыырба 'сани, дровни; повозка' > юк. *сирбаа* 'громоздкая нарта, неаккуратно изготовленная').

Некоторые якутизмы употребляются в языке тундровых юкагиров несмотря на наличие собственных лексем для обозначения определенных реалий и понятий. Возможно они употребляются в речи параллельно, создавая дублеты. Определить, какое из них чаще употребляется и составляет домининант, возможно только после анализа частотности. Таким образом, создаются синонимические ряды следующего содержания:

як. > юк. *анаан* 'очень, чрезмерно, слишком' = юк. *амутнэн* 'очень; сильно, чересчур', *чаманэн* 'сильно; очень; слишком, чересчур', *хааличнэн* 'сильно; много; очень; чрезмерно, ужасно', *хааличэ* 'очень, весьма; страшно', *энгэнэн* 'слишком много; чересчур';

як. > юк. *арай*, *арэй* '(и) вдруг, (и) вот оказывается, однажды' = юк. *мидьэк* 'а вдруг', *охо-модьэн* 'и вдруг оказалось, что', *охо-мон(н)и* 'и вдруг оказалось, что';

як. > юк. *куульэ*, *күүлэ* 'сени' = юк. *сэспэннимэ* 'сени';

як. > юк. *мунньах* 'собрание' = юк. *солбидьэ* 'собрание';

як. > юк. *наар* 'все время, постоянно, всегда; чрезмерно, слишком, чересчур' = юк. *ах* 'все время, постоянно, всегда; из-за того, что чересчур, слишком, чрезмерно';

як. > юк. *оh(y)ох* 'камин, камелек; печь' = юк. *лачидэдуол* 'очаг';

як. > юк. *саарынхы*, *сааринги*, *саарингэ* 'дурак' = юк. *онгойгөдэ* 'дурак; умственно недоразвитый'.

Дублетами могут быть также переводные и гибридные образования как результат семантического освоения инолексем, например:

як. > юк. *бугул* 'копна (сена)' = юк. *ульэгэ мохлэсуол* 'стог (сена)';

як. > юк. *куриэдаwур* 'остов-тренога (яранги)' = юк. *нимэдайн* 'остов-тренога (яранги)';

як. > юк. *туннук* 'окно' = юк. *йархадэлыл* 'окно (букв. ледяной проем)';

як. > юк. *хотон* 'хлев' = юк. *кэрэwэнимэ* 'хлев' (рус. корова > юк. *кэрэwэ* + юк. *нимэ* 'дом').

4. Статус якутизмов в юкагирском языке

Анализ якутизмов в юкагирском языке позволил разграничить их на собственно заимствования (7 ед.), переносы (13 ед.) и окказионализмы (51 ед.).

1. Заимствования

К заимствованиям относятся инолексемы, зарегистрированные в трех и более источниках, авторами которых являются разные люди. Они достаточно хорошо освоены, при этом освоенность может быть частичной. Например, якутизм *муннях* ‘собрание’ обнаруживается в трех источниках разных авторов [12, 13, 26] и проявляет морфологическую адаптированность через оформление показателем логического ударения и падежных аффиксов принимающего языка (напр., выдел. *мунняхлэн* ‘именно собрание’, мест. *мунняхха* ‘на собрании’, вин. *мунняхлэ* ‘собранию’, исх. *мунняххат* ‘от собрания’), однако он не проявляет признаков фонетико-графической адаптации ни в одном источнике. Или, например, фонетически усвоенный глагол *батаа*= от як. *баттаа*- ‘притеснять’ встречается в юкагирском языке в трех разных источниках разных авторов [19, 14, 26] в деепричастной форме (эл *батаар* ‘не сдержав’), причастной форме (эл *батаайэ көдэ* ‘человек, который не притесняет’) и как имя действия (*батаал* ‘давление’).

Заимствования могут сосуществовать с исконными лексемами для передачи реалий, значение которых передают инолексемы (напр., *муннях* и *солбидьэ(н)* ‘собрание’; *батаа*= и *туриэ=/айии*= ‘притеснять’).

На основании анализа заимствованиями можно считать следующие семь якутизмов: *анаан*, *арэй*, *батаа*=, *муннях*, *сааринги*, *синь*, *урасаа*. Якутизмы-заимствования ранжированы по шести тематическим группам: «Общество и политика» (1 ед.), «Постройки, сооружения и их части» (1 ед.), «Глагол» (2 ед.), «Наречие» (1 ед.), «Модальное слово» (1 ед.), и «Разное» (1 ед.).

2. Переносы

Переносы занимают промежуточное положение между заимствованиями и окказионализмами. В будущем они вероятно могут стать заимствованиями при условии их регулярного употребления в речи. Переносы встречаются в не более двух источниках (авторов/носителей), при этом могут появляться в пределах одного источника несколько раз. Для них характерна либо исходная форма языка-источника (як. > юк. *аранас* ‘лабаз’), либо они могут быть фонетически изменены на почке языка-реципиента (як. *айыы* > юк. *айи* ‘творец’). В преобладающих случаях переносы подчиняются грамматическим

законам юкагирского языка. Например, якутское слово *утүмэх* ‘прогонный шест для установки сети в зимнее время подо льдом’ встречается по одному разу только в двух источниках двух разных авторов [14, 25] в освоенной фонетически и грамматически формах *итима(а)х* (вин. *итимаахлэк* ‘при помощи прогонного шеста’, тв. *итимахлэ* ‘(несет) шест’).

В юкагирском языке к переносам относятся 13 якутизмов, из которых 12 прямого характера переноса (*алис*, *аранас*, *итима(а)х*, *оһ(у)ох*, *туннук*, *хатэ* и др.) и один – опосредованного (*ысыах*). Якутизмы-переносы представлены в восьми тематических группах: «Религия» (2 ед.), «Постройки, сооружения и их части» (3 ед.), «Орудия промысла» (1 ед.), «Кухня» (2 ед.), «Наречие» (3 ед.), «Междометие» (1 ед.) и «Разное» (1 ед.). Из переносов якутизмом дореволюционного периода является лексема *айи* ‘творец; небо как доброе божество’, выявленная в дореволюционных материалах В.И. Иохельсона.

3. Окказионализмы

Окказионализмам характерно разовое появление в фактическом материале на юкагирском языке или же появление более одного раза в одном источнике (автор/носитель). Подобные лексические явления отчасти проявляют освоенность в языке-реципиенте. Например, якутизм *арахас* от як. *ураҕас* ‘шесты к палатке (ураше, тордоху)’ освоен фонетически и склоняется по падежам (вин. *арахаслэ* ‘(сделал) шест’, дат.-напр. *арахасниһ* ‘к шесту’). Однако встречается это слово два раза только в одном источнике [26]. Других контекстов с данным якутизмом не обнаружено. В своем большинстве окказионализмы проявляют нулевую (*кыыл* ‘зверь’, *арҕаа* ‘запад’, *сэрэх* ‘опасность’) или частичную фонетическую освоенность (*буччу* < як. *буччум* ‘тихий’), нулевую формально-грамматическую адаптированность (*бугул* ‘сноп сена’, *холобур* ‘например’) или же формально выраженную (напр., якутизм *сэргэ* ‘коновязь’ зафиксирован с падежными аффиксами, а якутизм *солбуйааччи* ‘заместитель’ – только с показателем принадлежности -ги).

Группа окказионализмов самая содержательная – 51 якутизм с единичным или случайным, мотивированным или немотивированным употреблением. К ним относятся *айдаан*, *акаарэл*, *бадиһаа*=, *бэл*, *бысата*, *дохсун*, *наар*, *олҕии*, *оһуохайдаа*=, *онуоҕа*, *оччоҕо*, *саарии*, *төрҕии*, *тохсунньу*, *улуус*, *уордаах*, *хапсагай*, *хара*, *холобур*, *хос* и др. Они представлены практически во всех тематических группах.

Заключение

Таким образом, в языке тундровых юкагиров насчитывается 71 лексема из якутского языка. Наибольшее количество якутизмов преобладают в источниках нашего времени (нач. XXI в.) и один дореволюционного периода, обнаруженный в материалах В.И. Иохельсона (*айи* 'творец; небо как доброе божество').

Из всего количества выявленных якутизмов 69 прямого характера переноса и 2 опосредованного через русский язык. Якутизмы распределены по 18 тематическим группам. Наиболее содержательными являются группы «Мера времени» (7 ед.), «Имя прилагательное» (8 ед.), «Наречие» (10 ед.) и «Разное» (9 ед.).

Освоение якутизмов наблюдалось в трех направлениях. На формально-графическом уровне освоено 37 якутизмов. Наблюдается субституция гласных и согласных, замена долгих гласных краткими или качественно другими гласными, замена дифтонгов качественно другими дифтонгами, замена палатализованных звуков непалатализованными и наоборот, замена удвоенных звуков неудвоенными и наоборот, выпадение звуков в инлауте и ауслауте, наращение звуков в инлауте и добавочными звуковыми комплексами.

На морфологическом уровне освоено 57 якутизмов. Переносу подверглись 42 имени существительных, восемь имен прилагательных, пять глаголов, десять наречий, одно модальное слово две частицы и три междометия. Некоторые якутские слова сменили свой частеречный статус в лексико-семантической системе юкагирского языка. Якутизмы-существительные склоняются по падежам, принимают показатели логического выделения, множественного числа, посессивности, уменьшительности и увеличительности. Адаптации якутизмов-прилагательных способствует вспомогательный глагол. Якутизмы-глаголы изменяются согласно моделям словоизменения юкагирского языка, принимая соответствующие показатели лица, числа, времени, наклонения, вида. Из якутизмов-наречий одно может принимать определительный признак и два употребляются как вводные слова.

Анализ якутизмов на семантическом уровне позволил установить, что юкагирский язык может активно пополнять свой лексический фонд не только благодаря собственно инолексемам, но и путем развития их семантики и гибридизации.

Состав якутизмов на данный момент включает семь заимствований, 13 переносов и 51 окказионализм. Установлено, что степень освоенности в системе принимающего языка не может выступать единственным критерием разграничения заимствований, переносов и окказионализмов. Все иноязычные лексемы, независимо от статуса, проявляют фонетическую освоенность и неосвоенность, грамматическую нейтральность или подчинение. Тем не менее, при определении статуса инолексемы в учет частотности, интеграция на всех уровнях языка является важной.

Употребление якутизмов во многом обусловлено как внеязыковыми причинами как, например, перенос слова вместе с предметом или понятием (перенос якутизмов *бугул* ‘копна сена’, *суорат* ‘заквашенное кипяченое молоко’, *хотон* ‘хлев, коровник’ вместе со скотоводством) или статусность (употребление як. > юк. *мунньах* вместо юк. *солбидьэ*), так и внутриязыковыми в виде заполнения номинативной лакуны в связи с вхождением в быт юкагиров новых реалий (*оһуохайдаа* = ‘танцевать осохай’, *сэргэ* ‘коновязь’, *ысыах* ‘якутский кумысный праздник’), стремления к замене описательного наименования названием из одного лаконичного слова (як. > юк. *бугул* вместо юк. *ульэгэ мохлэсуол*), снятию полисемантичности исконных слов или синонимичности (як. > юк. *анаан* ‘очень, чрезмерно, слишком’ вместо синонимичных юкагирских наречий *амутнэнг*, *чаманэнг*, *хааличнэнг*, *хааличэ*, *энгэнэнг*), дифференциации и специализация значения (напр., употребление близких по смыслу слов, но с различными оценочными семами с юк. *лалимэ* ‘нарта’ и як. > юк. *сирбаа* ‘громоздкая, неаккуратной работы нарта’).

Другой особенностью не только якутизмов, но и вообще инолексем, является лексическая вариативность. Одному слову-источнику могут быть характерны более одного фонетико-графического варианта в языке-реципиенте, напр.: *куульэ* ~ *күүльэ* ‘сени, вход в ярангу’, *итимаах* ~ *итимах* ‘прогонный шест для установки сети подо льдом’, *ханьах* ~ *хайак* ‘взбитое и замороженное сливочное масло с молоком’, *пукатин* ~ *букатин* ‘совершенно, совсем’, *хайриэн* ~ *хайриэнь* ‘о, как жаль, какая жалость’, *саарынхы* ~ *сааринги* ~ *саарингэ* ‘дурак’.

Список сокращений

Вин. – винительный падеж, возм. – возможно, выдел. – выделительный аффикс, дат.-напр. – дательно-направительный падеж, диал. – диалектное, ед. –

лексическая единица, им. – именительный падеж, исх. – исходный падеж, мест. – местный падеж, превр. – превратительный падеж, прод. – продолжный падеж, пр.-род. – приименно-родительный падеж, рус. – русский язык, совм. – совместный падеж, сравн. – сравнительный падеж, тв. – творительный падеж, уст. – устаревшее, юк. – язык тундровых юкагиров, як. – якутский язык.

Список литературы

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд. – М., Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.
2. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. – Новосибирск: Наука, 2003. – 788 с.
3. Атласов Е.И., Курилов Г.Н. Русско-юкагирский разговорник. – Якутск: Розовая чайка, 1992. – 32 с.
4. Афанасьева П.С., Харитонов Л.Н. Русско-якутский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 720 с.
5. Вахтин Н.Б. Языки народов в XX веке. Очерки языкового сдвига: монография. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.
6. Гоголев А.И. История Якутии (обзор исторических событий до начала XX в.): учебное пособие. – Якутск: ЯГУ, 2000. – 201 с.
7. Гриценко К.Ф. Личные имена и прозвища у якутов // Антропонимика / под ред. В.А. Никонова, А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1970. – С. 155-166.
8. Иванов С.А. Названия месяцев в якутском языке и их диалектные названия // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – № 2(15). – Якутск, 2016. – С. 71-76.
9. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы: монография. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.
10. Крейнович Е.А. Юкагирский язык: монография. – М.-Л.: АН СССР, 1958. – 288 с.
11. Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка): монография. – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.
12. Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык: учебное пособие. – Якутск: Офсет, 2006. – 280 с.

13. Курилов Г.Н. Фольклор юкагиров // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т.25. – М., Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с.
14. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.
15. Курилов Н.Н. Литературное чтение 4 класс: учебное пособие на юкагирском языке (тундренный диалект) для общеобраз. учрежд. – СПб.: Алмаз-Граф, 2013. – 96 с.
16. Курилов Н.Н. Тидаанэ титэ моннунни (Раньше так говорили): пословицы, загадки, образные выражения, сравнения. – Якутск: Дани Алмас, 2007б. – 152 с.
17. Курилов Н.Н. Юкагирская топонимика Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия): монография. – Якутск: РИО РДНТ, 1999. – 48 с.
18. Курилова С.Н. Междометия и междометные слова юкагирского языка: монография. – Новосибирск: Наука, 2012. – 235 с.
19. Окладников А.П. Юкагиры (историко-этнографический очерк). – Новосибирск: Наука, 1975. – 244 с.
20. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка [Электрон. ресурс]. – Л.: Академия наук СССР, 1958. – Т.1. Режим доступа: <http://sakhatyla.ru/books/pekarSKIY-1/88>
21. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка [Электрон. ресурс]. – Л.: Академия наук СССР, 1959. – Т.2. Режим доступа: <http://sakhatyla.ru/books/pekarSKIY-2/482>
22. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка [Электрон. ресурс]. – Л.: Академия наук СССР, 1927. – Т.3. Режим доступа: <http://sakhatyla.ru/books/pekarSKIY-3>
23. Слепцов П.А. Якутско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 608 с.
24. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? – М.: Наука, 1979. – 152 с.
25. Kurilov N. Tales from my mother Anna Kurilova. Эньиэ, Анна Курилова ньиэдьилпэ. Рассказы матери Анны Куриловой / С. Ode (ed.). – Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012. – 270 p.
26. Maslova E. Yukaghir Texts / E. Maslova. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. – 200 p.
27. Nikolaeva I. A historical dictionary of Yukaghir. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. – 500 p.

28. Pakendorf B. Loanwords in Sakha (Yakut), a Turkic language of Siberia / B. Pakendorf, I. Novgorodov // Loanwords in the World's languages: A comparative handbook. In M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. – P. 496-524.
29. Struchkova A. Various tales for the Yukaghir children. Ньингомийэ ньиэдьилпэ вадудуорпиэнь. Разные рассказы юкагирским детям / С. Ode (ed.). – Fürstenberg / Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2016. – 92 p.
30. Veenker W. Tundrajukagirisches wörterverzeichnis zusammengestellt von Wolfgang Veenker // Opuscula Sibirica 1. – Hamburg: Universität Hamburg, 1989. – 83 p.
31. Полевые материалы автора. Информант Д.Н. Бегунов (г. Черский, Якутия), 2008.

ГЛАВА V

УДК 811.161.1

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОСМИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВЕ К. БАЛЬМОНТА, В. БРЮСОВА, М. ВОЛОШИНА, Н. ГУМИЛЕВА

Биль Ольга Николаевна

к.ф.н., доцент

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет

Аннотация: Работа посвящена описанию метафорического использования космических образов в поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева. В работе анализируется метафоризируемый и неметафоризируемый компоненты. Отмечены тематические группы, номинации которых задействованы в данных компонентах, а также наиболее частотные метафорические космические номинации в поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева. Определены общие тенденции использования космических единиц в текстах анализируемых авторов, а также индивидуально-авторские особенности в поэзии каждого поэта.

Ключевые слова: Метафора, образ, образ космоса, метафоризируемый компонент, поэтический текст.

METAPHORICAL USE OF SPACE IMAGES IN THE POETIC WORD BY K. BALMONT, V. BRYUSOV, M. VOLOSHIN, N. GUMILEVA

Bil Olga Nikolaevna

Abstract: The work is devoted to the description of the metaphorical use of space images in the poetry of K. Balmont, V. Bryusov, M. Voloshin, N. Gumilyov. The paper analyzes the metaphorizable and non-metaphorizable components. Thematic groups, the nominations of which are involved in these components, as well as the

most frequent metaphorical cosmic nominations in the poetic texts of K. Balmont, V. Bryusov, M. Voloshin, N. Gumilyov are noted. The general tendencies of the use of space units in the texts of the analyzed authors, as well as individual author's peculiarities in the poetry of each poet, are determined.

Key words: Metaphor, image, image of space, metaphorized component, poetic text.

В поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева космические наименования достаточно частотно функционируют в составе тропов (сравнения, олицетворения, метафоры). Космические наименования в поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева, сохраняя свое прямое значение, приобретают образное, в поэтическом пространстве возникают эмоционально-выразительные образы космического пространства, отражающие разнообразные дополнительные смысловые оттенки, что дает возможность передать образное видение космоса поэтами начала XX века.

Метафора является одним из самых выразительных средств отображения образно-поэтической картины мира. Сущность метафоры заключается в том, что «два предмета (понятия) могут быть связаны какими-то общими чертами. На основании этого сходства наименование с одного предмета (понятия) может быть перенесено на другой предмет (понятие)» [4, с. 34], «метафорическое использование выражения состоит в его употреблении в таком смысле, который отличен от его обычного, или прямого смысла, и в таком контексте, который способствует выявлению этого непрямого, нестандартного смысла» [2, с. 158 – 159]. По словам Н.Д. Арутюновой, метафора – это прежде всего «способность уловить индивидуальность конкретного предмета или явления, передать его неповторимость... Употребление метафоры в художественном произведении всегда ощущалось как естественное и законное. Метафора органически связана с поэтическим образом мира» [1, с. 348, 380]. Исходя из наличия множества точек зрения на понимание термина «метафора», Н.А. Туранина говорит о трех основных подходах к определению семантического объема данного явления: метафора как один из способов придания выразительности речи, художественный прием, троп, образованный на основании сходства; метафора как общее название для всех образований с двуплановой семантической структурой, объединяющее в себе представления о двух различных явлениях

действительности; междисциплинарное семиотическое понимание метафоры как универсального способа человеческого мышления, в основе которого лежит применение уже имеющихся человеческих знаний [6, с. 13].

Н.А. Туранина отмечает, что классификация метафоры должна быть всесторонней: грамматическая характеристика метафоры (анализ принадлежности к определенной части речи, роль разных грамматических категорий в создании метафорического значения); лексико-семантическая характеристика метафоры (принадлежность метафорического компонента к определенному пласту лексики, далее к конкретной тематической группе слов, характер семантических изменений при метафоризации); логическая и психологическая характеристика метафоры (особенности переноса наименований из одной сферы в другую, характер ассоциаций и т.д.).

Характер метафоры, ее особенности во многом зависят от категориально-грамматических свойств составляющих компонентов, в этой связи можно исследовать главный (метафоризируемый) компонент метафорической конструкции и зависимый (неметафоризируемый) член конструкции. В соответствии с этим структура метафорических образов в поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева представлена метафоризируемым компонентом метафорической конструкции, представляющим собой наименование космического пространства, и неметафоризируемым компонентом, соотносящим космические номинации с реалиями действительности и играющим решающую роль в направлении развития сочетаемости метафор. Названные компоненты в поэтическом слове названных авторов имеют эксплицитное выражение, основание же, на основе которого осуществляется перенос, носит имплицитный характер.

Метафоризируемый компонент в языке поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева представлен номинациями нескольких тематических групп (ТГ), однако в создании метафорического образа космоса наиболее задействованы наименования ТГ «Небесные тела» (ТП «Светила и явления, связанные с ними» (*солнце, луна, луч, заря, рассвет, закат*)), ТП «Общее обозначения небесных тел» (*звезда, планета, светило, комета, созвездие, метеор*)) и ТГ «Небесная сфера» (ТП «Небесные и атмосферные явления» (*гром, туча, зарница, облако, гроза, радуга, зарево, молния, дождь*)), низкую частотностью в метафорических контекстах отличаются наименования ТГ «Общие обозначения космического пространства». Многообразие

метафорических космических единиц в текстах исследуемых поэтов представлено в таблице 1 «Метафоризируемые космические наименования в поэтическом слове К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева», отражающей метафорическое воплощение космической лексики в лирических произведениях анализируемых авторов: в целом в произведениях в метафорический процесс вовлекается 23 образа космического пространства: у К. Бальмонта – 13, у В. Брюсова – 14, у М. Волошина – 11, у Н. Гумилева – 14.

Таблица 1

**Метафоризируемые космические наименования в поэтическом слове
К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева**

ТГ	Поэт ТП, ТО	К.Бальмонт	В. Брюсов	М.Волошин	Н.Гумилев
«Общие обозначения космического пространства»	_____	_____	мир(-ы) (3 с/у)	вселенная (2 с/у) мир(-ы) (2 с/у)	_____
«Небесные тела»	ТП «Общее обозначение небесных тел»	звезда (8 с/у) планета (4 с/у) светило (4 с/у)	звезда (8 с/у) комета (6 с/у)	звезда (10 с/у) созвездие (8 с/у)	звезда (12 с/у) созвездие (6 с/у) светило (5 с/у) комета (4 с/у) метеор (3 с/у)
	ТП «Светила и явления, связанные с ними »	луна (14 с/у) солнце (13 с/у) заря (10 с/у) луч (7 с/у)	луна (13 с/у) солнце (11 с/у) заря (7 с/у) луч (7 с/у) рассвет (3 с/у)	солнце (19 с/у) луна (17 с/у) заря (13 с/у) закат (12 с/у) луч (11 с/у)	солнце (17 с/у) луна (14 с/у) луч (12 с/у)
	ТО «Звезды, планеты, их совокупность»	_____	_____	_____	_____
«Небесная сфера»	ТП «Небо и явления, связанные с ним»	_____	небо (7 с/у)	_____	небо (7 с/у)
	ТП «Небесные и атмосферные явления»	гроза (9 с/у) облако (9 с/у) туча (9 с/у) гром (8 с/у) зарница (7 с/у) радуга (7 с/у)	дождь (8 с/у) молния (7 с/у) радуга (6 с/у) гроза (5 с/у) заревое (5 с/у)	молния (9 с/у) туча (9 с/у) радуга (5 с/у)	молния (8 с/у) гроза (7 с/у) радуга (5 с/у) зарница (3 с/у) заревое (3 с/у)

Наиболее частотными в поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева являются метафорические космические номинации: *солнце* (60 с/у), *луна* (52 с/у), *звезда* (38 с/у), *луч* (37 с/у), *заря* (30 с/у): *но, обожженная луной, душа хранит твой знак* (Гум., 1908); *и в каждом сердце – птица, во всех очах – звезда* (Бальм., 1906); *будь славен! И Тильзит, «солнце Аустерлица» (о Наполеоне)* (Брюс., 1912); *вам – солнцам-городам, кольцеобразно легшим по кодам* (Волош., 1915); менее употребительными – лексемы: *молния* (27 с/у), *радуга* (23 с/у), *гроза* (21 с/у), *туча* (18 с/у), *созвездие* (14 с/у), *небо* (14 с/у), *закат* (12 с/у), *комета* (10 с/у), *зарница* (10 с/у), *облако* (9 с/у), *светило* (9 с/у), *гром* (8 с/у), *дождь* (8 с/у), *заревое* (8 с/у): *горящую кометой привета на безжизненном пути* (Брюс., 1893); *ты – отблеск зарницы* (Бальм., 1894); *есть души в мире – те же тучи* (Гум., 1898); *где вы – гроза, губящая стихии* (Брюс., 1905); *ее глазам – мерцающим зарницам* (Гум., 1916); *когда же ты поймешь, что солнце и созвездья возникали и гибли внутри тебя* (Волош., 1917), единичными – *мир (-ы)* (5 с/у), *планета* (4 с/у), *метеор* (3 с/у), *рассвет* (3 с/у), *вселенная* (2 с/у): *каждый цветок есть цветистая планета* (Бальм., 1908).

В поэтических текстах К. Бальмонта в структуре метафоры преобладают единицы: *звезда, солнце, луна, заря*, В. Брюсов отдает предпочтение образам: *луна, солнце, звезда, дождь*, М. Волошин тяготеет к метафоризации *звезды, солнца, луны, зари, заката, луча*, Н. Гумилев наиболее частотно в роли метафоризируемого компонента использует космические слова: *звезда, солнце, луна, луч*.

В идиостиле всех анализируемых поэтов метафоризируются следующие космические лексемы: *звезда, солнце, луна (месяц), луч, заря, радуга*:

ЗВЕЗДА: *в томленье ждем мы, когда лучи свои торжественно бросит звезда, звезда любви* (Брюс., 1895); *безмятежные, свободные, миру чуждые звезды призрачных чудес* (Бальм., 1898); *молюсь звезде моих побед, алмазу древнего востока* (Гум., 1911); *Амор-Мария – звезда над морями* (Волош., 1921). В процессе метафоризации наименования *звезда* в поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева четко прослеживается эволюции данной номинации тела от источника света, необходимого для жизни человека и имеющего скорее практическое значение, до контекстов, где на первый план выходит символическое обозначение звезды. В таких фрагментах звезда – это олицетворение любви (К. Бальмонт, В. Брюсов, М. Волошин,

Н. Гумилев), истины (В. Брюсов), символ надежды (К. Бальмонт), светлой веры (М. Волошин), новой жизни (Н. Гумилев), обновления (К. Бальмонт, Н. Гумилев). В метафорических контекстах выразительный образ небесного тела противопоставляется всему земному миру, он оказывается выше земных страстей и желаний, зачастую в поэтических текстах авторов со звездой связан мотив исканий – метафорический образ «свободной звезды», чуждый земным страхам и заботам, дает надежду обрести новый смысл жизни. В антропоморфных текстах (в большей степени это характерно для поэзии К. Бальмонта, М. Волошина), реализующих метафорическое воплощение звезды, также наблюдается развитие образа: с одной стороны, звезда отражает неприглядную сущность внутреннего мира человека (чаще женских образов), вскрывая такие качества, как неискренность, лживость, иногда порочность, с другой стороны, со звездой связан мотив желанности светлого женского облика. Максимально полно в поэтических текстах всех авторов образ звезды реализуется в стихотворных произведениях, имеющих любовную направленность, где небесное тело является воплощением этого эмоционального состояния.

СОЛНЦЕ: *я свет потухших солнц, я слов застывший камень (Волош., 1907); правда в солнце превратилась, в мире чистый свет зажгла (Гум., 1908); вот пустыня я и кличу: «Солнце-зверь, я заждалась» (Гум., 1908); поля изрыты, веси сожжены – щедр урожай под солнцем новой жизни (Брюс., 1915).* Метафорические коннотации образа дневного светила являются отражением восприятия солнца как источника жизни всего окружающего: человека, природы, животного мира. Не случайно в поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева метафорическая параллель солнце – сердце является доминирующей, поскольку сердце – это, во-первых, «орган человека, обеспечивающий его жизнедеятельность», во-вторых, это «символ отзывчивости, доброты, любовной привязанности, переживаний, склонности, средоточения переживаний» [3, с. 1177, 5, с. 521], что свойственно также и метафорическому воспроизведению образа дневного светила. В метафорических контекстах солнце олицетворяет вечность, постоянство (К. Бальмонт, В. Брюсов), справедливость (К. Бальмонт, В. Брюсов, Н. Гумилев), иногда сопряженную с жестокостью (Н. Гумилев), это источник правды (К. Бальмонт, Н. Гумилев), чистоты, вечной молодости (М. Волошин). Лейтмотивом произведений, реализующих метафоризацию

солнца, являются образные соотношения: солнце – жизнь – красота (В. Брюсов, М. Волошин), солнце – правда (К. Бальмонт), солнце – сердце (Н. Гумилев). В контекстах, имеющих антропоморфную направленность (чаще в поэзии К. Бальмонта, М. Волошина), солнце чаще изображается в основном в женских образах и является источником вдохновения, неземной красоты, счастья, кроме того, в лирических произведениях, реализующих метафорическое воплощение образа дневного светила в соотношении с человеком, светило дня – это сознание, сила, основа человеческого духа.

ЛУНА (МЕСЯЦ): *мне кажется, что это луна погибших дней (Бальм., 1895); волшебница-луна, ты льешь напрасно свет, мне некому шептать влюбленные слова (Брюс., 1895); с тревогой древнею встречать мою луну, тебя (Гум., 1908); и при приближении Девушки-Луны – головокруженье глубины (Волош., 1915).* В поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева в процессе метафоризации образ луны зачастую имеет негативную интерпретацию, что связано в данном случае с временем появления (ночью) небесного светила не небесном своде. Издревле ночь ассоциировалась с чем-то таинственным, непонятным, мистическим, переменчивым, луна же является неотъемлемым атрибутом ночи и отождествляется с данным временем суток. В поэтическом слове анализируемых авторов при метафорическом воплощении образа ночного светила оно ассоциируется со скорбью, с необычными образами и тенями (особенно в поэзии К. Бальмонта, Н. Гумилева), при появлении на небе луны душа человека теряет покой, вдохновение, грезы. Традиционные контексты, в которых метафорически противопоставляются солнце и луна, а соответственно день, радость и ночь, мгла (В. Брюсов, М. Волошин, Н. Гумилев), в таких произведениях главенствующая роль отводится светилу дня, которое в конечном итоге одерживает победу над мраком ночи.

ЛУЧ: *есть что-то позорное в мощи природы, некая вражда к лучам красоты (Брюс., 1896); и причастились страшной Тайны в лучах пылавшего луча (Волош., 1904 – 1905); забрезжится восток лучами жизни обновленной (Гум., 1905); но по слову вдруг жива от любви лучей (Бальм., 1906).* В обыденном сознании луч чаще всего ассоциируется с источником света, что находит своеобразный отклик и переосмысление в поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева при метафоризации солнечного явления, где данная номинация воспринимается как частичка

солнца, а, следовательно, источник жизни, бессмертия, мечты, свободы, поскольку луч – это «символ истины, разума, просветления или радости, счастья» [3, с. 1157]. При метафоризации наименование *луч* в языке поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева становится своеобразным средством от «мятежности духа», боли, страданий, определяясь как «быстрое, неожиданное появление, проблеск чего-либо» [5, с. 807], в таких строфах лексема символизирует избавление от скорби, печали (К. Бальмонт, В. Брюсов), слез, разочарований (М. Волошин, Н. Гумилев). *Луч* в поэзии названных авторов – многогранный метафорический образ, это связано с тем, что в метафорических контекстах космическая единица сочетается с разными космическими единицами: *луч* солнца, *луч* зари, *луч* луны, однако во всех стихотворных фрагментах наименование *луч* имеет исключительно позитивный смысл: несмотря на то, что луна, например, ассоциируется с ночью, темнотой и т.д., *луч* луны – это скорее источник сладких спокойных снов, тишины, *луч* зари – это начало чего-то светлого и нового.

ЗАРЯ: *я изморозь зари, мерцанье дня морского (Волош., 1903); там, далеке, в чистом поле, раноутренней росой освежусь, утрюсь зарею (Бальм., 1906); ах, такой раскрывался едва ли и на ранней заре бытия (Гум., 1911); в душе мерцает свет зари... мой разум! Нет мы не погибнем (Брюс., 1912).* Метафорическое использование лексемы *заря* в поэтическом слове К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева в основном опирается на одно из значений данного существительного: «начало, зарождение чего-либо (обычно радостного, светлого)» [3, с. 343, 5, с. 521]. Метафорический образ солнечного явления в поэзии названных авторов – это однозначно трактуемый позитивный космический образ. В метафорических контекстах (особенно у В. Брюсова) заря воспринимается как уход от мрака, тьмы через пробуждение к новой светлой жизни без порабощения, гнета, рабства, это свобода от забот и тревог, надежда на зарю вселяет уверенность, бодрость, легкость.

РАДУГА: *бросил с неба им цветы, вызвал радугу мечты (Бальм., 1989); увидеть небосвод, раздвинутый заветной радугой любви (Брюс., 1903, 1904); и вспыхнет радуга созвучий над царством вечной пустоты (Гум., 1911); радугами бриллиантов переливающийся свод (Волош., 1918).* Основополагающую роль в метафоризации образа радуги играет внешний вид небесного явления. Поскольку это очень красивое, яркое, разноцветное, всегда неожиданное возникающее явление, то при поэтизации радуга обладает всеми

перечисленными признаками (чаще в лирике В. Брюсова, М. Волошина), метафоризируемый образ небесного явления – это всегда яркий, позитивный, насыщенный образ.

В то же время в анализируемых поэтических текстах каждого автора отмечаются космические единицы, метафоризируемые в отдельном идиостиле: так, например, в поэтическом языке К. Бальмонта такими наименованиями являются *светило*, *гром*, *облако*: *чужда мне вся Земля с борьбой своею, я – облачко, я – ветерка дыханье* (Бальм., 1903); *я отошедший день, каких немного было, я предвечерне светило* (Бальм., 1903); *прямо летим – и вдруг поворот, мы ведь не громы* (Бальм., 1906), в лирике В. Брюсова – *рассвет: я рассвет лучистый, тишь этих узких улиц* (Брюс., 1920), в поэтическом творчестве М. Волошина – *закат, вселенная: туда идем, к закатам темных дней* (Волош., 1907); *... выплавить из мира Необходимости и Разума – Вселенную Свободы и Любви* (Волош., 1917), в стихотворениях Н. Гумилева – *метеор: а за ними поднимает взор та, чей дух – крылатый метеор* (Гум., 1912).

Как правило, метафорический компонент в языке поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева представлен одним словом (такое выражение наблюдается в 86% контекстах), в то же время он может быть представлен сочетанием слов в контекстах, имеющих антропоморфную направленность, второй компонент (имя прилагательное, существительное и др.) в таких примерах расширяет, дополняет значение метафорического компонента, отражает субъективный взгляд автора на космическое пространство.

Как отмечает Н.А. Туранина, второй (неметафоризируемый) компонент метафорического образа «определяет связь всего образа с реалиями окружающего мира, поэтому анализ источников метафоризирующих (указательных) слов необходим и важен для выявления закономерностей формирования и функционирования метафорической парадигмы» [6, с. 49]. В поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева наименования, репрезентирующие неметафоризируемый компонент, объединяются в несколько ТГ, причем среди данных номинаций можно выявить лексемы, характерные для всех анализируемых авторов, а также лексемы, соотносящиеся с образами космического пространства в поэтическом творчестве каждого отдельного художника слова. Наименования, номинирующие неметафоризируемый компонент в поэтическом слове

К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева объединяются в семь ТГ, среди которых наиболее представленными являются ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика», «Отвлеченные понятия», «Эмоциональные состояния и их внешнее проявление».

В поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева наименования, манифестирующие метафоризируемый компонент, представляющий собой космическое наименование, имеют регулярное соотношение с широким диапазоном номинаций различных ТГ, что позволяет выделить основные направления метафоризации космической лексики: космический образ – человек, космический образ – отвлеченное понятие, космический образ – эмоциональное состояние, космический образ – природа и др. Так, например, лексемы *солнце*, *звезда*, *луна*, *луч*, *заря*, *радуга* могут сочетаться с номинациями, относящимися к разным ТГ: *солнце* соотносится со словами ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика», «Отвлеченные понятия»; *звезда* – с лексемами ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика», «Отвлеченные понятия», «Эмоциональные состояния и их внешнее проявление», «Флористические наименования»; *луна* – с номинациями ТГ «Наименования, обозначающие различные качества и свойства», иногда с лексемами ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика»; *луч* – с единицами ТГ «Отвлеченные понятия», *заря* – с лексемами ТГ «Отвлеченные понятия», реже ТГ «Соматическая лексика», в единичных употреблениях – с номинациями ТГ «Наименования, обозначающие различные качества и свойства» и «Наименования, обозначающие какой-либо промежуток времени», что представлено в таблице 2 «Парадигмы метафоризируемых космических образов (звезда, солнце, луна, луч, заря, радуга) в поэтическом слове К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева».

Таблица 2

**«Парадигмы метафоризируемых космических образов
(звезда, солнце, луна, луч, заря, радуга) в поэтическом слове
К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева»**

	К. БАЛЬМОНТ	В. БРЮСОВ	М. ВОЛОШИН	Н. ГУМИЛЕВ
З В Е З Д А А	<p>Души - звезды</p> <p>Звезда исканий</p> <p>Звезды обновления</p> <p>Вождь – звезда</p> <p>Ты (была) звезда</p> <p>В очах – звезда</p> <p>К плодам-звездам</p> <p>Растение – звезда</p> <p>Звезды чудес</p>	<p>Звездам любви</p> <p>Мечта – звезда</p> <p>Звезды трещин</p> <p>Я – звезда</p> <p>Звезда любви</p>	<p>Ты звезда</p> <p>Звезда истины</p> <p>Звезда знания</p>	<p>Ты звезда</p> <p>Звезды горести</p> <p>Звезда побед</p> <p>Очи - звезды</p>
С О Л Н Ц Е	<p>Ты – солнце</p> <p>Я солнце</p> <p>Солнце духа</p> <p>Солнце в каждом взоре</p> <p>Душа увлечена (озарена) солнцем</p> <p>Солнце-исполин</p> <p>Мадонна солнце</p> <p>Правда в солнце превратилась</p>	<p>Солнце новой жизни</p> <p>Солнце желаний</p>	<p>Я свет солнц</p> <p>Блеск солнц в душе</p> <p>Города-солнца</p> <p>Солнце завтрашнего дня</p> <p>Солнце Вячеслава</p>	<p>Солнце духа</p> <p>Сердце в солнце превратила</p> <p>Солнце вливается в вены</p> <p>Солнце-зверь</p>
Л У Н А	<p>Луна-гасильница</p> <p>Владычица-луна</p> <p>Душа увлечена</p> <p>Луной</p> <p>Дышу – Луной</p> <p>Луна погибших дней</p>	<p>Лицо – луна</p> <p>Дышим луной</p> <p>Любовник- месяц</p> <p>Волшебница- луна</p>	<p>Девушки-луны</p>	<p>Обожженная луной душа</p> <p>Ты – луна</p>

**СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Л У Ч	Луч откровенья Я луч Луч мечты Луч привет Красота есть луч Луч последних дней Луч любви	Луч красоты Луч вдохновенья В лучах побед Луч грезы Луч любви В лучах свободы Лучи снов	В лучах лица В лучах славы Луч радости	Луч жизни Взоры-лучи
З А Р Я	Громовница-заря Утрусь зарей Память - заря	Заря сознания Заря свободы В душе мерцает свет зари Заря братства Заря времен	Я изморозь зари Заря свободы	Заря бытия
Р А Д У Г А	Радуга мечты	Радуга любви Радуга огней	Радуга бриллиантов	Радуга созвучий

В лирике К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева с номинациями ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика», «Отвлеченные понятия», реже с номинациями ТГ «Флористические наименования», «Наименования, обозначающие различные качества и свойства», «Наименования, обозначающие какой-либо промежуток времени» сочетаются космические единицы: *облако, зарница, гром, светило, рассвет, гроза, молния, небо, созвездья, метеор, комета, туча*, в результате чего в поэтических текстах анализируемых авторов функционируют такие парадигмы:

К. Бальмонт: *я облачко, в душе зарницы, ты отблеск зарниц, в душе гроза, я гром, мы не громы, я светило, цветок – планета;*

В. Брюсов: *ты связь миров, рассвет – улыбка, я рассвет, вы – гроза, я в грозе, огонь молний прожжет сердца, глаза – небо, грозы последних лет,*

скиталица-планета, в зареве дум, в небе бытия, небосвод жизни, пить небосклон, комета привета;

М. Волошин: *тучи мерцанья, закат дней, в мирах любви, Вселенная свободы, Вселенная любви, сознание – вспышка молнии в ночи, молнии смеха, созвездья возникали внутри тебя;*

Н. Гумилев: *заревое мечты, гроза ликования, храм – гроза, молнии глаз, в душе свет комет, сердце – метеор, дух – метеор, много в сердце созвездий, Ева – зарница, молнии взгляда, глаза – зарницы, глаза – небосклон, души – тучи, в душе гроза.*

В функциональной направленности метафорических космических образов в поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева прослеживается антропоцентризм, хотя эти образы могут выполнять и другие функции. Таким образом, космические образы в лирике К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева могут использоваться для описания:

- внутреннего мира человека: *о, да, в начале было Слово, и как не помнить мне его!... Сознание, Сила и Основа – три солнца духа моего! (Бальм., 1903); я брошен ею, но не плачу: видишь ли: я улыбаюсь. – Твоя улыбка – рассвет печальный над погоревшей деревней (Брюс., 1913).*

- внешнего образа человека: *и, трепеща, необычайны, горе мы подняли сердца и причастились страшной Тайны в лучах пылавшего лица (Волош., 1904 – 1905); если звезды ясны и горды, отвернутся от нашей земли, у нее есть две лучших звезды: это смелые очи твои (Гум., 1915).*

- физиологических и психических процессов человека: *к лесам, к горам, к вершинам белоснежным я мчусь в мечтах, как будто дух больной, я бодрствую над миром безмятежным и сладко плачу и дышу – луной (Бальм., 1894); мы вдруг умираем, в истоме дрожа, без сил умираем и дышим луной (Брюс., 1898).*

- эмоциональных состояний: *ты хочешь, чтоб была я смелой? Так не пугай, поэт, тогда моей любви, голубки белой на небе розовом стыда (Гум., 1912).*

- действий человека (чаще всего движения): *не кляните, мудрые. Что вам до меня? Я ведь только облачко, полное огня. Я ведь только облачко. Видите: плыву. И зову мечтательней... Вас я не зову (Бальм., 1902).*

- артефактов: *сестра ожиданий моих, звезда исканий полных, огонь мгновений урочных (о храме) (Бальм., 1906); Париж, Царьград, и Рим – кариатиды при входе в храм! Вам – солнцам-городам, кольцеобразно легшим*

по водам, завещан мир. В вас семя Атлантиды (Волош., 1915); давно без карты и магнита кручусь в волнах, носим судьбой, и мой маяк – звезда зенита... (Брюс., 1919).

- отвлеченных понятий: *я жаждал слиянья с лучом откровенья, созвучия встречи с бессмертной душой (Бальм., 1897); в высоте небесной засветлеют звезды золотые из разрыва туч. Это звезды истины и знания, и они не меркнут никогда (Волош., 1897); четвертый воскликнул: «Мы эти мгновенья навек околдуем: да светятся, святы, они над вселенной в лучах вдохновенья» (Брюс., 1917)*

- времени (будущего и прошедшего): *и черный тисс одели леса склоны... Туда идем, к закатам темных дней, во сретенье тоскующих теней (Волош., 1907); огни твоей земной вселенной – как тень в лучах иных миров! За гранью счастья и несчастий, есть лучшей жизни небосклон (Брюс., 1907); пойми великое предназначенье славянством затаенного огня: в нем брезжит солнце завтрашнего дня, и крест его – всемирное служенье (Волош., 1918).*

- обрядов и ритуалов: *жернов крутится упорный, белый праздник ночью черной... звезды обновленья прорезают как туман, в круге знаменье, раденье, со святой водою чан (Бальм., 1906)*

- мира природы: *а когда к устам красный льнет закат, по златым следам, мы к иным цветам, мы к плодам-звездам удалимся в сад (Бальм., 1916).*

Космические образы в поэтических текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева активно вовлекаются в метафорический процесс, в результате чего при метафоризации образов космического пространства прослеживается общая семантизация, являющаяся, с одной стороны, соответствующим продолжением традиций русских поэтов различных эпох, с другой стороны осмысленная в русле поэзии начала XX века.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 160 – 163.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.

4. Гак, В.Г. Беседы о французском слове: (из сравнительной лексикологии фр. и рус. яз.) / В. Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1966. – 335 с.
5. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000.
6. Туранина, Н.А. Именная метафора в русской поэзии начала XX века / Н.А. Туранина. – Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 1999.– 214 с.

Коллектив авторов

Биль О.Н., Болгова Е.В., Гливенкова О.А., Гориславец Е.В., Курилова С.Н.,
Лосинская Е.В., Морозова О.Н., Пащенко М.В., Фадеева Л.Ю.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Монография

Подписано в печать 13.11.2020.

Формат 60х84 1/16. Усл. печ. л. 7,09.

Тираж 500 экз.

МЦНП «Новая наука»

185002, г. Петрозаводск

ул. С. Ковалевской д.16Б помещ. 35

office@sciencen.org

www.sciencen.org